

Сергей Кокорин

**Бронзовые
ключи**

Художник - Николай Пономарёв
Оформление обложки - Александр Голубкин
Компьютерная вёрстка - Екатерина Галкина

Кокорин С.А. Бронзовые ключи. - Курган: ООО «Типография Дамми», 2016.
- 212 с.

Очередная книга зауральского писателя Сергея Кокорина включает две повести и три рассказа. Герои произведений - обыкновенные люди, живущие рядом с нами, но волею судьбы поставленные в необычные ситуации. Их жизнь и поступки показаны с присущим автору юмором через состояние их души, через их переживания. От того и повести, и рассказы наполнены светом и глубиной человечностью.

ISBN 978-5-89506-140-4

© Кокорин С.А., 2016
© ООО «Типография Дамми»

В СОГЛАСИИ С САМИМ СОБОЙ

Если задать вопрос – а что же самое главное в нашей жизни, кроме семьи, жены, детей? Подумав, можно ответить, пожалуй, так: радость творчества, удовлетворение от собственной работы. Когда оно есть, то все получается и складывается в семье, есть равновесие в душе, и друзья по жизни как подобие и продолжение твоё.

Вопрос выше, конечно, задан немного некорректный, но согласитесь, когда близкий человек увлечённо и плодотворно работает, чаще улыбается – значит, всё у него хорошо. От того и родным радостно. И лишь соседи удивляются – что это с ним?

А с ним ничего особенного. Он – творит! Наш, кетовский, член Союза писателей России Сергей Аркадьевич Кокорин, не перестающий удивлять и радовать коллег своими литературными находками, всё новыми и новыми произведениями и глубиной проникновения в образы героев.

Талантливого человека часто хвалить – только портить. Но что делать, если у меня выработалась «скверная» привычка: как только я начинаю читать повести и рассказы Сергея Кокорина, так мир перестаёт для меня существовать. Вот что такое сила таланта! А всё потому, что нежданно-негаданно шагнули в моё сердце открытый и жизнерадостный рулевой-моторист Леонид Королёв («все любили-уважали»...- не стареет романтика песни!), молодой и неопытный матросик Валера Стручков, второй штурман нефтеналивного теплохода ТН-6** Михалыч, ушлый деревенский мужичок Николай Котяткин, и ещё много-много узнаваемых читателем и таких дорогих автору персонажей, которые все вместе возят на танкере «горючку» на Крайний Север.

Юмористические ситуации, житейские истории, столкновение характеров... Несколько штрихов – и перед нами портреты всех членов команды, таких... таких доступных

и понятных во всех их житейских перипетиях, как будто только что я разошёлся с ними «бортами».

Герои повести «Бронзовые ключи» - те самые «ключи», с которыми работает Романыч – капитан ТН-6** (по окончании каждой навигации собирающийся уволиться, но вновь и вновь возвращающийся), несмотря на их недостатки - разгильдяйство, разухабистость и даже пьянство. Других нет. Это люди. Такие, как мы. Но их объединяет значимая цель: помочь людям Севера, и ради этой цели они становятся настоящими знатоками своего дела.

Не менее интересна и следующая повесть автора - «Мужчины у дачи». Игра слов, а интересное название получается, со смыслом. Содержание немудрёное: три друга детства решили помочь четвёртому построить дачу. Ну и сюжет, скажет кто-то, так, пустяковина, никаких тебе переживаний, потрясений, коллизий, ситуаций... А вы её читали? Поверьте, всё там есть: и коллизии, и ситуации, и дачные интриги, и игра в «гляделки», и семейные ссоры, и мир, наполненный людьми, знакомыми с детства. А фамилия у главного героя – Бодриков! Вам ничего не говорит такая «бодрая» фамилия? От неё все приключения, что претерпевают герои, взрослые мужчины – «дети», бодающиеся с козлом или пытающиеся прокатиться на свинье. Несерьёзно, опять скажет кто-то. Да серьёзно, братцы, серьёзно! Повесть - это наше зрелое воспоминание о детстве, шаловливом, безответственном, безграничном в своей вседозволенности. Но дачу-то всё же построили! Деловые и рукастые потому что. Научили годы не забывать о первых уроках труда в школе, о взаимовыручке и добром отношении к окружающему миру. И хотя сам автор определяет повесть как ироническую, я с ним не согласен: она – дружеская, любовная, рабочая, смешная... Человеческая в общем.

Особое удовольствие испытываешь, когда погружаешься в мир рассказов Сергея Кокорина. Коротко. Ёмко. Зна-

чимо. Тут и в сюжет вдумываться особо не надо, мысль не теряется, к тексту прочитанному возвращаться не требуется. Лишь читаешь – и: по-доброму смеёшься над приключениями кандидата наук Льва Синицына, переживаешь за духовные искания Юрия Стрижова, вспоминаешь и оцениваешь дефективного Климушку в его отношениях со своими обидчиками-ребятишками. И мы были такими же беспощадными и глупыми, смеясь в далёком детстве над тем, кто был, мнилось, слабее, а оказался сильнее нас. И мы покаяться через годы. Да не вернёшь былого, не возвратишь потерянную жизнь. Царство небесное блаженным. Недаром им цари храмы ставили.

Таков наш Сергей Кокорин. Я с удовольствием говорю слово «НАШ», потому что он – земляк, шутливый и ироничный, серьёзный и проникновенный, глубокий и народный автор и короткого рассказа, и больших повестей. «Высекая» сюжеты из прошлого, он уже остался в настоящей литературе и шагает в будущее вместе с героями своих повествований.

**Владимир Филимонов,
Председатель Курганской областной
писательской организации.**

БРОНЗОВЫЕ КЛЮЧИ

Леониду Королёву – рулевому-мотористу речного танкера со скромным наименованием из двух букв и трёх цифр, приснился странный сон: будто бы он попал в горах под камнепад, и его придавило огромным валуном. От падающих камней стоял такой шум и грохот, что Лёнька проснулся. С небольшого столика в каюте мотористов на пол летели кружки, книги, ключи и прочие предметы флотского беспорядка. Из того, что его чуть не вдавило в переборку, Королёв заключил – налетели они на мель. На хорошую мель. И с хорошей скоростью.

Теплоход шёл в низ, поэтому к десяти узлам скорости судна нужно было добавить скорость течения реки. «А потому, сниматься долго придётся», – подумал Лёнька. И потеряны будут тонно-километры, столь необходимые для выполнения плана и получения премии. Не дожидаясь сигнальных звонков, он поднялся в ходовую рубку, ещё в каюте надев штаны, а тельник натянув уже на ходу. Было два часа ночи – время капитанской вахты. Но поскольку кэп приболел, вахтенным начальником был первый штурман, он же старший механик, Шевченко Анатолий Алексеевич – здоровенный мужчина, лет тридцати пяти с белым кучерявым чубом и хриплым матершинным голосом. Лёнька вошёл. В рубке был вахтенный рулевой-моторист Юрий Мазовецкий. Высокий стул рулевого на металлической ножке валялся на полу. Мазовецкий стоя маневрировал рулями и машиной, успевая левой рукой поворачивать прожектор, который освещал крутой высокий берег, куда на полном ходу и въехал танкер, оставив форштевнем след, как оставляет тупой топор на вязком берёзовом полене в безнадежной попытке его расколоть. Отработав дизелями назад и направив теплоход по фарватеру, Юрка спросил:

– Лёха, как там в каютах?
– В нашей – всё на полу. Как в других – не знаю. Сейчас прибегут, расскажут.

– Сейчас Алексеич придёт. Он предупредил, что часок отдохнёт. Вторую вахту подряд стоит. А я тут зазевался... И в берег.

– Чего уж, зазевался! Скажи прямо – уснул. Если бы зазевался, на морде лица ничего бы не было.

У Мазовецкого под правым глазом наливался бланш.

– Ну, закемарил маленько, с кем не бывает. Я тоже не железный. Железный, вот, компас. Это я об него приложился, когда полетел.

В рубку вошёл хмурый Шевченко. Сверкнул очами на Мазовецкого, осторожно трогаящего правый глаз.

– Это ты ему, Лёнька, фонарь повесил? Молодец! Щас я добавлю, чтоб не спал, сука – не матрос...

Старпом покрутил прожектором по сторонам, одновременно продолжая отпускать по адресу Юрки самые фольклорные выражения. Потом закурил и стал смотреть в альбом с картами судового хода. Снова покрутил прожектором и уставился на Юрку, хищно прищурившись:

– Мазовецкий, мы куда, вообще-то, идём?

– А чё такое, Алексеич?

– А ты на бакены посмотри! Всё ещё спишь, мать твою...!
– Шевченко снова кратко охарактеризовал работу рулевого с помощью «спецтерминов». – Какого цвета бакены справа по борту? А какие должны быть?

Лёнька понял, что произошло. Когда Мазовецкий въехал в яр, корму теплохода занесло по течению. Отработав задним ходом, Юрка спросонья даже не врубился, что теплоход развернуло на сто восемьдесят и преспокойненько поставил «полный вперёд». То есть, они уже четверть часа шли в обратную сторону – вверх по течению.

Шевченко сам встал у штурвала и стал выполнять оборот. Лёнька отправился в свою каюту. С восьми утра была его вахта со вторым штурманом.

Погода хмурилась, а вместе с ней хмурилось настроение. Бывает такое, когда, вроде бы, и причин-то нет для печали, а настроение все равно – ни к черту. С утра обсудили ночное происшествие. Потом штурман начал перемывать кости Мазовецкому. Лёнька не поддержал эту тему. Он знал, что может Юрка накосячить, но может и пахать сутками, когда требуется. Чего не скажешь про второго штурмана – Алексея Михайловича Лыжина.

Дневная вахта, в отличие от ночной, проходит быстро. Все на ногах. Туда – сюда шныряют. Да и работы больше. Ночью тихо. Разве что форс-мажор какой. Ну, так тогда всем покоя нет – всех поднимут, кроме подвахтенных, да и то, если у старпома настроение хорошее.

После ужина вышел на корму покурить. Смотрел Лёнька, стоя на ахтерпике, на две кильватерных струи, на чаек горластых, которые не отставали от теплохода и, пикируя, время от времени выхватывали из воды оглушённую или порубленную ходовыми винтами рыбёшку.

Докурив до фильтра очередную сигарету, отправлял окурок щелчком за борт и крутил в голове невесёлые мысли: «Ещё год за кормой, а что толку? Тоски прибавил только он, завить так хочется... Как волку... Ни хрена себе, я уже думать стал в рифму! А это уже тревожные симптомчики. Говорит же старший механик – нормальный человек стихов писать не будет! А у меня уже целая тетрадка исписана... Тоска смертная. Уже двадцать четыре... Лермонтова в двадцать семь убили. А я чего добился? Хотя, вроде, чего-то добился. Но ведь не того, что хотел! Может, просто не знал, чего хотел? Не был уверен? Хотел стать морским офицером и ходить по морям, по волнам... Ну вот, иду по волнам. Офицер. Только в запасе. Судно тоже не военное, а гражданское. Танкер. Вдыхаем пары бензина двадцать четыре часа в сутки. Кэпу сорок девять, а выглядит лет на

десять старше. Жаловался как-то: «Из нашего брата редко кто до шестидесяти доживает». А я тоже ... Не подумавши, ляпнул: «Ты, Романыч, уже на пятьдесят девять выглядишь». Думать надо сначала, а потом говорить, да и то... не обязательно то, что думаешь. Вроде чего-то добился, а всё не то. Зигзаги судьбы. Какой судьбы? Сам загибал эти зигзаги. Зарабатывать хотел много. Ну, зарабатываю... Люди семейные как-то на сто двадцать рублей живут. Я холостой, зарплата в пять раз больше, мне не хватает... Зачем зарабатывать? Беден не тот, у кого мало, а кому больше надо. Чего тошно-то так? Неудовлетворённость» – мысленно подвёл черту Лёнька.

Надо сказать, такими терминами, как «счастье», «любовь» и прочие, Лёнька по жизни не пользовался, считал их подходящими только для женских романов. Наташу, конечно, он вспоминал каждый день. И, в отличие от той, первой навигации, даже звонил иногда. Может быть, это и есть любовь? После трех встреч? Ну, после трех. И что? Бывает любовь с первого взгляда. Бывает. Так тогда и не расстаются, если это настоящее чувство. А он уезжает на полгода и сердце не дрогнет. Чуть какая-то! Все моряки уезжают. Все уезжают, да не всех дожидаются. Вот он когда возник, червь сомнения! И с Наташкой хочется не расставаться и на флоте карьеру сделать. Ведь рано или поздно встанет вопрос – захочет ли она ждать всю жизнь? Это вряд ли. Но ведь ждет же! Ждет, пока студентка. С мамой, с папой живет. Для нее сейчас учеба важнее всего. Целеустремленная она, Наташа. Это у нее не отнимешь. Хочет с красным дипломом закончить. Это, вроде, и неплохо. Но с его сегодняшней точки зрения, бессмысленно. Кто у него спросил, какую ему оценку за дипломную работу поставили? Кому это надо?

Так что же, все-таки такое, любовь? Интересный вопрос. Любовь, это когда... Любовь, это если... Здесь Лёнька опять задумывался. Получалось, что в свои двадцать четыре он не знал, что такое любовь. Или объяснить не мог.

Даже самому себе. А мысли опять уносили в прошлое - к первой встрече с Натальей.

Июнь. Жара. Тополиный пух. Они закончили пятый курс и сдали последний экзамен в последней сессии – госэкзамен по научному коммунизму. Впереди работа над дипломом, до окончания института еще более полугодика. А пока – лето, отдых. Они всей группой отметили это событие, а потом гуляли по ночному городу, полные впечатлений, эмоций и оптимистичных планов на будущее. Вдвоем с Сашей Волковым вышли к реке, где и встретили двух девушек, гуляющих по набережной. Галя и Наташа тоже учились в машиностроительном институте и тоже сегодня сдали последний экзамен. Только закончили они первый курс и учились на экономическом факультете.

Настроение у всех четверых было мажорное, а Волков и Королев после выпитого и вовсе были в ударе – балагурили и шутили без конца, чем очаровали подруг. Пройдя по набережной и миновав песчаный пляж с кабинками и скамейками, они увидели у берега светлые силуэты небольших речных судов. Это были два давно списанных пассажирских «Т»-эшника. Когда-то их охраняли – находились они недалеко от спасательной станции и школы ОСВОДА. А теперь, спустя несколько лет, их уже и не охранял никто, и стояли они – два забытых ветерана речного флота, потирая друг друга бортами, скрипя надстройкой, как будто жалуясь на судьбу. Лёнька, который уже бывал на этих брошенных суденышках, предложил:

– Давайте, девчонки, сходим на экскурсию, на теплоходики. Я, когда в школе учился, даже катался на них. На экскурсию нас возили.

Оказалось, что и остальным в детском возрасте посчастливилось пройти по Тоболу на этих «Т»-эшниках.

Ночные теплоходы были таинственны и полны атмосферой волнующей романтики. Вся компания сидела в каюте. Слушали Лёньку, который действительно много знал о различных судах и рассказывал, какое место в истории пассажирского флота занимают эти кораблики.

–...Берут на борт они всего шестьдесят пять пассажиров, но зато и осадка у них небольшая – сантиметров шестьдесят – семьдесят. Мощность силовой установки сто пятьдесят лошадиных сил, один трехлопастной гребной винт...

Наташа внимательно слушала Королева, ей нравилось, как воодушевленно он говорил. Темноту каюты слабо рассеивал лунный свет из иллюминаторов. В таинственном полумраке длинноволосый Лёнька в белой рубашке казался ей средневековым капитаном, который знакомит ее с кораблем перед путешествием, полным опасностей и романтических приключений.

– А почему винт гребной? – Перебила Галя. – Я думала, винт крутится.

– Он крутится и гребет за счет геометрии лопастей, – с удовольствием пояснял Королев.

Потом Саша с Галей вышли на палубу, а Леонид с Натальей еще долго сидели в каюте. Во внешности новой знакомой Королев отметил интересное сочетание: большие черные глаза и длинные светлые волосы. Он обнял ее за плечи, рассказывал о себе и своих планах, расспрашивал ее и, время от времени, пытался поцеловать. Наташа смеялась, отворачивалась и не очень активно сопротивлялась...

Лёнька тогда у нее даже не спросил ни адреса, ни телефона. Хорошо хоть фамилию и номер группы узнал. Встретились они в следующий раз только в сентябре, когда начались занятия в институте. Да и то как-то на бегу. Он опаздывал на тренировку, поздоровался мимоходом, поймал ее руку и для того, чтобы хоть что-то спросить, спросил номер телефона. Запомнил легко – 22-23-14. Вообще-

то, чтобы не запомнить такой номер, надо быть, конечно, идиотом. Чего тут запоминать? Три двойки и число «пи».

Последняя затяжка. Щелчок. За борт полетел очередной окурок. «Хватит вспоминать, пора в каюту - слушать из-за переборки вопли Михалыча под гармошку»

Алексей Михайлович, действительно, не расставался с гармошкой, играть на которой его научил дядька. Алеша Лыжин воспитывался без отца. А потому, из всей родни ближе всех ему был дядя – родной брат матери, который и приучил его к мужской забаве, к охоте. Она стала для Алексея и любимым занятием, и средством пополнения скудного семейного бюджета – мать зарабатывала совсем немного. Тем не менее, именно она настояла, чтобы сын закончил десять классов, надеясь, что он после десятилетки выберет себе профессию по душе. Но Алексея и после окончания средней школы не привлекло ни одно занятие, кроме охоты. Тогда, посоветовавшись с мамой и с дядей, он поступил в речной техникум на судоводителя. Там он узнал, что на реке сейчас «совмещенка» и кроме штурманской профессии придется овладевать еще и профессией механика. Заканчивал техникум, как и многие, уже после армии заочно, работая рулевым-мотористом. Как только получил рабочие дипломы, сразу же перевелся вторым штурманом, потому что возиться с мазутным железом не хотел и считал это не своим делом. Поскольку на своем теплоходе это место было занято, пошел, куда направили. А направили его на танкер ТН – 6**.

К этому времени он уже успел развестись со своей женой, женился на которой против воли мамы, пылко влюбившись и посчитав, что второй такой он уже никогда не встретит. Жизнь семейная не задалась сразу – может мама сглазила, а может просто угадала характер невестки, которая любила, чтоб на нее не только муж обращал внимание. Леша Лыжин долго не хотел верить тому, что рассказывали

люди добрые про его жену. Но однажды застал ее с мужиком, не вовремя заявившись домой. Сначала вспыльчивый Лыжин схватился за охотничий нож, который у него был всегда под рукой. Пока решал, кого первого зарезать, мужик скрылся, оставив на память летную фуражку на полке. Жену Леша резать передумал – любил, все-таки. Просто выгнал голую на мороз и возблагодарил аистов, что не принесли детей. Потом она через неделю за вещами приехала. Да не одна, а с Лешиным другом, с которым он в техникуме учился и хлеба горбушку делил пополам.

Тогда Алексей Лыжин решил, что никогда больше не женится, а остаток жизни – а было ему уже двадцать семь – посвятит работе и любимой охоте. Поэтому, когда первый раз Мазовецкий приревновал его к радистке Гале, он просто послал их обоих далеко-далеко и думать про это забыл через пять минут. Галина, тем не менее, внимание ему продолжала уделять, так как всегда подтянутый и свежесвыбритый Лыжин явно выигрывал в ее глазах перед неряшливым и нескладным Мазовецким.

Кроме Мазовецкого, своим недругом Алексей считал Анатолия Алексеевича Шевченко. Это он, по мнению штурмана, дискредитировал его в глазах команды, постоянно делая замечания. Первая их стычка произошла, когда старпом, сдав вахту Лыжину, велел добавить масло в редуктор.

Второй штурман, не увидев рядом своего вахтенного моториста – Королева, отдал распоряжение молодому матросику Валере Стручкову, который оказался под рукой. Тот с радостью кинулся выполнять. Через минуту прибежал спросить:

- А сколько лить-то, Михалыч? Ведра хватит?
- Михалыч, ничтоже сумняшеся, махнул рукой:
- Хватит!

Когда Валерик, отвернув крышку, бухнул в редуктор ведро машинного масла и, снова запустив дизель, пришел в рубку, второй штурман все же поинтересовался:

– Ну как, шестерни скрыло маслом?

– Не совсем, – безмятежно ответил матрос, – чуть-чуть видно.

Посчитав, что это нормально, штурман успокоился. Однако, через полчаса из машины все услышали рев механика, перекрывающий децибелами и матом грохот дизелей. Оказывается, масло, залитое с двукратным превышением нормы, на полных оборотах стало хлестать из-под крышки по стенам и потолку машинного отделения, которое накануне мотористы отдраили буквально до блеска щетками с мыльной пеной.

Ворвавшись в рубку, механик не стеснялся в выражениях, роняя авторитет штурмана ниже стланей* (металлический настил в машинном отделении):

– Уроды! Дебилы! Вылизывать заставлю! Вы что, ни разу не слышали, что такое мерной щуп? Моя бабушка знает, что на щуп надо смотреть, когда масло добавляешь! Ноги оборву, если еще раз в машине появитесь! Обоим! Сразу! По самые яйца!

Про ноги, конечно, старпом погорячился. Он и не думал их обрывать. Но на штурмана стал с тех пор смотреть сердито, а Стручкова гонял еще больше.

К полудню теплоход ошвартовался в Романовке – деревне на высоком берегу Иртыша. Здесь должны были выгрузить оставшиеся в танках сто двадцать тонн дизельного топлива, после чего вернуться в порт под загрузку и потом уже идти на север до Ханты-Мансийска и далее до Салехарда. Вся навигацию предстояло работать от Салехардского порта в Надым и Ныду: завозить бензин, дизельное и вертолётное топливо. Там, за восьмидесятой параллелью, команду ждали морские оклады, высокий северный коэффициент и, как следствие, большие заработки.

Больше всех Романовке был рад стармех Шевченко, потому что в этой деревне была МТМ, а следовательно, был токарный станок и, возможно, даже токарь. Механику, край конец, нужно было проточить фланец к одному из грузовых насосов, который подтекал и запускать его было небезопасно. Не воду ведь качает. Шевченко разбудил Мазовецкого, который всё ещё отсыпался после ночной вахты:

– Пойдёшь на берег, найдёшь МТМ, договоришься с токарем. Пусть проточит фланец.

– Как договориться-то? Минимум – трояк надо!

– Найдёшь трояк! Фланец сделаешь, потом тебе кэп возместит расходы.

У Мазовецкого за душой не было ни копейки. По договору, заключённому с бухгалтерией, половина зарплаты перечислялась на сберкнижку, вторую половину он тратил «по собственному усмотрению» – пропивал всё до копейки.

– Давай я Котяткина с собой возьму, – предложил он механику. – У него хотя бы деньги есть.

– Опять напьётесь с этим Котярой!

– Ну, что ты, Алексеич! Как можно! Ты же меня знаешь. – Юрка приложил руку к сердцу.

– Юра, знаю я тебя, знаю. Поэтому предупреждаю, если что – будешь объясняться с кэпом – с Романычем!

– Не беспокойся, Алексеич! Всё будет в лучшем виде!

Два друга, Мазовецкий и Котяткин сошли с трапа и пошли в деревню. Начал накрапывать дождь, поэтому оба были в одинаковых выцветших до желта штормовках и в резиновых сапогах. Со спины они были похожи, как близнецы: одного роста и в одинаковой одежде. Мотористы шли широкой тропинкой, окаймлённой зарослями высокой травы.

Лёнька и второй штурман – Алексей Лыжин, несшие стояночную вахту, смотрели им вслед из рубки.

– Хочешь, Лёха, я отгадаю, о чём они сейчас говорят? – спросил штурман, сунув руки в брюки и покачиваясь с пятки на носок.

– А тут и гадать нечего, Михалыч, у них одной лишь думы власть, одна, но пагубная страсть! – усмехнулся Лёнька.

Штурман погорячился, взявшись отгадать, о чем говорят мотористы – они шли молча. Но думали об одном и том же – как одним походом в деревню убить двух зайцев. Юра Мазовецкий: «Токарю одной бутылки за глаза хватит, одну – с Котярой оприходуем, пока фланец точат. И на судно вернемся быстро, и ни в одном глазу» Николай Котяткин: «Чтоб деньги зря не пропадали – возьму на все водки. Потом обменяю на рыбу. Одну токарю отдадим, ну, а одну и приголубить можно за ради такого дела. И все будет в ажуре!»

Но в сельском магазине их ожидала неприятность – водки не было. Нет, спиртное-то было. Не было именно водки. Пережив стресс, мотористы молча стояли и разглядывали ряды бутылок на витрине. Шевеля губами, про себя читали экзотические названия на этикетках: «Абу – Симбел», «Рижский бальзам»... Удивлялись – зачем вообще привозят такие напитки, которые годами стоят на прилавке и никто их не берёт. Взять коньяк, например, дорогой, а пить противно. Уж лучше одеколону выпить. Тоже, конечно, противно, но зато по карману не так бьёт.

Наконец, их блуждающие взгляды остановились на этикетке с надписью «Вермут». Посмотрели друг на друга.

– Сколько брать будем? – спросил Юрка и сглотнул слюну. Немного растерявшийся Котяткин стал напряженно думать. Мазовецкому даже показалось, что он слышит, как в Колькиной лохматой голове скрипят шестерёнки. От напряжения на носу Котяткина выступили бисеринки пота – его финансовые планы были в расчёте на водку. Наконец он выдал:

– Штук семь надо... Или десять. Не знаю я.

Посоветовались, решили, что надо брать восемь: одну отдадут токарю, одну с ним же, в знак благодарности и выпьют, а шесть Котяткин возьмёт с собой. Рассчитавшись, у

продавца спросили, как пройти в МТМ и двинулись дальше.

Машино-тракторная мастерская представляла из себя захлапленную территорию, на ней стояло несколько больших гаражей из красного кирпича, которые назывались цехами. В одном из цехов они обнаружили токарный станок. Рядом два мужичка, тихонько переругиваясь, пытались поставить коробку передач на ГАЗ – 52. Они подсказали, что токарь в курилке.

Войдя в курилку, где людей было больше чем в цехе, Мазовецкий громко поздоровался и для завязки разговора воскликнул:

– От накурили-то! Хоть топор вешай!

– Попробуй, – посоветовал ему один из работяг.

– Мужики, кто из вас токарь будет?

– Ну, я токарь, – ответил этот же невысокий мужичок в очках и белёсой стираной куртке, которая резко контрастировала с грязными мазутными штанами и ещё более мазутной кепкой, по калориям явно превосходившей сырую нефть.

– Понимаешь, друг, с просьбой к тебе. Насос у нас на пароходе сломался. Привезли вам солярку, а выгрузить не можем. Помоги. Фланец проточить надо.

Мазовецкий не стал углубляться в детали – два грузовых насоса на танкере, всё-таки, работали и уже качали топливо в береговые цистерны. Они вышли из курилки, достали из сумки фланец.

– Смогёшь?

– Запросто, – сказал токарь.

– Вот и ладно, а мы тебе бутылочку...

– Э, нет. Не пойдёт! – объявил токарь – метр с кепкой – и протянул фланец Мазовецкому. – Я пить бросил! Так что не пойдёт.

– Ну, два рубля тогда.

– Нет, не пойдёт. Я деньгами не беру.

– Три рубля!

– Сказал, деньгами не беру.

Мазовецкий опешил:

– А чё тебе надо то? Тут делов-то на полчаса!

– Какие полчаса? Я за пятнадцать минут бы сделал, – сказал токарь тоном Наполеона, которому предложили сразиться с женским батальоном.

– Ну, и что нам делать? – растерянно спросил Юрка.

– А идите к начальству. Пусть оно, начальство, решает!

Мазовецкий, рассердившись, зло сплюнул на пол, блестящий от больших пятен и небольших лужиц автола. Мотористы пошли к выходу. Не дойдя до ворот, услышали окрик:

– Эй!

Оглянулись. «Наполеон» в очках подошёл к ним, мусоля в руках грязную тряпку:

– Какое у вас вино-то?

– Вот, вермут! – Котяткин запустил руку в сумку и «засветил» одну бутылку.

– Надо же! Уже неделю водку не завозят, – возмутился токарь, – травят людей всякой дрянью.

В ответ на недоумённые взгляды речников пояснил:

– Это я о людях думаю. Сам-то я пить бросил.

Взял из рук Мазовецкого фланец:

– Погуляйте часок. Счас изладим.

Дождь то утихал, то вновь начинал моросить как из сита, более походя на осенний. Юрка накинул башлык на голову:

– Давай закурим, что-ли? – предложил Котяткину.

Тут выяснилось, что курево-то они купить забыли. Мазовецкий снова пошёл к токарю стрельнуть пару сигарет. Вернулся он через четверть часа уже с фланцем в руке. Следом за ним, застёгивая на ходу штормовку, семенил токарь.

– Уже готово? – спросил Котяткин.

– Готово. Долго ли, умеючи! – Мазовецкий обернулся к токарю, – Правда, Семёныч?

Токаря звали Пётр Семёнович. Котяткину Юра пояснил:

– Семёныч нас в гости пригласил. Посидим полчаса, поблагодарим. И на паром. Визит вежливости, так сказать.

Вошли к Петру Семёновичу во двор, заросший дикой растительностью средней полосы.

– Айда, ребята, в мою летнюю резиденцию, – показал хозяин на небольшую сараюшку под навесом.

Вошли в «резиденцию». Пахло пылью и куриным помётом. На стенах сараюшки висели верёвки, ремни, цепи, две литовки. В углу стояли лопаты и грабли. Отдельно висел хомут. Уселись за маленький, сколоченный из досок стол. Семёныч достал мутные гранёные стаканы:

– Извиняйте, в дом не приглашаю, хозяйка ворчать будет.

– Да и не надо, Семёныч, у нас всё есть. – Мазовецкий достал из сумки булку хлеба и три плавленых сырка. Токарю понравилось, что сырка три. Значит, ребята о нём думали. Он вышел из сараечки и на огороде нарвал зеленого лука.

Разлив вермут, Юрка поднял стакан:

– Ну, будем!

Пётр Семёнович стакан взял, но предупредил:

– Чур, я только один стакан. И, ша! Я говорил – пить бросил, так что не уговаривать.

– Да, чё, ты – баба, чтоб тебя уговаривать! Ну, будем!

Выпили по стаканчику. Котяткин вытер усы и спросил:

– Давно, Семёныч, пить-то бросил?

– Уж и забыл, как пахнет, – закусывая сырком, сказал хозяин, – считай, почти месяц.

Котяткин задумался, когда же у него был такой перерыв – целый месяц! Получалось, что давно. Наверное, только когда зону топтал. Он покрутил головой по сторонам:

– Добрый хомут! – кивнул на стену. – Лошадь держишь?

– Да какую лошадь! Сосед должен был. Вот хомутом и рассчитался. А куда его девать? Не выбрасывать же.

Мазовецкий разлил по второй. Пётр Семёнович вздохнул. Юрка решил сказать тост:

– За тебя, Семёныч!

Токарь махнул рукой, и все выпили.

По крыше барабанил дождь. Дождевые капли стекали по пыльному оконному стеклу. Казалось, в сарайке стало намного уютней. Вино из бутылок лилось в мужские глотки, как дождевая вода с палубы льётся в шпигаты. Мотористы на время забыли про долг, который, как в песне поётся, соткан из крохотных мгновений. Потому – что эти минуты эйфории были тоже сотканы из мгновений. Но, поскольку, мужики не знали такого слова – «эйфория», они были уверены, что это счастье. И сидели, счастливые, оживлённо беседуя, хохоча и хлопая друг друга по плечам.

Между тем, на судне разгрузка закончилась, и механик стал чаще поглядывать на хронометр, поджидая своих посланцев. Капитан к ужину вышел в кают-кампанию. Поел, поинтересовался, где мотористы. Шевченко объяснил, что с минуты на минуту должны подойти из МТМ. Романыч кивнул, сказал, что в двадцать два заступит на вахту и удалится. Дед подался в рубку. Там сидели второй штурман, Лёнька Королёв и семнадцатилетний матросик Валера Стручков.

Настроение у всех было паршивое – во-первых, дождь, во-вторых, все понимали, что теряют время. Все-таки, когда теплоход идет, шумят ходовые двигатели, то настроение у флотских тружеников более оптимистичное.

Когда снизу раздался шум, как будто вязанку тяжелых сырых дров бросили на палубу, все выскочили из рубки. У самого трапа, ведущего на верхнюю палубу, лежал на спине долгожданный Юра Мазовецкий. Видимо, сделав безуспешную попытку подняться, не рассчитав дифферент и завалился. Он не издавал звуков и даже не делал явных попыток подняться, только слабо шевелил конечностями, как таракан, получивший в голову убийственную струю дихло-

фоса. Старший механик хрипло просклонял бога, мать и Мазовецкого и скомандовал:

– Лёнька, Валерик! Тащите эту сволочь в каюту! Возьмите у кокши нашатырь, заливайте ему в глотку, в нос, в .... И чтоб через пять минут он рассказал, где фланец и другая сволочь! Хотя, если фланец найдется, то другого не надо. Без него уйдем. Суки! Не матросы...

У Мазовецкого смогли выяснить только то, что сумку нёс Николай Котяткин, больше он ничего не сказал. Пока Лёнька Королёв докладывал Шевченко результаты допроса Мазовецкого, пока механик думал, что предпринять, Стручков принёс новость – Котяткин у себя в каюте, в которую он, очевидно, пробрался незамеченным через камбуз.

– Идти может? – первым делом спросил механик.

– Лежит у себя на кровати, а на шее у него хомут, – сообщил матросик. И вдруг брякнул, чуть понизив голос:

– Похоже, он мёртвый, Анатолий Алексеич!

– Чего ты мелешь? Почему мёртвый?

– Морда у него синяя и хомут на нём.

– А ну, пошли, посмотрим! Что из того, что хомут?

– Так ведь кто-то его надел! – продолжал нагонять жути матрос Стручков. – Вот у нас в деревне мужика в конюшне убили и хомут на него надели.

Зашли в каюту. Котяткин в мокрой штормовке и грязных сапогах навзничь лежал на кровати. Его умиротворённое землистого цвета лицо действительно обрамлял хомут. Топорщились усы. Механик пнул свисавшую с кровати ногу моториста. В ответ раздался храп, похожий на рычание.

– Живее всех живых, – сказал Лёнька, – только говорить ещё долго не будет, до утра проспит. – И, повернувшись к Шевченко, обнадежил: – а Юрка, тот быстро проспится, у него рефлекс – к ночи просыпаться, к вахте.

– Раньше он у меня проснется, падла, – пообещал механик. Потом повернулся к Королёву, – собирайся, Лёня, на тебя вся надежда! Юрку я сейчас распинаю. Пройдите с

ним по всему маршруту, где эти черти лазили. Фланец – не иголка, должен найтись.

Лёнька пошел одеваться. Уже стемнело. Дождь продолжался. И хоть совсем не улыбалось ему тащиться в такую погоду, на ночь глядя, в незнакомую деревню, он даже виду не показал. Тем более – его суровый стармех Лёней назвал, обычно – Лёнька, или по фамилии. А доброе слово и кошке приятно.

Шевченко слово сдержал – Мазовецкого поднял. Но не разбудил. Тот тупо шарахался из угла в угол, под цветистую брань механика, пытаюсь одеться и прийти в себя. Наконец, собрались. Лёнька взял с собой фонарь и надел рыбацкую шляпу, так что ни дождь, ни темнота ему были не страшны. Механик проводил их до трапа. Еще раз напомнил Лёньке:

– Я на тебя надеюсь.

На что тот ответил в своей манере:

– Алексеич, сомненья прочь, уходим в ночь!

Спустился по раскачивающемуся деревянному трапу и пошел по тропинке. За ним – руки в карманы, съежившись и спотыкаясь, Мазовецкий.

Пока шли, Королев пытался выяснить у Юрия Мазовецкого маршрут недавнего путешествия двух мотористов по Романовке. Получалось, что последний раз Мазовецкий видел обработанный фланец в сарайке у токаря, где они бурно «благодарили» последнего за проделанную работу. Решил, что поиски нужно начинать оттуда.

Преодолевая вброд глубокие лужи и перемешивая сапогами вязкую грязь, подошли к дому токаря, который Мазовецкий с трудом опознал в темноте. В маленьких окнах горел свет. Лёнька постучал в калитку большим, отполированным руками до блеска, металлическим кольцом щеколды. В одном из окон дернулась занавеска, хозяйка пыталась разглядеть в темноте поздних гостей.

– Нам Петр Семеныч нужен! – крикнул Лёнька. Калитка открылась на удивление быстро. Вышел сам хозяин. «Од-

нако, успел проспаться», – подумал Королев, поздоровался и объяснил цель визита:

– Потеряли наши друзья фланец-то. Давай посмотрим в твоей сарайке, где вы сидели. Может быть, там оставили?

– Проходите! Только там темно щас.

– Ничего, я фонарем посвечу.

Они прошли все трое в сарай. Лёнька стал фонарем методично обшаривать все углы и полки.

Токарь сказал Мазовецкому:

– Железяку-то, вроде, твой друг забрал. Когда я ему хомут подарил. Он, чтобы сумку не нести, фланец вытащил и в руках понес. Если и обронил где, так по дороге. С утра искать надо.

– Плохо дело, – вздохнул Лёнька, – до утра мы ждать не можем. Сейчас найти надо.

Они пошли через двор обратно к калитке. Королев фонарем обшаривал двор.

– Где же ты щас-то найдешь. Темень такая. И травища. Если в траву обронил, то и не увидишь! – Семеныч сочувствовал горе-мотористам.

– Ладно. Пока, Семеныч. Мы обратно не спеша пойдём. Смотреть будем. – Королев стал светить фонарем не только под ноги, но и по сторонам. Вдруг, действительно, где-то по дороге потеряли?

Внимательно оглядывая обочины и не глядя под ноги, Лёнька споткнулся и, потеряв равновесие, шлепнулся во весь рост на грязную дорогу. Стараясь не разбить фонарь, руку отвел в сторону и лицом въехал в лужу, больно ударившись лбом обо что-то твердое. Сообразив ушибленной головой, что это не камень, запустил руку в лужу и вытащил железяку, всю в глине. Все еще не веря такой удаче, прополоскал ее в мутной воде, освобождая от грязи. Это был он! Фланец.

– Вот, Юрка, а еще говорят – Бога нет! – Королев сунул желанный фланец под мышку.

– Ну, так! – Буркнул Мазовецкий, – Если носом землю рыть, все можно найти!

Обратно идти было веселее, несмотря на то, что из рассеченного Лёнькиного лба всю дорогу сочилась кровь. Однако, Юрка, который уже еле передвигал ноги, ворчал:

– Таскаюсь, елки-палки, целый день под дождем с этим флянцем, как дурак со списанной торбой! Как будто молодых нельзя было послать.

Он имел ввиду, конечно, Стручкова и Королева.

– С какой торбой, Юра? – развеселился Лёнька.

– Со списанной. Поговорка такая есть, – пояснил опытный моторист молодому.

На теплоходе их встретили капитан и механик. Мазовецкий заступил на вахту. Лёнька, залепив лоб пластырем, сбегал на берег и отдал концы с мертвяков. Теплоход радостно зашумел ходовыми движками и попрощался с Романовкой.

Королев с чистой совестью зашел на камбуз, заварил крепкого чая. В полумраке сидел в кают-компани – все освещение включать не стал – прихлебывал чай. Сахар грыз кусочками – вприкуску. Вошла Галочка Васнецова, села напротив.

– Что это с тобой? – спросила радистка, увидев на лбу моториста пластырь и запекшуюся кровь.

От горячего чая, а больше от того, что он сидит в тепле, а теплоход бежит себе в волнах, у Лёньки настроение было приподнятое:

– Понимаешь, пришлось сейчас принять бой с аборигенами. Фланец наш не хотели отдавать, а без него нам никуда.

– Как не хотели? А как он к ним попал? – обеспокоилась Галя.

– Вот тут-то и начинается самое невероятное. – Королев понизил голос до шепота и подался чуть вперед. – Как выяснилось, Котяра его на хомут поменял! Представляешь?

– Как на хомут? Опять шутишь, Королев!

– Какие шутки? – оттопырил губу Лёнька. – Меня чуть не убили из-за этих шуток. Не веришь, загляни в каюту, он там сейчас один – Юрка на вахте.

Радистка, сгорая от любопытства, пошла заглядывать в каюту. Через пять минут вернулась почему-то на цыпочках:

– Лёнька-а! – выдохнула потрясенная Галя. – Это ведь ужас! Это ведь на самом деле... Он же спит в нем! Зачем он это сделал? Как ты думаешь, а он не того? – Васнецова элегантно, но выразительно покрутила указательным пальчиком у виска.

– Ха! Думаешь... Чего тут думать? С какой бы стати я ушел из каюты и здесь ночевать собираюсь. – Лёнька хлопнул ладонью по скамье.

– Боже мой! Боже мой! Пойду Зине расскажу...

– Ты вот что, Галя, не просто «расскажу», а пусть она приготовит таблеток. Она знает, что давать в таких случаях. Аптечкой-то ведь она у нас заведует. И пусть с утра пораньше к нам приходит. Как только он проснется, лечить будем. Да, и пусть ремень или жгут с собой возьмет.

– А это зачем?

– А вдруг буяннить начнет? Я бы его заранее связал, сонного.

Радистка ушла к Наримановой, повторяя про себя: «Ужас, ужас!» Лёнька отнес пустую кружку на камбуз и ушел спать.

Посмеиваясь над технической безграмотностью второго штурмана, Лёнька все же одному его таланту завидовал – Михалыч классно играл на гармошке. Королев же мог только «сбацать» на шестиструнной гитаре, имея в своем музыкальном арсенале четыре аккорда и «восьмерку» с переборами. Стихи свои он не читал – он их исполнял на

гитаре, что слушателями воспринималось «на ура». Это было популярно и модно – исполнитель своих стихов и кумир многих, Владимир Высоцкий, был в зените своей славы.

Михалыч, по примеру Королева, тоже стал писать стихи, исполняя их под гармошку радистке с поварихой. Через переборку было хорошо слышно, как он выдает очередной шедевр:

На горизонте заметив «купца»,
Пиратский штурман пустился в погоню.
Пираты знали – через полчаса
«Купец» будет гибнуть в агонии.

Михалыч выдал залихватский проигрыш и заголосил, видимо, изображая агонию:

Но вдруг на «купце» появились стрелки,
Приготовили ядра и пушки.
И стало ясно пирату тогда-а-а-а,
Что он стал жертвой опасной ловушки!

По тому надрыву и драматизму, с каким Лыжин безжалостно доносил до ушей полную трагизма судьбу пиратского судна, Королев понял, что женщины сидят у него в каюте. Подумал – не зайти ли и ему в гости к штурману?

Огонь по ватерлинии – в кубриках вода,
Грохот пушек и сверканье сабель!
Огонь пожирает его без труда-а-а-а,
Гибнет пиратский корабель!

Проходящий мимо Шевченко не выдержал, открыл дверь в каюту и пробасил:

– Не каркал бы про огонь-то, не на водовозке работаешь!

Алексей Михалыч прислушался к пожеланию и запел про то, как он узнал любовь цыганскую. Этот его репертуар Лёнька знал наизусть. Идти в гости передумал и завалился на шконку, свесив обутые ноги, чтоб не испачкать покрывало.

Второй раз они с Натальей встретились в феврале, когда Лёнька уже защитил диплом и готов был к отъезду. В его планы вовсе не входила встреча с ней. Уезжает он надолго, быть может, навсегда – зачем девчонке мозги компостировать? Поезд уходил рано утром. А вечером они тепло попрощались с друзьями в уютном ресторанчике, устроив прощальный мальчишник. Просидели до самого закрытия ресторана. Все никак не могли наговориться перед расставанием. Каждый боялся, что забудет сказать что-то важное.

Когда распрощались, Лёнька направился домой напрямую через ночной парк, в котором в этот поздний час уже не было ни души. Свежий ночной ветерок срывал с деревьев белоснежные хлопья, они кружились и падали на землю, перемешиваясь с желтым светом немногочисленных фонарей. Но, добраться до дома без приключений ему было не суждено. Он уже пересек почти весь парк по диагонали, когда путь ему преградили двое ребят примерно его возраста, которые даже выпившему Лёньке показались пьяными. Видимо тоже что-то отмечали и никак не могли остановиться.

Все началось с традиционного: «Дай закурить!» Когда миролюбиво настроенный Королев протянул пачку болгарских сигарет, тот, что повыше, нагло положил ее в карман и уставился на Лёньку красными глазами: «Так я повторяю свой вопрос – закурить есть?» Лёнька, хорошо зная один из основных законов уличных потасовок: «Если драки не избежать – бей первым», виновато вздохнул, снял с головы свою серую кроличью шапку и, сделав одной ногой короткий шаг назад, резко ударил длинного головой прямо в лицо, как бил сотни раз тяжелый футбольный мяч, играя за сборную института. Парень, охнув, закрыл лицо руками и упал на колени. Королева тут же атаковал второй – пони-

же ростом и пошире в плечах. В руке у него была бутылка, которой он и собирался «погладить» противника по голове. Лёнька был без перчаток, поэтому ему удалось ловко перехватить оружие более пьяного оппонента. Вырвал бутылку из рук и, отскочив назад, встал в оборонительную позу, уже сам вооруженный. Второй парень поднялся и тоже приближался к нему.

Неизвестно, чем бы закончилась ночная встреча, но в это время в воротах парка появился наряд милиции. Заметив потасовку, милиционеры ускорились и побежали к дерущимся, стуча сапогами по очищенному от снега асфальту. «Ну, вот так всегда, – мелькнуло в голове Королева, – когда тебя метелят так их нету, а стоит кому-нибудь накатить, так они тут как тут!» В его планы, разумеется, не входило провести ночь в милиции, поэтому Лёнька, перепрыгнув снежный отвал, понесся скачками по белой целине, чтобы скрыться за спасительными елями, там уже будет не видно, куда он бежит. Вернувшись к тому концу городского сада, откуда он начал свой путь и, запыхавшись, плюхнулся на скамейку – передохнуть. Взглянул на зажатую в руке бутылку: «Надо же, как хватательный рефлекс развит! Даже по бездорожью не выпустил. Будем считать, поменял на пачку сигарет». Взглянул на этикетку – «Экстра».

После драки настроение испортилось. «Неласково со мной прощается родной город!» Вспомнил про Наташу. Нехорошо, все-таки, уезжать не попрощавшись. Не по-человечески. Что она о нем подумает? Надо было позвонить хотя бы. Посмотрел на часы – пять минут первого. Поздно, наверняка, спит. А вдруг, нет? Телефон-автомат был рядом. Лёнька сам себе удивлялся. Еще днем были совсем другие мысли. А может, действительно, не надо звонить? Что он ей скажет? «Прощай, мы расстаемся навсегда»? Зачем это надо?

Лёнька и не заметил как очутился у автомата. Нашарил двухкопеечную монету в кармане. Загадал – если после

третьего звонка никто трубку не возьмет, больше он звонить не будет. А если родители возьмут? Что сказать? А была – не была! Извинюсь, да и все. Сошлюсь на то, что поезд рано утром.

Трубку сняли после второго гудка.

Юра Мазовецкий считал, что из человека, который шесть лет проучился в институте, толку не будет и моториста из него не получится. Тем не менее, к Лёньке он относился хорошо по двум причинам: в противостоянии Юрки со штурманом, Королев не был сторонним наблюдателем, а старался их ссоры погасить и за Юрку заступался, так как считал, что в конфликте всегда виноват старший по должности, а во-вторых, он уважал Лёньку за то, что тот умел пить, не пьянея. Мазовецкий не догадывался, что на общих застольях Королев просто наливал себе меньше, чем остальным. Юрке и в голову не могло прийти – как это человек может обделит сам себя?

Мазовецкий – единственный из экипажа, кто мог называть себя потомственным речником. Его отец стоял у истоков основания судоремонтного завода и даже некоторое время работал заместителем директора, хотя и не имел высшего образования. Образование ему с лихвой возмещала фронтовая закалка. Дисциплинирован был и порядочен до мозга костей. Опоздать на работу на пять минут для него было также недопустимо, как предать Родину.

Юрка был совершенно другим. На нем природа отдыхала. Если в начальной школе он еще учился более менее старательно, то после четвертого класса, когда его отец умер – сказались многочисленные ранения – Юрка, что называется, пошел в разнос, и матери стоило больших усилий довести его до окончания восьмого класса. Постоянно взывая к памяти отца, которого Юрка любил до безумия,

она все-таки добилась, что Мазовецкий закончил училище, пошел работать на судоремонтный, где за его воспитание взялись уже сослуживцы отца – люди серьезные, у которых не забалуешь – и не таких наставляли на путь истинный. Еще те Макаренки. Так что, Юра после армии закончил речной техникум и давно уже имел рабочие дипломы штурмана и помощника механика. Но карьерные амбиции у него напрочь отсутствовали, и он продолжал работать мотористом.

Однажды, совсем было решившись перейти на командирскую должность на другом судне, он, все-таки, опять остался рулевым-мотористом на своем танкере. На этот раз причина была в Гале Васнецовой – восемнадцатилетней радистке, которую направили к ним на судно. Мазовецкому она очень приглянулась. Но взаимности от Гали он добиться не мог. Она больше улыбалась штурману Лыжину, который вечерами лихо наяривал на гармошке и постоянно травил охотничьи байки – охотник он был заядлый.

Из-за этого отношения моториста и второго штурмана были, мягко говоря, натянутыми, а прямо говоря, никакими – плохо скрываемая неприязнь, переходящая временами в открытые конфликты. Да и люди они были совершенно разные, хотя и ровесники – обоим по двадцать семь. Лыжин был накачан и подтянут, Юра – худ и нескладен. Мазовецкий любил возиться с железом и, казалось, не было на судне механизма, который бы он не смог отремонтировать, Лыжин, хоть и числился по совмещению вторым поммеханика, в машинное отделение старался спускаться пореже и не знал, чем отличается метрическая резьба от трапецидальной. Второй штурман был говорлив и общителен, Юра Мазовецкий предпочитал помолчать, на разговоры его тянуло, когда принимал «на грудь».

Мазовецкий считал Лыжина выскочкой, который занял его место, потому что уходил со своего танкера на другой

Юрий не хотел даже командиром. Лёнька Королёв, глядя на них, задавал себе вопрос: почему, отправляя космонавтов на одном корабле на какие-то две-три недели, состав экипажа подбирают с учетом психологической совместимости, а здесь, на флоте, когда бок о бок приходится жить и работать месяцами и годами никто об этом даже не думает? Хотя, как никто? Капитан, который людей видел, по выражению механика, «как рентген», Мазовецкого поставил в свою, ночную вахту. Так что сталкиваться им со штурманом приходилось редко. Но, тем не менее, иногда сталкивались. И тогда уж действительно – искры летели.

На судне по штату не было электромеханика. Его обязанности, как самый опытный моторист, выполнял Юра Мазовецкий. Когда на стартере дизель-генератора вышла из строя пусковая кнопка, он, не долго думая, заменил ее на тумблер, так как кнопки в своих запасах не нашел. Заменял, да и заменил – ничего страшного. Только тумблер, в отличие от кнопки, после запуска дизеля необходимо принудительно возвращать в исходное положение, чего Лыжин однажды не сделал. И когда двигатель вышел на рабочие обороты, он просто разнес в труху все внутренности стартера. Юра, разобрав сломанный стартер, не выдержал и пошел в рубку сказать второму штурману все, что о нем думает.

– Понимаешь, Алексей Михалыч, тумблер такая штука, что он не для дураков! – кричал Мазовецкий. – Нельзя, понимаешь, дуракам к механизмам подходить! Умеешь румпель дергать, и дергай! А в машину не лезь, от тебя одни убытки!

По натуре вспыльчивый, штурман не мог стерпеть как его авторитет топчет какой-то моторист. Он схватил Юрку за грудки и потрянул так, что у того чуть голова не оторвалась. Дальнейшего развития событий не допустил Лёнька, которому для этого пришлось выкрутить до хруста руку Лыжину, чтобы он выпустил Мазовецкого. Лыжин успоко-

ился, но заявил, что он это расценивает, как бунт мотористов против командира и что он им обоим еще покажет Кузькину мать. Так в тлеющие угли конфликта Юрка плеснул мазута.

Трубку сняли после второго гудка.

– Алё! – пропел знакомый голос.

– Наташа, ты?

– Ой, Лёня! Здравствуй!

– Добрый вечер! Извини, что так поздно позвонил.

– Это ничего. Я не сплю – читаю. Как чувствовала, что ты позвонишь!

– Не мог не позвонить. Завтра утром поезд. Я уезжаю...

Повисла пауза. Потом Наташа спросила:

– Где ты сейчас?

– Около горсада. С автомата звоню.

– Так это же совсем рядом. Приезжай!

– Неудобно. Поздно уже. Зачем родителей беспокоить?

– Все удобно. Никого не побеспокоишь. Приезжай! – Наташа назвала адрес.

Лёнька повесил трубку. Вот попал! Что делать? Повторил про себя адрес. Это действительно рядом. И ехать не надо – пешком десять минут. Придется идти.

Квартира была на третьем этаже. Поправил шарф. Отряхнул брюки – по колено в снегу. Коротко позвонил. Дверь открылась сразу.

Наталья была в светлой кофточке и джинсах. «Одеться успела», – про себя отметил Лёнька.

– Привет! Проходи давай! – по-домашнему просто пригласила в квартиру, как будто он выходил в булочную за хлебом и не было прошедших месяцев.

– Привет! Родители спят? – прошипел Королев.

– Спят. Можешь не шептать, в спальне не слышно. Ой!

Что это у тебя? – спросила Наташа, притронувшись к его лбу, когда гость снял шапку.

– А что? – Лёнька заглянул в висевшее на стене зеркало. Ёлки зеленые! Через весь лоб тянулась кровавая царапина. Хорош! Для ночного визита – вообще нормально: подбитый, подбитый и с пузырьрем.

– Это, Наташа, мы с ребятами баловались. Боролись на улице. От избытка чувств-с, так сказать.

– Хорошо же друзья с тобой простились! Это у вас так принято?

Они прошли на кухню. Хозяйка принесла бутылочку с йодом и ловко обработала ссадину. Лёнька не сопротивлялся – все равно под шапкой не видно.

Потом сидели при свете ночника. Пили чай. Индийский – три слона на упаковке. Ели холодные оладушки из холодильника с вишневым вареньем.

– Чай хороший, – похвалил Лёнька, – в магазинах такого нету.

– Папа привез из Москвы. Ездил на курсы повышения квалификации. Ты насовсем уезжаешь?

– Как тебе сказать... – Лёньке хотелось говорить только приятное и доброе этой милой девушке, которая так хорошо к нему относится и, как все нормальные люди, надеется на взаимность. Теплая атмосфера маленькой кухни, после ресторанного шума и уличной потасовки, размагничивала его своим уютом, и не хотелось говорить об отъезде, разлуке. Хотелось помечтать о чем-то хорошем вместе с Наташей и чтоб непременно сбылось.

– Как тебе сказать, работа ведь на реке своеобразная – полгода на теплоходе, полгода – дома. Так что, осенью приеду. Обязательно. Ты уже будешь на третьем курсе...

– Долго... Ты мне напишешь?

– С почтой там могут быть проблемы – теплоход ведь на одном месте не стоит. Я лучше тебе позвоню – это проще, в любом городе или поселке зашел на переговорный

пункт и в течение часа соединили. – Лёнька не знал, будет там с почтой проблемы или нет, просто он не любил писать письма. Бумаге доверять свои чувства было не в его правилах – он и словам-то их не всегда доверял. А писать о погоде, как пишет его мама в письмах своим сестрам, считал глупостью – кому есть дело до погоды в далеком и чужом городе?

– Хорошо. Я буду ждать. Только ты обязательно позвони.

Они просидели до половины шестого утра. Время пролетело незаметно. Лёнька взглянул на часы и удивился – правильно ли они идут? Ему пора было идти.

Попрощались в прихожей. Первый раз поцеловались, сказав друг другу этим поцелуем то, о чем не говорили на кухне – она стеснялась, он не хотел. Лёнька до сих пор помнит именно тот поцелуй, именно тот вкус ее теплых, мягких губ и ее большие карие, в полумраке прихожей почти черные глаза, которые ему говорили, что он, Лёнька Королев, такой сильный и уверенный в себе, на этот раз делает что-то не так, не правильно. От этого взгляда Лёнька немного растерялся и, как ему показалось, размяк. Поэтому, он даже испытал некоторое облегчение, когда оказался на улице и быстрым шагом направился к автобусной остановке.

Мама, оказывается, уже не спала. Она потеряла сына – упрекнула, что не позвонил. Лёнька переделался. Проверил все ли в сумке, которую собрал накануне. Мама заставила Лёньку позавтракать, несмотря на его отнекивания. Проснулся отец. Тоже пришел на кухню попить чаю с сыном за компанию. Хотел поехать с ним на вокзал, но Лёнька категорически воспротивился – дома прощаемся! Не любил он долгих прощаний. Встречи – вот, это другое дело.

На вокзал приехал вовремя. Как раз объявляли его поезд. Правда, то, что это его поезд, Королев догадался только посмотрев на часы. У дикторши была отнюдь не

левитановская дикция. «Завтрак, наверное, не дожевала», – подумал Лёнька. Вышел из здания вокзала на перрон – одет он был уже по-весеннему – в куртке и кепке. Он направился к поезду, который прибывал на первый путь, высматривая восьмой вагон. Пассажиров в его вагон было немного. Королев выстрелил окурком в снег, показал билет женщине в черной шинели и поднялся в вагон, даже не оглянувшись. А зачем? Он ведь не знал, что Наташа стоит на втором этаже вокзала и провожает его тем же взглядом своих карих глаз, от которого растерялся Лёнька там, в прихожей. Она помахала ладошкой его спине, но он не оглянулся. У мужчин интуиция хуже, чем у женщин.

Третьим мотористом на судне был Николай Котяткин – ушлый деревенский мужик двадцати восьми лет от роду с круглым простоватым лицом, с торчащими неухоженными усами, он чем-то, действительно, напоминал кота. Попал он на речной флот случайно. Как говорят, судьба забросила. А впрочем, если судьба, значит, уже не случайно. Хотелось ему уехать из деревни давно, да всё никак не складывалось. Закончив кое-как восемь классов, учиться дальше он не захотел и пошёл работать в колхоз, справедливо решив, что после армии видно будет, куда податься. Но по весне, когда ему уже стукнуло восемнадцать, и через месяц нужно было отправляться на сборный пункт в областной военкомат, случилась с Колей неприятная оказия. А именно – привезли в магазинчик, принадлежавший сельпо, сахар. Продавцом в магазине работала Колькина мамаша. Шофёр, отдав ей накладные, сказал: «Зови, Мария, своих грузчиков, выгружайте, а я пошёл обедать». Мария Котяткина первым делом позвала сына, который к тому времени уже третью неделю лоботрясничал да гулял, провожая своих одногодков в армию. «Посторожи, Ко-

ленька, машину с сахаром, покамест я сбегаю, ишо кого найду, чтобы вы быстро выгрузили».

Пока маманя бегала в поисках дополнительной рабсилы, её Коленька, проявив недюжинную сноровку, один мешок уволок домой и спрятал в баньке под крышей, забросав сухими берёзовыми вениками.

Когда машину выгрузили, естественно, Мария шум подняла, «наехав» на мужиков, а потом и на водителя: «Где мешок!?» Безрезультатно.

Коля думал, что маманя успокоится и спишет сахар потихому. Не успокоилась и накатала заявление в милицию. Делом занялся деревенский детектив – младший лейтенант Опёнкин, у которого Котяткин был отнюдь не на хорошем счету.

Побеседовав со всеми участниками события, участковый решил, что к гадалкам ходить не надо – кроме Кольки просто некому. Когда они встретились в неофициальной, так сказать, обстановке, Опёнкин похлопал дружески Котяткина по плечу и, душевно улыбаясь, сказал: «Ну, Кольша, ловкий ты парень! Чуть меня не провёл, а? Если б люди не видели, как ты мешок с сахаром нёс, я б нипочём не догадался. Ловкач!»

Не умудрённый опытом общения с милицией, Коля разулыбался и брякнул: «Вот же оказия! Кто увидел-то?»

Больше младшему лейтенанту ничего было не надо. Дело было раскрыто.

Когда Котяткин привёл участкового в баню и показал, где лежит мешок, тот, составляя протокол и опять же улыбаясь, попросил: «Давай, Коля, напишем, что ты два мешка с сахаром вернул, а? Тебе без разницы, а мне для плана нужно».

Котяткин насторожился: «А меня не посадят?» Участковый успокоил его, честно сказав: «Нет, Коля, отделаешься условным сроком». Позабыв, однако, сказать, что за кражу одного мешка стоимостью сорок рублей, он отделался

бы административным наказанием. И, чтобы окончательно успокоить Котяткина, добавил: «А я тебе отсрочку от армии сделаю – ещё лето погуляешь!» И Колька согласился.

Участковый Опёнкин слово сдержал: отсрочка от армии получилась на целый год. Именно столько отмерил советский суд гражданину Котяткину за кражу двух мешков сахара – год исправительно-трудовых работ с вычетом двадцати процентов из заработка. Зато потом, когда Колька подрался на танцах и погонял своих обидчиков по деревне с ружьём в руках, его уже судили как «рецидивиста» и дали три года реального срока. Отбыв наказание от звонка до звонка, Котяткин поработал в колхозе трактористом, шофером, женился, развёлся, «пропил» права – потом и созрело решение уехать на речной флот, на большие заработки.

Котяткин проснулся, как обычно, в половине четвертого, за тридцать минут до начала своей вахты. Долго смотрел на лежащий на полу хомут. Перешагнул через него, сходил в галюн и умылся. Войдя в каюту снова споткнулся о хомут. Поднял его и, оглянувшись на спящего Королева, вышел из каюты. Прошел по коридору и вышел на корму. Там он размахнулся и, громко крикнув, от всей души швырнул его за борт, как бросают спасательный круг.

Котяткин с Королевым пришли на теплоход одновременно. Их отношения поначалу были почти дружескими, но потом сказалась разница в интересах и они немного охладели друг к другу. Николай не мог понять ненормальной тяги Королева к бумаге: то он чертит что-то, то пишет, то за книжку схватится – не оторвешь. Что там интересного в этих книжках? Лучше бы посидели, за жизнь поговорили, выпили чайку, от которого челюсти сводит.

Леньке же «душевные» разговоры с Котярой быстро

надоедали – не хотелось по десять раз слушать анекдоты, которые ему рассказывали еще в начальной школе, и Колькины исповеди про «жисть поломатую», поэтому в свободную минуту он предпочитал пообщаться с книгой. Она уж если чему учит, то ненавязчиво. И страницу перелистнуть можно, если не интересно. А то и вовсе закрыть книгу и подумать о своем.

Леонид вспомнил, как он приехал в родной город зимой после первой навигации

К Наташе он зайти не торопился. Во-первых, потому что был занят – так он считал. Во-вторых, ему ведь так и не удалось ей позвонить. Дважды в Тобольске он приходил на телеграф, и дважды квартира не отвечала. Он решил, что больше и пытаться не будет. Осенью встретятся. На том его совесть успокоилась. Видит Бог – пытался он позвонить.

Правда, временами возникала мыслишка, замешанная на ревности: а вдруг, другого встретит? Но, тут же сам себя осаживал: «Успокойтесь, Леонид Иванович! Кто она вам такая? У вас же с ней ничего не было!» «Ну и что, что не было?» – оппонировал сам себе Лёнька, – «Если с женщиной не спишь, а она тебе не безразлична, значит, она тебе друг. А друзей забывать нельзя»

Так или иначе, но первые два дня он провел дома. Потом зашли друзья – Саша Волков и Миша Лосев. Мишка – коллега Лёнькин, тоже мореман и тоже в отпуске. Только работал он на большом морском сухогрузе третьим штурманом. Лосев был в форме. «Для привлечения женского пола», – посмеиваясь над Мишкой, пояснил Волков. Посидели дома, поели маминых пирожков. Потом Мишка предложил:

– Пойдемте куда-нибудь, в конце концов! Сидеть, чай гонять я и у себя в каюте могу!

– Куда пойдем? – поинтересовался Лёнька.

– Ну, ты чё, Лёня? В краеведческий музей! Нашел, что спросить! В кабак, понятно. Деньги ляжку жгут!

– В кабак, так в кабак – Лёнька быстро собрался.

Трое вышли из дома и направились в ближайший ресторан. Но не тут–то было. В ресторане не было мест. Напрасно Мишка совал трёшку швейцару. Тот небрежно оттолкнул руку дающего:

– Извиняйте, ребята, но мест, действительно, нет – пятница, все места заказаны.

Двинулись в другое увеселительное заведение. Мороз к вечеру усиливался. Даже небольшое движение воздуха обжигало щеки. Улицы пустели. Горожане спешили забежать в магазины и причалить к домашнему очагу. Трое рвались к кабаку, как коты к разлитой валерьянке.

Но то же самое повторилось и в другом ресторане. Направились было к третьему, но Лёнька вдруг остановился:

– Что мы понапрасну ноги бьем. Им покоя нет, когда голова не думает. Тем ли путем мы идем, товарищи?

– В смысле? Говори яснее! – буркнул Мишка. – Не люблю загадок, особенно в драматические моменты жизни.

– Тепло, Миша, тепло! Именно в драматические! Цельто у тебя какая?

– Моряк идет туда, где можно без труда найти веселых женщин и вина!

– Молодец! Уже классику цитируешь, значит мозги заработали. А где все это есть, кроме этих несчастных кабаков, где собираются не менее несчастные личности?

– А действительно, где? Не тяни, говори уже!

– Так в театре, темные вы люди, в театре! Ассортимент в буфете: коньяк, сухое, крепленое, шампанское – устраивает? Закусочка – шоколад, мороженое, бутерброд с икрой – устраивает? А девочек там больше, чем в ресторане! И какие девочки! Интеллектуалки. Хоть сейчас женись. А, братва? Идем?

Сергей Кожорин

– Конечно, идем! – воодушевился Волков, пританцовывая в легких тужельках. Ему больше не хотелось гулять по морозу.

– Вперед и с песней к винным погребам! – сказал моряк Мишка и ускорил шаг.

Войдя в кассовый зал, увидели на стене афишу – «Сон в летнюю ночь. Вильям Шекспир».

– Ох! Давно мы, братцы, не смотрели Вильяма нашего – Шекспира! – воскликнул Королев.

– Хорошо, хотя бы в зале летняя ночь будет. Согреемся! – отозвался Волков.

Купив три билета по восемьдесят копеек, они вошли в храм искусства, который по-прежнему начинался с вешалки. До начала спектакля было еще двадцать минут. Прошли сразу в буфет. Выстояв небольшую очередь, заняли столик в самом углу.

– Мы хоть и не артисты, но наше место в буфете! – произнес Королев вместо тоста.

– Это ты к чему? – проглотив коньяк, поинтересовался Волков.

– Ни к чему, классиков надо читать – бери пример с Лосева. – отозвался Лёнька.

В буфете было тепло. Коньяк приятно подогревал изнутри. Когда раздался звонок, Лосев с Волковым сказали, что на первое отделение не пойдут, потому что получаемое в буфете эстетическое удовольствие тоже организму необходимо.

– Все по порядку: сначала хлеба, потом зрелищ! – заявил Волков, закусывая бутербродом. У него только сейчас начали согреваться ноги, и он желал «усилить сугрев» – Пойдем на второе отделение. А ты, Королев, если пойдешь – смотри внимательно! Потом нам расскажешь. Помнишь, когда ты лекции по научному коммунизму пропускал, я тебе конспекты давал переписывать?

– Лучше бы ты их пропускал! – засмеялся Лёнька. –

Бронзовые ключи

Сейчас бы работал вместе со мной за пятьсот рублей, а не на кафедре – за столик.

– Нет уж, на Севере пусть белый медведь пашет – у него четыре лапы и морда плугом!

Королев нашел их законные три места в амфитеатре и уселся посредине. Стал крутить головой по сторонам – может быть, знакомых встретит? И, как ему показалось, встретил...

Лёнька даже вздрогнул, когда сидящая впереди на несколько рядов блондинка с прической повернула голову чуть в профиль. Неужели Наташка? Да нет, показалось! Два дня думал – как позвонить, как встретиться – вот и показалось. Королев стал сверлить взглядом уложенные на затылке волосы, шею и плечи подозреваемой: «Повернись! Повернись!» Но нет, блондинка смотрела на сцену, куда Лёнька уже не обращал внимания.

Наконец, она повернулась к соседке, что-то прошептав ей на ухо. Она! Хотя... Сумерки зала, незнакомая прическа, макияж... Может, ошибся? Нет. Она. Лёнька не следил за происходящим на сцене. Он думал, как он подойдет к Наташе и что скажет. Больше всего он боялся заметить холодность и равнодушие к собственной персоне. Теперь он жалел, что не попытался еще раз дозвониться.

С началом антракта он сразу вышел в фойе, занял позицию за колонной и стал наблюдать за выходящими из зала. Показалась Наталья с рыженькой девушкой, чуть моложе ее. А может быть, наоборот – Наташа выглядела старше в вечернем туалете. Девушки остановились под огромной картиной, висящей на стене, и оживленно разговаривали. «Наверно, спектакль обсуждают, – подумал Лёнька, – а я ни хрена не понял. Не подговоришься»

Он подошел к девушкам со спины Натальи, слегка взяв ее за локоток, наклонился к уху и произнес заготовленную фразу:

– Здравствуйте, Натали! А я с ног сбился, разыскивая

вас по всему городу. Сказывали, вы по пятницам бываете у Волконских.

Наташа быстро повернулась и, увидев его, охнула, счастливо рассмеялась и, положив руку ему на плечо, затормошила:

– Лёня! Королев... Наконец-то! Как ты меня нашел? Тебе мама сказала, да?

Лёнькино мужское самолюбие было удовлетворено – ему были рады. Но стыдно стало еще больше, что не позвонил.

– Не то, чтобы совсем мама. Скорее, сердце-вещун подсказало, – и, чтобы скрыть свою неловкость, пригласил: – А пойдёмте, девушки, в буфет! Я вас мороженым угощу – у меня там и столик уже забронирован!

Лосев и Волков так и сидели за столиком в углу буфета. Увидев, что к ним направляется Королев с девушками, Мишка воскликнул:

– Ты посмотри, Саня, Лёнька уже двух девиц снял, а у нас с тобой – ни одной!

Ловко обогнув столики, Королев представил своих друзей и стал представлять девушек:

– Это Наташа... – на секунду замялся – как представить? – позитивные эмоции от неожиданной встречи брали свое, – ...моя любимая девушка.

Наташа, улыбаясь, посмотрела на него. Рыженькая тоже стрельнула глазками.

– А это..., – Лёнька посмотрел на рыженькую.

– Люба. – подсказала та.

Лосев быстро подставил еще один стул:

– Люба! Пожалте сюда, рядом со мной. Сейчас Лёня принесет нам мороженое. Гарсон! Вина и фруктов!

Королев принес лимонад, мороженое и несколько шоколадок. Антракт прошел весело. Второе отделение смотрели уже все вместе. Лёньке оно показалось интереснее первого. В оставшиеся дни отпуска с друзьями он больше не встретился.

Старший механик танкера, Анатолий Алексеевич Шевченко, которого все называли просто Алексеич, а за глаза, еще проще – Дед, срочную службу отрубил на Сахалине и на Курилах. Служба мотористом на самоходной барже давала ему право считать себя опытным мореходом, хотя в армии форму он носил солдатскую, а не морскую. Три года, проведенные на островах, он вспоминал часто, делаясь производственным и жизненным опытом со своими подчиненными.

Образования до армии он не получил даже среднего, по причине стойкой нелюбви к наукам, поэтому, и после армии долгое время работал мотористом. Потом, с помощью друзей, имевших высшее образование, заочно закончил техникум. Механиком же его назначили еще до окончания вышеупомянутого заведения, так как практический опыт он имел огромный, за что его и ценил Старовойтов – капитан судна. На этом же теплоходе две навигации поварихой работала его жена, пока она не родила старшему механику двух девочек сразу. После чего ей, хочешь – не хочешь, а пришлось себя ощутить в новом качестве – домохозяйки. От этого Анатолий Алексеевич не расстроился, а скорее наоборот, еще больше полюбил теплоход, все машины и механизмы которого всегда работали исправно. Да по-другому и быть не могло, потому что механик за всем следил бдительно. Особое внимание он уделял котлу и системе отопления. Когда за бортом был холод и ветер, любил Алексеич, лежа в одной футболке в ходовой рубке на диванчике и поглаживая себя по животу, потянуться и назидательно сказать: «Что вы там ни говорите, салаги, а Север слабых не любит!»

Его вахта, как первого штурмана, была с четырех до восьми часов утром и с восемнадцати до двадцати двух – вечером. Вахтенным мотористом у него был Коля Котят-

кин. Но поскольку тот был немного ленив и зело нерасторопен, Шевченко вечером всегда держал под рукой молодого матроса Валеру Стручкова, которого он звал «юнгой» или «комсомольцем» – это в зависимости от настроения. Лёньку же Королева Дед еще с прошлой навигации прозвал «академиком».

В прошлом году, через несколько дней после выхода из затона, механик с удивлением узнал, что их новенький моторист Королев имеет высшее образование. Это его весьма озадачило. Как руководить такими «академиками»? Решил побеседовать. Начал с вопроса: как же Королев с таким образованием попал в рядовые мотористы? И куда смотрел отдел кадров?

На что Лёнька ему обстоятельно ответил:

– В отделе кадров меня сразу отправили к Худякову – заместителю директора по кадрам. Он мне несколько должностей предложил на выбор в цехах.

– А ты что?

– А что я? Я сказал, что если бы меня интересовала работа на берегу, то я бы и в родном городе мог остаться. Там и поинтереснее заводы есть.

– Это, какие же? Например?

– Например, оборонные.

– Так, так. А вообще-то, у тебя какая специализация-то? Не то, что в дипломе написано – «инженер», и все. Догадывайся – по каким устройствам ты инженер. У меня вот дружок есть, тоже «академик». Так тот – инженер по машинкам для стрижки овец. Я не просто так спрашиваю. Мне как старшему механику интересно, насколько близок ты к нашему делу.

– Специализация моя, Анатолий Алексеич, называлась «силовые передачи тонкобронных машин второго эшелона». А диплом я делал конкретно по боевой машине пехоты. Так что, дизеля мне знакомы и гайки крутить умею.

– Гайки-то ты лихо крутишь, это я заметил. А как же это

тебя после такого института отрабатывать на заводе не заставили?

– А у нас на группу два «свободных» диплома выпало. Ну, я и выбрал свободное распределение. Давно хотел на флоте поработать.

Шевченко ответами остался удовлетворен, но очень ему хотелось узнать – чем же, все-таки, отличается «академик» от других мотористов. Сам он в науках не преуспел и был глубоко убежден, что практика, которая, как известно, основа познания, превыше всех институтов и академий.

Через пару дней он позвал Королева и сказал:

– Танкеру нашему, Лёнька, почти полтора десятка лет. Много раз он ремонтировался. Кой-чего переделывали. Да и честно говоря, часть технической документации уже потеряли. А схема трубопроводов мне край нужна. Возьмешься начертить? Вас ведь этому учили в институте?

– Учили. А каких конкретно трубопроводов? И какая схема нужна? Принципиальная? Детальная? Для чего будет использоваться схема?

Шевченко не был готов ответить на все вопросы сверхобразованного моториста, поэтому хмыкнул, pokrутил головой и сказал:

– А вот такая нужна, чтобы я мог, не выходя из каюты, показать ремонтникам и сказать: вот тут вырезать, вот тут заменить, а тут вообще переделать. Понятно?

– В общих чертах понятно. Если что нужно будет, подойду, спрошу.

Лёнька больше ничего не спрашивал. Он с головой ушел в работу. В кают-компании его почти не видели. В свободное от вахты время он лазил по всем отделениям и отсекам теплохода. Купил на плавмагазине карандаши всех цветов, тушь черную и красную, бумагу и увлеченно чертил схемы. Что-то, а чертить он умел. Через неделю были изготовлены цветные схемы трубопроводов систем охлаждения внешней и внутренней, топливной, системы загрузки-вы-

грузки, заполнения и откачки балластных цистерн, пожарной и других.

Королев не торопился показывать механику свою работу, дорабатывая и доводя до ума свои чертежи. Шевченко тоже не спешил напоминать мотористу о своем задании, будучи уверен, что нормальному человеку справиться с таким объемом работы в одиночку совершенно невыносимо, и Лёнька наверняка найдет тысячу причин для объяснения, почему он не справился со схемами.

Но время шло, и однажды Дед, как будто невзначай, «кстати», вспомнил:

– Да, кто-то, вроде, схемы трубопроводов хлестанулся изготовить сгоряча? А, Лёнька?

Королев, тоже понимавший, что понты дороже денег, небрежно ответил:

– Это точно, Алексеич, сгоряча. Но кое-что я нацарапал.

– Покажи свои царапины – то.

– Это уж, всенепременно-с..., – и Лёнька с плохо скрываемой радостью пошел за полными трудовым потом чертежами.

Развернув бумаги, Анатолий Алексеевич Шевченко как бы онемел на несколько минут. Он не мог понять, где же этот Королев умудрился купить такие схемы. Он даже заглянул на обратную сторону листов, надеясь увидеть там выходные данные типографии. Механик не верил, что такое можно изготовить вручную. Сам он только однажды, когда заочно учился в техникуме, самостоятельно начертил валик редуктора, который скорее был похож на переваренную сардельку, чем на деталь механизма. Анатолий Алексеевич был уверен, что это и есть вершина того, что может сделать нормальный чертежник руками и головой.

В это время в каюту старпома вошел капитан. Шевченко, изменив выражение лица с недоуменно-изумленного на вдумчиво-рабочее, показал ему схемы:

– Вот, Романыч, чертим тут с Лёнькой, готовимся зараннее к капитальному ремонту...

Старовойтов потыкал указательным пальцем в схемы, как будто желая убедиться, действительно ли это нарисовано на бумаге и коротко хохотнул – хрюкнул:

– Атлас целый! Ну, вы, блин, даете, Репины-Тютчевы! Я вам, наверно, свой портрет закажу. Во весь рост. С синей лентой и красным носом. Ха-ха-ха! – у Михаила Романовича было мажорное настроение и он не стал вникать в заботы механика.

После этого случая Шевченко уже знал, в чем он может положиться на Лёньку и был доволен, что и в следующую навигацию Королев остался на их танкере.

Вечером в рубке механик, полулежа на любимом диванчике, травил помалу свои нескончаемые истории. Перед ним сидели четверо: Мазовецкий, Котяткин, Королев и Стручков. Котяткин сидел за штурвалом, остальные внимали Деду, который вспоминал свою службу в Советской Армии:

– ...В нашей части, кстати, служили те четверо... Помните? Зиганшин, Поплавский, Крючковский, Федотов... Про них в шестидесятые годы все газеты писали, как про космонавтов!

– Знаем, читали, – отозвался Королев, – сорок дней на барже дрейфовали, пока американцы на них не наткнулись. Нам и учителя про них рассказывали. Я в шестидесятые в школе учился.

Котяткин молчал – он газет не читал ни в шестидесятые, ни в семидесятые, а то, что рассказывали учителя, давно забыл. Валерик тоже ничего не знал про героический дрейф отважной четверки – когда он родился, все газеты уже писали про Юрия Гагарина. Мазовецкий молчал, потому что эту историю он уже слышал не один раз.

– А почему солдаты – срочники на барже оказались в шторм, да еще без командира? Да еще и с гармошкой? – Ленька решил прояснить дела давно минувших дней.

– Ну, в этом-то, как раз, ничего удивительного. Баржа была самоходная танкодесантная Т – 36, поэтому и экипаж был из солдат. Трое были мотористы, а Зиганшин – младший сержант – и был за старшину катера. А гармошка... У нас вон у Лыжина тоже гармошка. Кто запретил? Хотя у нас еще и два охотничьих ружья на борту. Вот это уж точно запрещено. Ну, ладно, я не об этом. Может, и не было никакой гармошки. Мне сослуживцы говорили, что они только ремень ели и сапоги. А про гармошку, уже, наверно, народ придумал. Самые интересные вопросы не эти. А вот почему наши не организовали их поиск в море? Не догоняете? А потому, что у нас верят людям только в самом крайнем случае, как в том известном кино. Наши brave командиры и замполиты как рассуждали? Баржа самоходная, запас топлива был, рация была. Значит, когда шторм кончился, могли вернуться или сообщить по рации. А то, что рация накрылась, пока баржу штормом мотало, аж в открытый океан унесло, про это даже мысли не допускали. Но зато в домах у родителей всей четверки засады устроили. Раз не вернулись, значит, дезертиры. А потом, когда американцы их выловили, кстати, не через сорок, а через сорок девять дней, наши начальники вообще растерялись. Не знали, что и думать – то ли действительно страдальцы, то ли перебежчики. Американцы спасенным солдатикам пресс-конференцию устроили. Но, наши молодцы – много не болтали. Это их и спасло. Тут и наши журналисты вслед за американскими подхватили: «Герои! Ура! Герои спасены!» А попались бы эти герои не американцам, а нашим в районе Гавайских островов? Точно бы схлопотали не награды, а десять лет за измену Родине и попытку перейти на сторону вероятного противника. Кстати, Зиганшин больше всех этого и боялся. Он, как старший,

знал, что такое спасение можно запросто трактовать как сдачу врагу боевой единицы флота. Рассказывают, даже хотел покончить с собой.

– Интересно. А почему баржа – танкодесантная? На Курилы танки перевозили?

– Да какие танки! Продукты в основном, хозяйственные грузы с кораблей принимали. Так что, ребята, у нас на Руси награда и плаха совсем рядышком, – подытожил Шевченко.

– Точно, – согласился Лёнька, – казнить нельзя помиловать.

Мазовецкий вдруг перегнулся пополам от приступа хохота. Все переглянулись – вроде ничего смешного не говорили? Юрка, смеясь до слез, показывал пальцем на Котяткина и еле выдавливал из себя слова:

– А я думаю – куда... Куда утром хомут делся?! Всю ночь был на шее у Котяры, а утром – на тебе! Нету. А он же его зачифанил с похмелья! Ха-ха-ха! Он же потом целый день...Целый день в галюн бегал. Вот и сошлись концы с концами!

Все рассмеялись. Только Котяткин, не понимая – чего на всех смех напал? – молча крутил головой и топорщил усы.

Королев представил себя на месте четырех хлебнувших горя солдат. Смог бы он, интересно, так же, как они? Неизвестно, что лучше – сразу утонуть или вот так, сорок девять дней без еды и без воды. Сколько рассказывали бывалые люди историй, когда такие происшествия заканчивались каннибализмом. А эти выстояли. Герои – не герои, а то, что мужики настоящие - это без сомнения. А если б утонули во время шторма никто бы, наверно, даже и не вспомнил. Только ради этого стоило вынести все эти муки. Лёнька

представил, как бы все было, если бы он утонул. Была у него такая реальная возможность в детстве.

Было Лёне Королеву тогда чуть больше трех лет. Приехал он на выходной день в деревню к родственникам. С родителями и с бабушкой приехал. Бабушка Тоня была папина мама. Она с маленьким Лёнкой времени проводила едва ли не больше, чем родители.

Взрослые находились в доме, пельмени с груздями стряпали, на стол собирали, а ребятишки – их с десяток было – играли во дворе. Лёня нашел кораблик, выструганный кем-то из досочки, и потихоньку, так, что никто не заметил, открыл калитку в огород, который выходил к реке и через заросли малины, смородины и крыжовника направился к мосткам, чтобы с них запустить свой корабль в большое плавание. Потеряв равновесие и на мостках не удержавшись, Лёнька свалился в реку. Вода в августе уже была прохладная, плавать трехлетний ребенок, естественно не умел, но за доску успел уцепиться и стал звать на помощь. До дома было далековато, да и дети во дворе громко кричали, так что голосишко Лёнкин никто не услышал. И только бабушку Тоню как будто кто под руку толкнул. Выскочила она во двор – нету внука. Сперва на улицу кинулась, и там не видать! Она бегом к мосткам. А Лёнька посинел уже весь, кричать не может – только сипит, как котенок. Бабушка его в охапку и в дом. Реквизировала у мужиков бутылку водки, растерла ребенка, чаем с малиной напоила и в одеяло завернула. С тех пор и числится у него баба Тоня ангелом-хранителем. Она ведь еще после этого случая крестила его тайком от родителей. Мама с папой у Лёнки были коммунистами, в Бога не верили и обрядов этих не признавали.

«Всем нам ангел-хранитель нужен, – вздохнул Лёнька, – особенно таким, как Валера Стручков»

Если рулевые-мотористы Королев и Котяткин, а также радистка Галя Васнецова на танкере ТН – 6** работали второй год, то для двух членов экипажа – поварихи Зины Наримановой и самого молодого – Валеры Стручкова это была первая навигация. Валерик, как его все называли, закончил профессионально-техническое училище по специальности рулевой-моторист, но поскольку восемнадцать лет ему должно было исполниться только на будущий год, то вахту он не стоял, а в основном исполнял обязанности матроса. Естественно, он хотел быть поближе к дизелям. Старший механик этому не препятствовал, однако всех мотористов предупредил, чтобы смотрели в оба, когда молодой заходит в машину. Впрочем, то же самое относилось и ко второму штурману – второму поммеханика Лыжину, от которого тоже всего можно было ожидать.

Валерик, как и Николай Котяткин родом был из небольшой деревни, где и средней школы то не было. Специальность речника выбрал по совету бывалых друзей – заработки хорошие. Его угнетало то, что он постоянно ходит в обнимку с «машкой» – шваброй на флотском жаргоне – и чаще других работает кистью, не по мольберту, понятно, работает, а по надстройке и другим конструкциям теплохода. Когда собирались мужики во главе со старпомом покурить в рубке, Валерик тоже работу бросал и бежал к ним, хотя и не курил, но очень внимательно слушал все флотские байки и разные поучительные истории. Иногда пытался рассказывать свои, которые всегда начинались одинаково: «А вот у нас в деревне...» Очень часто во время этих перекуров у механика возникала необходимость кого-то куда-то командировать, и он всегда взгляд оставлял на молодом матросе со словами: «Валера, ты у нас не куришь, слетай-ка в машину...» Стручкову это не нравилось страшно, потому что в это время рассказывали, по его мнению, самое интересное.

Как-то раз во время перекура стармех взглянул на часы и со словами: «Валера, ты у нас не куришь...» – нашарил взглядом Стручкова и удивленно поднял брови – тот старательно дул в себя из папиросы, которую стрельнул у Котяткина. Мотористы рассмеялись:

– Ну, вот и юнга закурил! Теперь на пароходе одни бабы не курят. Смотри, Валерик, с этого все начинается: сначала сигарета, потом вино, женщины, а там и до наркотиков докатишься!

Старший механик, в силу вновь открывшихся обстоятельств, детально проинструктировал матроса, где на судне курить можно, а где нельзя ни в коем случае.

– Понял?

– Понял, Алексеич! А вот у нас в деревне коровник один раз загорелся...

Шевченко перебил:

– У вас коровник сгорел и хрен с ним! Телята сдохли, скотники разбежались. А здесь бежать некуда! Не солому возем, а груз первого класса. Ты обрати внимание в ясную погоду на встречный танкер в грузу!

Валерик обратил и воскликнул:

– Ну, ни фиги себе! И этим мы дышим?

Над танкером поднималось, трепеща в свете солнца, облако бензиновых испарений.

– А ты как думал? «Грбовые»* (надбавки за вредность) зря платить не будут!

Тем не менее, глядя на других нарушителей правил безопасности, Валерик иногда прогуливался по палубе с сигаретой в зубах, что однажды чуть не привело к печальным последствиям.

Получив задание: «освежить белой красочкой радиорубку и другие элементы», уточнив объем работы: «начать с левого борта и продвигаться от кормы и до обеда» Стручков взял ведро и пошел в сушилку – небольшого объема камеру – за краской. Сушилка располагалась на галерке по

левому борту. По дороге Валерик закурил, как солидный мужчина, сигарету «Опал» и, открыв сушилку, сунул туда свою бестолковую голову вместе с сигаретой. Раздался мощный хлопок и, не успевший сообразить, что произошло, матрос Стручков оказался за бортом. Надо сказать, что падать за борт с нижней палубы позади ходовой рубки не самый удачный вариант. Могут заметить только к ужину, что тебя нет на судне. Но Стручкову повезло – Котяткин увидел, как он спиной вперед, махнув красным ведром на прощание белому теплоходу, полетел за борт.

– Полундра!! – завопил моторист. – Стручок за бортом!

Из рубки выскочил Лыжин:

– Чего орешь? Бросай круг!

Двигатели отстоповали. Котяткин со спаскругом в руках уже бежал на корму и, точно прицелившись, попал Стручкову прямо в голову. Тот от неожиданности немного хлебнул водички, но круг, все-таки, ухватил и по сброшенному штормтрапу взобрался на борт. Получив от старпома взбучку и твердое обещание, что за курение на палубе его в следующий раз кастрируют пассатижами без новокаина, Валерик в этот же день курить бросил, подарив недокуренную пачку «Опала» Николаю Котяткину. Коля в знак благодарности подбодрил Стручкова:

– Не заморачивайся сильно. Всякое бывает – на ошибках учатся!

– Дураки учатся на своих ошибках! – вмешался Мазовецкий.

– А умные, что не учатся? – не согласился Николай.

– А умные учатся на чужих ошибках.

Котяткин задумчиво пошевелил лохматыми усами:

– Получается, что умные учатся у дураков, что ли?

В начале июня пришли в Салехард. Встали на рейде в ожидании погрузки. На сопках еще лежал снег, так что бушлатов не снимали.

– Здесь лето-то бывает? – спросил Стручков механика.

– Бывает здесь лето. В июле. – усмехнулся Шевченко. – Ты, главное, этот день не просп!

– Какой день?

– Понятно какой – когда лето будет. А ты как думал, юнга? Север слабых не любит! – сказал механик, разглядывая в бинокль причалы и суда, стоящие на просторном салехардском рейде. – Слышь, юнга, сходи к Романычу – попроси у него новый бинокль. Только быстро!

– Щас я, метеором слетаю! – подхватился шустрый Стручков.

– Ты осторожнее со своим метеоризмом-то – опять за борт вылетишь! – крикнул ему вслед Шевченко.

Капитан выехал на шлюпке на выплатной пункт, привез деньги. Потом снова отбыл в порт. Мазовецкий с Котяткиным сбросили на воду другую шлюпку, пока старпом спит. Штурману сказали, что ненадолго нужно на другой танкер – с друзьями повидаться. Лыжин их предупредил, что если через час не вернуться, то он поднимет Алексеича. Покивали гривами. Согласны, мол, все будет в порядке. Котяткин отдал конец и прыгнул на бак лодки. На ногах не удержался и кулем рухнул под ноги Юрке, который сидел на рулях. Мазовецкий врубил два подвесных «Вихря». Двигатели взревели, шлюпка, задрав нос, понеслась прочь от теплохода. Котяткин дрыгал в воздухе ногами, пытаясь встать.

Лыжин и Королев опять посмотрели им вслед, как тогда, в Романовке.

– Тот, кто говорит, что русские медленно запрягают – наверное, никогда не ездил с ними за водкой, – сказал Лёнька.

– Зря я их отпустил, – почесал затылок штурман.

Королев хмыкнул:

– Можно подумать, они тебя спрашивали.

Вернулись мотористы через три часа, – Котяткину пора было заступать на вахту. Когда Николай ушел, Юрка достал бутылку водки и предложил Королеву:

– Вот, Лёнька, кореша угостили. Давай по пять капель за дружбу?

Королев улыбнулся:

– Ну, ты и психолог, Юрка! Вот ни за что бы не согласился выпить. Разве только за дружбу.

– Подкальываешь все, академик. Давай кружку!

Лёнька поставил две кружки, положил на стол нож и слабосоленого подвяленного муксуна. Мазовецкий налил, стукнул в его кружку:

– Ну, будем!

Но Лёнька его остановил:

– Минуточку, минуточку! Ты что, алкоголик? А где тост?

– А я что сказал?

– Ты сказал «будем», а что мы будем – не понятно.

Юрка заглянул в кружку, вздохнул:

– Ну, давай, говори ты – я не умею.

Королев встал и заставил встать Мазовецкого, поднял руку с кружкой на уровень груди и торжественно продекламировал:

– За ветер удачи, за ветер добычи, за меткость прицела, за прочность клинка! За губы любимой, за сладкое тело, за вкус черной крови из глотки врага!

И выпил. Мазовецкий все еще стоял с кружкой под впечатлением тоста, который освятил такое, казалось бы, будничное дело.

– Ну, ты даешь, Лёнька, теперь ведь нельзя не выпить. Теперь ведь это – святое!

Мазовецкий был немногословен трезвый, но когда выпьет – его не переслушать.

В этот раз он принялся доказывать Королеву, что лучше нет на свете профессии, чем профессия речника.

– Представляешь, Лёня, мы бы щас с тобой работали на заводе! Работа начинается в восемь, а вставать надо в шесть. Бежать на остановку, толкаться в трамвае, психовать – вдруг опоздаешь. А перед этим ведь еще надо успеть помыться, побриться, позавтракать, одеться. Понимаешь? – Мазовецкий закурил. – И до работы еще сколько добираться надо! Понимаешь?

– Может, ты удивишься, но я понимаю, – Лёнька навалился на переборку и слушал болтовню Мазовецкого, покачивая ботинком. – И даже, наверное, в чем-то с тобой соглашусь. Это, Юра, плоды окаянного прогресса – все меньше нужно времени, чтобы улететь в космос и все больше, чтобы добраться до работы.

– Вот! Ты понимаешь! А здесь я утром встал, штаны натянул и на работе. Какая экономия времени, денег, нервов!

– А умываться?

– Что? А...И во время вахты можно умыться. Да и не умоешься, так не велика беда. Никто не видит.

– Как никто? А женщины? – спросил Лёнька и тут же спохватился: « Ну, сейчас начнется исповедь о неразделенной Галей любви!» Все это он уже слышал не один раз, поэтому поднялся и вышел со словами:

– Я сейчас!

Проговорив полчаса с механиком, Лёнька вернулся в каюту, надеясь, что Мазовецкий уже лег отдыхать. Не тут-то было. Юрка уже ополовинил поллитру и горел желанием продолжить теплую беседу:

– Я вот Лёня сижу ночью за штурвалом и думаю...

– Юра, это к добру не приведет...

– Я вот думаю: на берегу все куда-то спешат, мельтешат, кто-то дачу строит, кто-то машину покупает. Я вот раньше тоже..., – Юрка икнул и потянулся за кружкой.

– Что тоже? Машину купил?

– Нет. Хотел купить. А потом подсчитал... Смотри... Машина стоит пять тысяч. Так? Так. Я за пятерку на такси могу проехать через весь город. Так? Так. Значит, на эти деньги я могу тыщу раз заказать тачку. Понял, Лёня? Тыщу! А если учесть, что мне такси каждый день не нужно...А хотя бы, скажем, ну, раз в неделю, то ..., – Юрка задумался, – В общем, мне пять тыщ на всю жизнь хватит.

– Да и тысячи хватит.

– И тысячи хватит, – мотнул головой Мазовецкий. – А почему?

– А жизнь короткая будет – бухаешь много.

– Эт, ты зря! Эт, только щас я так. Ты что не видишь, что эта Галя...

– Ну, вот пошло, поехало! – Лёнька опять вышел из каюты.

Ближе к вечеру прибыл кэп и по просьбе женщин распорядился пришвартоваться к плавмагазину. В магазин отправились все, кроме Старовойтова. Женщины горели желанием купить хоть что – порадовать себя и скрасить покупками скучную судовую жизнь. Сперва пошли в продуктовый отдел, который располагался ближе к носу теплохода. Зина Нариманова сначала по заборной книге получила продукты, затем они с Галей стали придумывать, что им еще крайне необходимо. Мужчины приобрели кое-какие мелочи, а в основном разглядывали товары, передвигаясь по магазину как по музею.

Подвыпивший Мазовецкий старался держаться прямо и поменьше говорить, но получалось плохо. Первым делом он купил коньяку, объяснив Алексеичу, что ему нужно сделать подарок.

– Ты сам уже, как подарок! – ответил механик и купил водки.

Потом перешли в кормовую часть магазина, где располагался промтоварный отдел, и было намного интереснее, потому что ассортимент товаров был такой, что на берегу и не увидишь, разве что на факториях. Женщины разглядывали все и почти все примеряли. Юра Мазовецкий, будучи в лирическом настроении, от Гали Васнецовой не отставал и все время предлагал ей что-нибудь выбрать себе в подарок, а он – Юрка – оплатит, и у нее – у Гали – будет память о нем. Радистка смеялась:

– Юра, я и так тебя не забуду. Ты себе что-нибудь купи! Одеколон, например, чтобы от тебя мужчиной пахло, а не мотористом.

Мазовецкий подозвал Лёньку:

– Слышь, присоветуй, что после бритвы взять!

– А как же твоя теория преимущества работы на флоте? Уже поменял взгляды?

– Перестань! Скажи, что взять?

– Мой совет – бери подешевле, потому что все равно ненадолго.

– Это точно. Это – да. Одеколон я брать не буду. Я духи возьму.

– Духи тоже на спирту.

Мазовецкий шепнул Лёньке на ухо:

– У меня с них понос, я их пить не буду!

Выбрав духи, Юра пошел выбирать куртку. Накинув шикарный кожан змеино-зеленого цвета, опять подошел к Королеву:

– Ну как?

– Он же тебе велик! Как минимум на три размера. Это ж пятьдесят четвертый размер!

– Ну, так – другого нету, он же импортный! Надо брать. Я же его не просто так. Я же с пиджаком буду носить, со свитером. Алексеич! – обратился к механику за советом. – Алексеич! Ну как клифт? Нормально?

Шевченко показал большой палец:

– Отлично, Юра!

Королев хмыкнул и пошел к выходу, решив, что экскурсию пора заканчивать.

Гале Васнецовой совсем недавно исполнилось девятнадцать. Радистка нефтеналивного теплохода ТН – 6** очаровывала своим веселым нравом всех сверстников, пышными формами мужчин постарше, а синими глазами – всех сразу и наповал. Кроме радиодела Галя ничего не знала и не умела, а главное, и не стремилась чему-нибудь научиться. В свою очередь, бывалый капитан Старовойтов тоже не стремился заполучить в команду это чудо. На танкер Галю Васнецову распределили после окончания училища, поэтому капитан обязан был принять молодого специалиста, хотя до этого с работой радиста успешно справлялся сам. Тем более, что ее было не так уж много. Поэтому капитан загружал радистку дополнительными обязанностями – не очень много, но и не очень мало, а так, чтобы не оставалось свободного времени. Обязанности эти заключались в основном в приборке и помощи кокше Зине Наримановой по камбузу. Тем не менее, Галя не забывала о своей главной цели, достижение которой для нее было значительно важнее выполнения должностных обязанностей.

А цель эта была – ВУЗ. Не тот ВУЗ, который высшее учебное звание, а ВУЗ в смысле Выйти Удачно Замуж. Один раз, обжегшись на первой любви с молодым человеком, который «поматросил и бросил», Галя Васнецова решила, что ее вторая любовь обязательно закончится браком, тем более, что теплоход был для этого местом подходящим, в том смысле, что в команде было пять холостых мужчин. Для себя Галя всех их разбила по категориям: Валерик Стручков – «мелочь пузатая», потому что слишком молод;

Николай Котяткин – «колхозник», потому что темнота некультурная; Юра Мазовецкий, хоть и смотрит влюбленными глазами, но чаще всего, пьяными; Ленька Королев – знает много и увлекательно рассказывает, с ним интересно, но над Галей постоянно подтрунивает и всерьез не воспринимает; оставался Алексей Лыжин, который хоть и говорил, что всех женщин презирает, но очень часто плакался юной радистке в жилетку, жалуясь на судьбу и жизнь, которая дала трещину: «Понимаешь, Галюня, я не знал, что такое возненавидеть человека, пока не женился!» Галя его жалела, и штурман уже к середине навигации сделал открытие, что хоть все женщины стервы, но Галя – особенная, и к ним не относится.

Утром ТН – 6** встал под погрузку. Как раз началась вахта Лыжина и Королева. Ленька вышел из рубки и направился на нижнюю палубу, чтобы принять и подсоединить грузовой шланг. Стручков ринулся за ним, чтобы помочь. Королев остановился, посмотрел на гаечные ключи в руках матроса и, забрав их, немного охладил трудовой энтузиазм последнего:

– Только руками, Валерик, только руками!

Это означало, что матросу он доверяет только придерживать грузовой шланг, а гайки будет крутить сам. Валерик нехотя согласился.

Дело в том, что была в этой операции одна особенность – при подсоединении грузовых шлангов по инструкции можно было работать только специальными бронзовыми ключами, чтобы избежать случайной искры. Но ими действовать нужно было очень аккуратно – сплав был мягкий и при неумелом обращении бронзовый ключ легко деформировался. А уж если обнаружится подтекание, то подтягивать болтовые соединения приходилось обыкновенным

стальным ключом. И тут, тем более, требовалась осторожность.

К обеду, закончив погрузку, получили метеосводку и вышли из Салехарда в Надым. Ленька забежал в каюту за сигаретами. Котяткин спал. Мазовецкий сидел хмурый, уставившись в одну точку.

– Ты что, Юрка, как будто всю родню схоронил?

– Так, настроение паршивое.

– Хочешь, подскажу, как поднять? Прими горячий душ. Завари чайку покрепче. Побрейся до синевы. Заодно новыми духами освежишься...

– Подарил я духи Васнецовой.

– Тоже правильно. Путь к сердцу женщины лежит... В общем, я точно не знаю, где он лежит, но духи все дарят. Это вроде как обязательный ритуал такой... А новая куртка где твоя?

– Подарил Алексеичу. Она мне большая, а ему в самый раз.

– Ты, ей-богу, как Дед Мороз какой-то! Вот что значит трезвый взгляд на жизнь.

– Какой там взгляд! Тоска смертная...

– Книгу почитай. Может, что интересное узнаешь. Хотя у нас в этом году на борту только азиатские классики.

Если теплоход работает вдали от телевизионных ретрансляторов, то вниманию экипажа в утомительные часы досуга остаются журналы, газеты и книги. Когда танкер готовился к выходу из порта приписки, то про книги вспомнили в последнюю очередь. Старовойтов велел Наримановой получить на судно библиотечку в количестве тридцати книжек, что ему казалось вполне достаточно.

Так оно и было бы, если бы малое количество компенсировалось широким ассортиментом. Но Зина Нариманова в точности выполнила необдуманый приказ капитана – подобрать книги «по своему усмотрению». В судовой библиотечке оказались широко представлены авто-

ры среднеазиатских республик, начиная от Алишера Навои и Абулькасима Фирдоуси до Абая Кунанбаева и Токтогула Сатылганова. Был также один томик Пушкина, который Королев перечитал три раза, а поэму «Братья–разбойники», так вообще, наизусть выучил. Читать Токтогула Сатылганова по третьему разу Лёнька не хотел.

А когда читать нечего, приходится писать самому. И Лёнька, вспомнив увлечение школьных лет, стал писать. Любому автору нужны слушатели и, чтобы их привлечь, Королев стал исполнять свои стихи под гитару, благо бардовская песня шагала по стране от Москвы до самых до окраин. Алексей Лыжин решил, что он тоже не лыком шит, тоже стал сочинять собственные вирши и исполнять их под трехрядку. Их творческое соревнование иногда перерастало в целые концерты, когда они по несколько часов до хрипоты развлекали экипаж, собравшийся в кают–компании. Особенно эти концерты нравились кокше. У ней был неплохой голос и она с удовольствием подпевала, что бы ни исполняли.

Зарина Нариманова, или Зина, как все ее называли, была самой загадочной личностью в команде теплохода. Как она попала на речной флот, достоверно не знал даже капитан. Хотя именно ему при поступлении на работу Зина рассказывала свою трудовую биографию. Еще она делилась своими воспоминаниями и переживаниями в часы досуга с Галей Васнецовой, что вполне естественно – две женщины в относительно изолированном коллективе поневоле становятся подружками. Остальные члены экипажа узнавали о прошлой жизни новой судовой поварахи из отрывочных сведений, которые поступали из уст скупого на слова Старовойтова или слетали с языка словоохотливой Галочки.

Жила до этого Зина в пригороде хлебного города Ташкента. Отец ее по национальности был татарин – в прошлом офицер Советской Армии, мама, по национальности была узбечкой. Зина вышла замуж за узбека. Прожили они вместе почти десять лет. Муж работал в спорткомитете, она – на текстильном комбинате. Счастливы они жили или не очень, теперь уж мы не узнаем. Только вдруг, на тридцать втором году своей жизни, Зина решила прекратить жизнь семейную. Однажды, когда муж был в командировке, она, как истинная женщина Востока, забрала из квартиры все самое ценное: золото, хрусталь, ковры и не забыла пятилетнего сына. Исчезла она в неизвестном для мужа направлении, предварительно ценности, включая ребенка, оставив своим родителям.

Поехала, куда глаз глядят. Глаза поначалу глядели в Москву. В поезде познакомилась с двумя попутчицами, которые оказались женами капитанов речных судов Иртышского пароходства. Они и уговорили Зину поехать с ними, пообещав ей трудоустройство на хорошо оплачиваемую работу. Слово свое супруги речников сдержали и даже выправили авантюрной попутнице новый паспорт и трудовую книжку. Паспорт был нужен, потому что ее паспорт остался у мужа – он всегда его носил с собой, а трудовую – потому что уезжала Зинаида так быстро, что не успела уволиться с текстильного комбината. В новом паспорте она указала свою девичью фамилию – Нариманова, чтобы у бывшего супруга было меньше шансов ее отыскать.

Так Зина Нариманова оказалась на теплоходе, сначала в должности «матрос – горничная», в чьи обязанности входила уборка кают и стирка постельного белья, а потом, когда кокша неожиданно уволилась, она стала по совместительству еще и поварахой. Работы Зина не боялась, а деньги ей были, ну очень нужны. Умела она их зарабатывать и любила тратить.

У поварахи всегда был свой запас спиртного. В основ-

ном, он был нужен для того, чтобы обменивать водку и питьевой спирт на рыбу у рыбаков–хантов и ненцев. Им в путину не продавали водку ни в магазинах, ни на факториях. Речникам же был запрещен промысел таких видов рыб как, например, осетр. Вот они и выручали друг друга. Если все члены экипажа брали рыбу и икру только для себя и своих семей, то Зарина все эти речные дары продавала на берегу или обменивала на плавмагaziнах на другой товар. С людьми она сходилась легко и буквально обрастала новыми приятельницами и знакомыми по пути следования теплохода от Иртыша до Обской губы.

Оставив по правому борту знаменитый Мыс Жертв, через два часа вошли в устье реки Надым. К городу подошли рано утром. Связавшись с диспетчерами, встали под разгрузку.

Женщины, как обычно, отправились на берег в магазин и по другим делам. Валерику Стручкову тоже захотелось прогуляться. Позвал с собой Королева:

– Пойдем, Лёня, со мной за компанию – город поглядим.

– Нашел город! – Фыркнул Лёнька. – Город на другом берегу строится, а здесь одни балки, лавка, да контора времен освоения Севера. Как говорится, «времен Очаковских и покоренья Крыма!»

– Почему Крыма?

Лёнька посмотрел на него, вздохнул:

– Валера, ну, так же нельзя. Это же школьная программа!

– Я в школе хорошо учился. Просто про Крым не знаю. Так ты идешь или нет?

– Завидую я тебе, Валерка, белой завистью – как много тебе предстоит узнать! Может быть, правильно делаешь,

что не торопишься, ведь знание умножает скорбь, как говорили древнегреческие моряки. Пойдем, сходим. Иди, доложи капитану, пока я собираюсь.

Они вразвалочку сошли на берег и отправились вслед за Васнецовой и Наримановой к магазину – другой дороги здесь не было. Погода стояла превосходная: светило солнышко и полный штиль. По Цельсию было градусов двадцать – по северным меркам жара невероятная. Рядом с магазином стоял длинный барак с поблеклой надписью «Кинотеатр».

– Что, Валерик, приобщимся к важнейшему из всех искусств? Магазин от нас никуда не убежит, а больше здесь смотреть нечего.

Они вошли в вестибюльчик кинотеатра, который правильнее было назвать предбанником. За столом сидел мелкий мужичонка неопределенного возраста. На вид ему можно было дать лет семьдесят, но присмотревшись, становилось понятно, что не столько возраст оставил свои следы на лице аксакала, сколько их величества Спирт и Север.

– Здравствуйте, шеф! – поприветствовал его Лёнька. – Нам два билета на дневной сеанс!

– Подожди, – перебил Стручков, – а фильм-то какой?

Лёнька отмахнулся:

– Какая тебе разница? Все равно смотреть будем.

Но все-таки спросил у «шефа»:

– Мой юный друг интересуется, как называется картина? Кстати, почему у вас афиши нет?

Мужичок с испитым лицом заглянул в какую-то бумагу и не спеша – он явно тормозил – ответил:

– Кино называется «Влюблен по собственному желанию». А афишу сняли уже – кино-то началось!

– Хорошо. Давай два билета.

– Не дам билеты. Так проходите. Кино-то началось!

– А не скажешь, фильм интересный?

– Не скажу. Не видел. – медленно через паузы ответил смотрящий кинотеатра и нетерпеливо махнул рукой.

– Понял, понял! – улыбнулся Лёнька. – «Кино-то началось!»

Они ввалились в темноту зрительного зала, сразу же споткнувшись обо что-то мягкое. На полу лежала большая лохматая собака. Обошли, осторожно ступая по прогибающимся половицам, уселись на скрипучие сиденья. Глаза постепенно привыкали к темноте.

– Как-то еще не укусила! – прошептал Валерик, кивая на собаку.

– Это у вас в деревне собаки от безделья на людей кидаются, а здесь ездовые собаки. У них дисциплина в крови.

– А почему они в кинотеатре?

Собаки лежали по всему проходу. Людей же наши друзья заметили только троих – на переднем ряду сидели. Видимо, такие же, как они – речные бродяги. Лёнька пересчитал собак. Их было два десятка. Причем, они не просто валялись или спали – собаки, к удивлению Королева, внимательно следили за экраном. Ответил Валерику:

– У них такие шубы, что от жары где-то надо прятаться. А потом ездовые собаки, в отличие от дворовых, очень любят кино. Видишь, как внимательно смотрят.

Валерик присмотрелся к лохматым зрителям:

– Точно, смотрят. Ни фиги себе!

– А ты как думал! – не удержался Лёнька. – У них интеллект выше, чем у матросов.

Стручков покосился на него и обиженно засопел.

После обеда танкер уже разгрузился. Оформили документы и перед ужином сбросили с кнехтов швартовые концы. На ужин были грибы. Зина Нариманова и здесь нашла своих земляков, которые щедро угостили ее дарами северной природы.

На обратном пути из Надыма в Салехард хотели подойти

к фактории, которая располагалась на бойком месте – как раз по пути следования судов. Была договоренность – товар там посмотреть и рыбы взять в обмен на бензин. Но Старовойтов еще на подходе, посмотрев в бинокль, увидел там два стоящих танкера и сказал старшему помощнику:

– Толя, не хрен там делать! Похоже, и рыбу нашу забрали, и хозяина бензином снабдили. А если мы сейчас туда подойдем, то эти двое вперед нас под погрузку встанут и нам еще сутки ждать придется. Добавь-ка оборотов!

Все капитана поняли правильно – зарплату платят за тонно-километры, а не за экскурсии.

Михаилу Романовичу Старовойтову было пятнадцать лет, когда закончилась Великая Отечественная война. Оттого в его характере, наряду с некоторым авантюризмом и пофигизмом, свойственным всей флотской братии, была некая мудрость, безошибочное понимание людей и отношение к жизни, в чем-то отличавшееся от отношения к ней людей «послевоенных».

На речном флоте Старовойтов проработал уже четверть века. Пятнадцать лет капитаном, из них десять – на танкере ТН – 6** . За эти годы, кроме денег, он заработал авторитет, ряд хронических заболеваний и почетное прозвище – «МРС»* (малый рыболовный сейнер). Он был бы уже не против перейти работать на берег – материально семья уже давно не нуждалась в его высоком заработке: была квартира, в которой он жил три месяца в году, машина, которую он заводил один раз в году, а потому собирался подарить сыну, была даже дача в Крыму – небольшой домик с пятью сотками земли, где он был один раз, когда покупал у дальнего родственника своего коллеги – речника. Он был не против, но, во-первых, специальность судоводителя на берегу вовсе не востребована, во-вторых, даже если зи-

мой он принимал такое решение, когда сидел с супругой, с детьми и внуками за новогодним столом, то в марте, когда северный ветер сменялся на южный, который приносил такие запахи, от которых, не то что в море уйти – улететь хотелось вместе с птицами на север, Старовойтов это решение менял. Говорил жене, что она его неправильно поняла, что он даже не думал, даже в мыслях не держал, и вообще работать некому. На кого он оставит теплоход?

В это время Михаил Романович молодец, становился энергичным, веселым с людьми и даже злым на работу. Ремонт судна, который ни шатко, ни валко длился всю зиму, неожиданно заканчивался в кратчайшие сроки под его неусыпным руководством. Он быстро решал все вопросы вооружения судна, кадрового комплектования и с нетерпением ждал, когда ледокол взломает тяжелый серый лед затона.

Потом, выполняя рейсы по Иртышу и Оби, Старовойтов не мог дожидаться, когда он выйдет в губу. И только там, в море, в этой вечной стихии свободы, чей голос, изменчивый и безостановочный он умел слушать, чьи ветры и настроения он понимал, где не видно ни берегов, ни других судов, где только он и компас решали, куда перекладывать штурвал, Михаил Романович ощущал себя Капитаном. И вспоминал сорок второй год, голодного пацана Мишу Старовойтова, который, как и его мать, еле таскал ноги от тяжелой работы, а писем от отца с фронта не было целыми месяцами, отчего жизнь казалась еще горше и невыносимее, и который, в тесной, темной комнатке жался к печке холодным зимним вечером, читал книжку и сквозь пламя горевших поленьев видел алые паруса одинокого корабля на зыбкой линии горизонта, неуверенно разделяющей две бесконечности – небо и море, и себя на капитанском мостике и непременно с биноклем.

И только там и тогда, приходило чувство, что жизнь прожита не зря. Не зря сложил голову его отец, которого он

всегда вспоминал перед лицом великой морской стихии – она напоминала капитану о Боге, хотя всю жизнь учили не верить, но он помнил, как мать по ночам молилась, а он делал вид, что не знает об этом. Все время жил в нем тот мальчишка военной поры, которому мечта помогала пережить те нелегкие годы, и та, неистребимая годами, романтика, еще тогда поселившаяся в его душе и всю жизнь помогавшая переживать долгую разлуку с домом и близкими и по-прежнему любить тяжелую флотскую работу.

Капитан Старовойтов был согласен с товарищем Сталиным в том, что кадры решают все, поэтому воспитательную работу с подчиненными вел так, как ее понимал, частенько повторяя: «Не мы изобрели кнут и пряник, не нам их отменять» Сам он был благодарен покойному Станиславу Мазовецкому – отцу Юрки, который был для многих молодых капитанов жестким и справедливым наставником. Оттого и прощалось Юрке многое, чего другому Старовойтов бы не спустил. Много, но не все. За пристрастие к спиртному Мазовецкого он драл, как сидорову козу, хотя сам был не против поклониться Бахусу. Случалось по три дня не выходил из каюты. Но – то, что позволено Юпитеру, не позволено быку. И, когда «бык» попадался, пощады ему не было.

Юра Мазовецкий, зная, что у поварихи всегда есть водка, очень с ней сдружился и иногда выклянчивал бутылочку в долг. Как-то раз, ночью выпив, но не достаточно, он отправился к Зине. Чтобы не шуметь в коридоре – каюта Наримановой была рядом с капитанской, Юра решил зайти с галерки и постучать в иллюминатор. Но, как это часто бывает, глубокая конспирация не помогает, если исполнитель элементарно невнимателен. В темноте и под градусом Мазовецкий перепутал иллюминаторы и постучал в каюту кэпа. Тот встал, не включая света, и услышал за окном страстный шепот моториста:

– Зина! Зинка! Открой окошко! Пузырь надо, срочно!

Капитан окошко, понятно, открывать не стал, а вышел в коридор и постучал в каюту Наримановой:

– Зина, выдь на минуту!

– Что случилось, Михаил Романыч?

– Накинь халатик, выдь, тут к тебе пришли!

Дело в том, что накануне кокша клятвенно заверяла Старовойтова, что она Юрке водку не дает, он к ней не обращается, а где он берет спиртное, она сама не знает и очень удивляется.

Мазовецкий, разглядев какое-то движение в темной каюте, стал стучать настойчивее:

– Зина! Зиночка, открой, солнышко! Ну, очень бутылочку надо!

Старовойтов подбодрил повариху:

– Ну, что стоишь? Открывай, солнышко! Тебя зовут.

Повариха сердито опустила стекло. Радостный Мазовецкий просунул улыбающуюся физиономию, пытаясь в темноте разглядеть, кто это стоит рядом с Наримановой:

– Кто это у тебя, Зинка?

Тут южный темперамент поварихи проявился извержением самых искренних чувств, и рассерженная Зарина с яростью заехала когтями в пьяную морду Мазовецкого:

– У, шайтан!

После этого кэп задраил иллюминатор – воспитательная работа была закончена. На следующий день сказал Шевченко, чтобы Лёньку Королева поставил с ним в ночную вахту, а Мазовецкий пусть со вторым штурманом стоит.

– Они ж подерутся, Романыч! – возразил старший механик.

– Вот и будет им обоим проверка на вшивость. Если подерутся – спьем обоих и хрен с ними! Хватит пряники раздавать, пора и кнут употребить.

Шевченко объявил Мазовецкому волю капитана. Тот попытался возмутиться, но механик пресек возражения:

– А я тебя предупреждал, Юра, доиграешься! Все, хва-

тит, кончилось наше терпение. Теперь на судне будет политика кнута и пряника!

– Это как это?

– А вот так это! Мокрым кнутом по задам, черствым пряником – по зубам! Навигация к концу идет – показатели нужны. Дисциплину будем ужесточать.

Показатели труда речников-моряков - это было самое главное, что интересовало руководителей пароходства. Северный завоз должен выполняться на сто процентов при любых условиях. Этому уделяла внимание и пресса, постоянно освещая результаты соцсоревнования. Писали о передовиках и лучших экипажах. В один из редких солнечных дней августа, когда на Салехардском рейде стояли десятки судов, на теплоход на катере прибыл капитан порта. Побеседовав со Старовойтовым, отбыл, оставив на теплоходе журналистку – девушку лет двадцати пяти.

Михаил Романович пригласил механика и поставил задачу:

– Анатолий Алексеич, это корреспондент местной газеты «Красный Север» Галина Александровна...

– Елена Александровна, – поправила гостью капитана.

– Ну, да. Покажите ей теплоход, поговорите, ответьте на вопросы... Ну и так далее.

Она будет у нас, пока под погрузку не встанем. Покормить обедом не забудьте, чайком напоить...

Механик пригласил журналистку в ходовую рубку, он не горел желанием общаться с журналистами, тем более с девчонкой. Лучше бы мужика прислали.

– Можно, Анатолий Алексеевич, – начала разговор гостья, – после того, как вы мне покажете корабль, я у вас интервью возьму?

Шевченко вздрогнул, и от «корабля» и от интервью.

– Вообще, у нас теплоход, корабли – это у военных, – пробасил Шевченко и велел позвать в рубку Королева. Вошел Лёнька в рубку, вытирая руки тряпкой – только что из машины.

– Вот, Леонид Иванович, это корреспондент из газеты Елена Алексеевна...

– Александровна. – опять подсказала журналистка.

– Я и говорю. Расскажи ей про пароход... про теплоход, все покажи. А я вас буду в кают-компании ждать. Там Нариманова обедом нас накормит.

И, обращаясь уже к журналистке, сказал:

– И это самое, интервью, это тоже с ним. Он у нас передовик. Академик, одним словом...

Когда выходили из рубки, механик Лёньку дернул за рукав:

– В машину только ее не води.

– Почему?

– Сглазит еще чего-нибудь. Был бы мужик, а то бабу прислали. Потом опять ремонтироваться придется!

Королев вышел вслед за корреспонденткой.

– Леонид Иванович..., – обратилась к нему журналистка.

– Какой я Леонид Иванович? Просто Леонид!

– В таком случае, я – просто Елена. Я тоже не люблю официоза. Когда работала в райкоме комсомола, у нас там все друг к другу запросто обращались.

– Это точно, – поддакнул Лёнька, – комсомольцы – они до старости Лёни и Лены.

Елена рассмеялась:

– А у вас есть чувство юмора! Леонид, расскажите о себе.

– Не было приказа, Елена. Механик велел о теплоходе рассказать.

– Я серьезно. Мне ведь нужно знать, что за люди работают на флоте.

– А если серьезно, то и рассказывать-то, в общем, нечего. Приехал. Работаю рулевым – мотористом.

– Давно работаете?

– Второй год.

– Вы где-то учились?

– Учился в школе комсостава флота. Продипломировался на второго помощника механика, – про институт Королев благоразумно решил промолчать.

– А почему работаете мотористом?

– Потому что на всех судах совмещенка. Нужно еще рабочий диплом штурмана. Зимой получу, и в следующую навигацию смогу работать вторым-вторым – вторым штурманом и вторым помощником механика. Пойдемте, я вам покажу палубные механизмы.

Они прошли по верхней и нижней палубе, вошли в бытовые помещения. Навстречу по коридору прошел Мазовецкий с подшипником в руках.

– Можно один нетактичный вопрос? – заулыбалась журналистка и, не дожидаясь согласия, спросила:

– Почему теплоход весь такой белый, а люди ходят..., – Елена Александровна замялась, – такие...

– Чумазые? – пришел ей на помощь Лёнька.

– Ну, да.

– Потому что, если бы мы ходили все время в белом, у нас теплоход был бы чумазый.

– Резонно. Леонид, покажите мне сердце корабля, так сказать. Я имею в виду мотор.

– Правильнее сказать «машинное отделение», но туда, к сожалению, нельзя.

– Почему? Ваш капитан сказал, что мне все покажут!

Лёнька заколебался. «А чего, в самом деле? Что там секретного?»

– Ну, пойдемте, пока механика нет.

Они из коридора спустились в машину. Журналистка с интересом озиралась, разглядывая три дизеля и массу различных трубопроводов.

– Здесь очень шумно! – прокричала на ухо Королеву.

– Что делать! – также громко ответил Королев. – Сейчас, слава Богу, работает один дизель – генератор! Когда работают ходовые двигатели, еще веселее!

Не пробыв в машине и пяти минут, поднялись снова в коридор и вышли на корму.

Здесь Лёнька объяснил назначение и устройство шпиля* (устройство для подъёма кормового якоря).

– Вот и все, Елена, мы с вами почти все судно осмотрели. Не были только в танках и балластных цистернах, но туда уж точно не полезем.

Они прошли в кают – компанию, где уже сидел Шевченко, и Елена принялась выспрашивать механика про его трудовую биографию, а заодно и про других членов экипажа. Лёнька быстро пообедал и ушел.

Королева кэп перевел в ночные вахты, когда был полярный день, и солнце, не заходя, кружило по горизонту, выдавая северянам свое скромное тепло, которого они совсем не получали зимой. Рулевому вести теплоход при дневном свете гораздо легче, чем в темноте, но когда и среди ночи сверкает солнце, организм путает время суток. Лёнька, часто просыпаясь днем в половине четвертого, тупо глядя на часы, гадал – не пора ли ему на вахту? И мечтал занять часы с двадцатью четырьмя делениями.

В этот раз, проснувшись, он удивился – теплоход стоял. Поднялся на палубу. Оказывается к борту подошел рыбацкий баркас хантов. Рыбаков было трое. Один, который постарше, был в старой малице* (верхняя одежда из оленьих шкур) с откинутым капюшоном, двое других, помоложе, в брезентовых плащах поверх телогреек. Рыбаки предлагали осетров, муксуна и нельму. За осетра просили шесть бутылок водки. Поскольку у мотористов таких запасов не было, с ними договаривались капитан, старший механик и Зина

Нариманова. Сторговали двух осетров за девять бутылок. Забрали также всю нельму и муксуна. От сырка, которого на дне баркаса было немеряно, кэп отказался:

– Не нужно нам этого сору! Да и водки больше нет. Все, отчаливайте! – Старовойтов ушел с палубы.

– Зачем тока водка? – кричали с лодки двое рыбаков помоложе – старик молчал. – Не тока водка! Другой винка давай и весь сырка забирай! – Им тоже такую рыбу было некуда девать, а даром отдавать жалко.

Стручков поинтересовался у механика, какого вина требуют рыбаки.

– Одеколону они требуют. Считают: с паршивой овцы хоть шерсти клок, а сырок они все равно выбросят. – Шевченко махнул рукой, потом повернулся к мотористам:

– Соберите по каютам одеколону, да отдайте – у них еще с полцентнера рыбы будет! Давай бросай! – крикнул рыбакам. – Сейчас будет вам и «Шипр», будет и «Тройной»!

Рыбу забросили на палубу, а Мазовецкий с Королевым притащили пять флаконов одеколону. Рыболовецкая бригада на баркасе поскандалила – старик отбирал у молодых одеколону и бросал за борт.

– Вот черти, – выругался механик, – между собой не могут договориться!

Ханты ругались на своем языке и было непонятно, то ли старик вообще против употребления одеколону, то ли его не устраивает марка напитка, потому что, отобрав у молодых флаконы, «Шипр» старик выбросил, а «Тройной» сунул в карман.

Лёнька за жабры поднял осетра на уровень пояса – хвост доставал до палубы.

– Хороший экземпляр! – поцокал языком Юрка Мазовецкий.

После ужина все свободные от вахты остались в кают-компани, кроме Старовойтова и Шевченко – кэп с дедом на корме готовили черную икру. Из каждого осетра добыли почти полную трехлитровую банку. Механик опускал за-

вернутую в марлю икру в ведро с соленой водой, а Старовойтов стоял над ним с секундомером и брал время, как спортивный судья на финише спринтеров. Выключая секундомер, командовал: «Вира!»

Лёнькина гитара лежала в стороне, Лыжина с гармошкой не было, поэтому, попив чаю, просто разговаривали. Уже все успели соскучиться по своим домашним и вспоминали семьи.

– А у нас только Королев не получает письма из дома! – заметила радистка. – Родителям-то он звонит, а вот какая девушка ждет его на берегу, так никому и не говорит. А, Лёньчик? Поведай сердечную тайну! Мы-то про себя все рассказываем!

– Вы-то уж с Зинкой расскажете – как же! – буркнул Котяткин.

Лёнька вместо ответа взял гитару и запел безголосо, но талантливо, как Марк Бернес:

Моя дорогая не блещет красою,
Ни тонкостью стана,
Ни русой косою, как блещет порою
Героиня романа!

Лёнька не просто пел, он страдал с надрывом. Женщины слушали внимательно.

Презренное платье срываю я смело,
Скорей бы увидеть желанное тело!

Котяткин заржал. Зина конфузливо захихикала и махнула рукой.

Губами коснуться единственной в мире!
Моя дорогая!.. Картошка в мундире.

Теперь уже смеялась вся кают – компания. Заглянул улыбающийся Шевченко. Мотористы сразу проглотили смех – улыбка механика обычно добра не сулила. Но не в этот раз. Сегодня механик был просто доволен хорошим посолом рыбы и икры.

Королев давно сбился со счета, сколько рейсов они сделали. Теплоход уже не поднимался до Надымского порта – осадка не позволяла, так как уровень воды понизился. Войдя в устье, разгружались на малые танкеры – ТНМ-ки, которые брали всего по сто пятьдесят тонн, зато, имея небольшую осадку, могли ходить по мелководью.

В очередной раз, скачав свой груз этим «малышам», ТН – 6** вернулся в Салехард. В эти дни погода не баловала – свежий ветер разгонял волну. Теплоход хорошо качало и женщины, приготовив обед, попросились на берег, так как обе страдали морской болезнью.

В рубке затрещала «Кама» – судовая рация:

– ТН – 6**! ТН – 6**! Ответьте семьсот шестому!

Лёнька снял трубку:

– Слушает ТН – 6**, моторист Королев!

– Слышь, Королев, твой механик далеко? Пригласи его!

Скажи, что механик с семьсот шестого говорит.

Шевченко пришел через пять минут, взял трубку:

– Але! Кто? А, Саня, привет! Что-то давненько тебя... В гости бы приехал.

– Я бы и приехал, так ведь за вами не угонишься – у вас не дизеля, а звери, правда, в коленвалах запутались! – хохотнул механик Саня.

– Не понял..., – Шевченко насторожился.

– А ты газету «Красный Север» не читал? Ну, ладно, тогда не парься. Ничего серьезного. Как жизнь-то?

Проговорив минут десять, механик, прежде чем положить трубку, покачал ее в руке и посмотрел на Королеву:

– На берег женщинам сообщи, чтоб газеты взяли, когда будут возвращаться.

Вечером, в одиночку прочитав газету, Шевченко пригласил к себе Королеву:

– Ну, вот полюбуйся, экскурсовод!

– А чего там?

– А ты читай, читай!

Лёнька быстро по диагонали стал просматривать статью:
– «Опытный капитан Старовойтов... Теплоход перевыполняет план... Все механизмы работают исправно, благодаря неустанной заботе старшего механика Шевченко...»
Отличная статья, Алексеич!

– А ты читай, дальше читай!

– «Молодой моторист Королев любезно сопроводил по отделениям... Рассказал об устройстве... И вот мы в сердце теплохода... Стоял грохот, хотя работал один генератор... Ходовые двигатели молчали, но сквозь густую сеть коленчатых валов просвечивала их звериная мощь...», – Лёнька в этом месте запнулся.

– Ну, чего замолчал? Ты же объяснял устройство теплохода! «Любезно сопроводил...» Я тебе говорил, не води ее в машину! У меня ж шестое чувство, я же знал, что вы что-нибудь накосячите! Теперь механики смеются. Над моей седой головой смеются!

Королев, сам еле сдерживая смех, поглядел на шевелюру механика и, не заметив там седых волос, возразил:

– Хорошая статья, Алексеич! Ну, немножко не точно. У ней ведь не техническое образование. Простительно девушке...

– Ей-то я прощу. А уж вы не взыщите, молодые талантливые мотористы! Будете у меня драить и «звериную мощь», и «густую сеть коленчатых валов»!

Лёнька вышел из каюты механика – рот до ушей. Потом вернулся, приоткрыв дверь, предложил:

– А ты, это самое, Алексеич, отправь меня в командировку в редакцию. Я там опровержение напишу. Дескать, так и так, и мощь у нас совсем не звериная, и сеть не очень густая...

– Завтра будет тебе командировка в насосное отделение. Профилактику грузовых насосов будешь делать!

– Слушаюсь, товарищ старший механик первого ранга! – Лёнька пошел по коридору и дал волю смеху.

На следующий день, однако, случилась совсем другая работа – закипел правый двигатель. Механик поднял всех мотористов и распорядился «в темпе вальса» заменить прокладку под головкой блока.

Теплоход шел на одном левом двигателе. Надо сказать, что для рулевого это было хорошо. Не то хорошо, что на одном движке, а то, что именно на левом. Потому что гидропривод рулевого управления работал от левого двигателя, иначе рулевому пришлось бы «мослать» штурвальное колесо, как это делалось еще во времена Колумба.

Когда перед разборкой стали отключать от двигателя системы, Лёнька подошел к системе наружного охлаждения, чтобы перекрыть вентиль забортной воды. К его удивлению вентиль был почти закрыт. Он сказал об этом Юрке Мазовецкому. Тот в задумчивости пожал плечами. Хотя обоим стало понятно, из-за чего поднялась температура в рубашке охлаждения.

Работа, хоть и тяжелая – в духоте и грохоте машинного отделения возиться с мазутным железом мало приятно, – но привычная. Через два с половиной часа закончили и пошли в душевую, предварительно с содой отмыв грязные по локоть руки.

– Я так и не понял, Юра, почему вентиль был закрыт? – снова спросил Королев. Скорее даже не спросил, а напомнил, потому что произошло это во время вахты Мазовецкого, стало быть, ему и нужно было разбираться с «диверсией», дабы такого не повторилось вновь. Мазовецкий снова промолчал, однако было видно, что он раздражен этими «непонятками».

Уже вечером, в конце своей вахты, Мазовецкий разрешил загадку. Лёнька из каюты услышал, как кто-то верещит в коридоре. Выглянул. Юрка за ухо тащил из машинного отделения Валерика Стручкова:

– Я тебя научу, молодой специалист хренов, как инструкции соблюдать! Они не для меня пишутся – я и так все знаю. Они для таких, как вы с Лыжиным, пишутся! Потому что от дураков на судне требуется только одно: соблюдать инструкции и не проявлять инициативы!

Мазовецкий зашел в каюту и стал рассказывать Королеву. Он все еще был возбужден, его даже слегка потряхивало от возмущения:

– Мне, видишь ты, не доверяет этот чудила, штурманец этот! Посылает Стручка проверить уровень в расширительном бачке. Я за ним – фокус-то разгадать надо. А он, сопляк, встает ногами на вентиль и лапой туда лезет – в бачок. «Мне, – говорит, – так удобней!» Я тебе покажу удобней! Ты стекло-то протри, если не видишь! Ну, понятно, он слез, а вентиль-то крутнулся под ногами и все! Считай, почти закрыт.

– Молодец, Юрка, – Королев, успокаивая, похлопал его по плечу, – молодец! Сядь, покури и успокойся. Ты сделал большое дело. Ты, если хочешь знать, Шерлока Холмса превзошел. Даже ему не удавалось в такие кратчайшие сроки изобличать злоумышленников! А самое главное, ты предотвратил подобные аварии в будущем. Ты знаешь, как я не люблю засучивать рукава «в темпе вальса». А ты меня избавил от этого, хотя бы на сегодня...

– Да иди ты..., – Юрка плюхнулся на стул, – дай сигарету, что ли.

Ближе к осени стали темнеть ночи, а когда танкер ушел из губы на юг, то и вовсе стало ночью темно, хоть глаз выколи. Лёнька первое время, бывало, принимал разожженные рыбаками на берегу костры за огни судовой обстановки, хватался за бинокль и до рези в глазах вглядывался в ночную тьму.

Тем не менее, ночные вахты нравились ему больше. Впервые, если за штурвалом был Лёнька, то кэп, как правило, уходил из рубки, доверяя рулевому, а не стоял над душой, как это делал второй штурман. Во-вторых, если садился на штурвал сам капитан, то это было надолго и можно было, проверив машину, немного подремать на диванчике за спиной штурвального или еще лучше – поговорить с Романычем, которому было что рассказать – многое повидал за тридцать лет работы на флоте. Сам Старовойтов никогда первым такие разговоры не начинал – усядется за штурвал и молчит, думает о чем-то, о своем. Но стоило Лёньке что-нибудь спросить, как Михаил Романыч начинал подробно отвечать, Лёнька снова спрашивал, и их разговор уходил далеко за рамки заданного вопроса.

В два часа ночи Королев сходил в машину и подкачал топливо в расходный бак. Войдя в рубку сел и, чтобы завязать разговор, вздохнул:

– Прошлой осенью, мне кажется, было как-то веселее, Михаил Романыч?

Старовойтов ответил не сразу, видимо, не мог отключиться от своих мыслей:

– Может быть и так. А мне вот кажется, что пять лет назад было веселее, а уж десять лет тому назад, так и вовсе все было лучше. Все относительно. Мы вот сейчас жалуемся на трудности, на скуку. К концу навигации все друг другу надоели – начинаются ссоры, конфликты всякие по пустякам, и без пустяков даже начинаются. То – не так, это – не эдак. А вспомнить если, как раньше было на флоте. Да сравнить с сегодняшними условиями. Да себя сравнить с теми людьми. Стыдно, небось, станет. Как раньше обходились на судне без электричества, без дизеля – уголек кидали. Вот весело было! Я уж не говорю о временах парусного флота.

Лёнька был согласен с капитаном. Он много читал о тех далеких временах, полных романтики, подвигов и опасно-

стей. Сегодняшние их рейсы не идут ни в какое сравнение с теми морскими походами отчаянных смельчаков, открывавших острова, проливы и континенты. Он живо представил себе, с позиций уже имевшегося своего небольшого опыта судовождения, как уходит небольшой и утлый парусник в беспредельные океанские просторы. Уходит в неведомое без точных карт и навигационных приборов, под вечной угрозой гибели, отданный во власть штормов и тайфунов, с экипажем, обреченным на тяжчайшие лишения. Ночью – жуткий мрак, днем в экваториальных широтах – жара невероятная, в приполярных – лютый холод. Пища – задубевшие черствые сухари да прогорклое копченое сало, вода – затхлая и вонючая – из бочек, либо дождевая. Ни кроватей, ни места для отдыха, сон – вповалку в смрадном кубрике. А самое главное – неизвестность впереди и позади тоже – на родине месяцами и годами не знали, где они и что с ними. Некому послать SOS* (сигнал бедствия) и никто никогда не придет на помощь, и не будет ни могилы, ни памяти в награду за столь рискованное и смелое предприятие.

Как только Королев представил себе все это, ему действительно стало стыдно считать, что они преодолевают какие-то трудности или лишения на своем теплоходе, напоминая уютную и комфортабельную квартиру, по сравнению с теми судами времен великих открытий.

Лёнька неожиданно для самого себя рассмеялся:

– Умеешь ты, Романыч, в пять секунд изменить человеку и настроение, и точку зрения! Секрет какой-то знаешь?

Старовойтов глянул на моториста, усмехнулся:

– Секрет здесь один – к человеку нужно с бронзовыми ключами подходить!

Королев удивленно посмотрел на капитана.

– Да, да! Вы ведь, когда грузовые шланги подсоединяете, вначале мягкими бронзовыми ключами работаете. Аккуратно работаете, чтобы искры не летели. А если провернете

ключ по неосторожности, тут уж обыкновенный, стальной применяете. Так и с людьми. Ты к человеку сначала с добром подойди. Помягче, поаккуратнее с ним. Большинство добро понимают. Ну, а если не понял, тогда и власть можно употребить – проявить твердость.

Их ночные беседы иногда длились часами. Лёнька учился у старого капитана по прозвищу «МРС», как идти по реке и по жизни.

Уровень воды понижался, ожидаемых осадков не наблюдалось, судоходная обстановка к осени становилась сложнее. Судовой ход на Иртыше, где с начала октября работал танкер, становился узким – участились случаи, когда теплоход «цеплял мелюку» или даже садился на мель. Так было, когда Котяткин, будучи за штурвалом, неграмотно пытался пройти перекат. Теплоход с верхнего плеса прошел корыто переката и сел на нижние пески из-за того, что Николай замешкался и не перекатал рули вправо.

Лёнька, освоив ночное судовождение, старался быть внимательным, этого не допускал, но часто обращался за советом к Старовойтову, стараясь как можно лучше изучить спецлоцию и тонкости управления судном. Их ночные беседы начинались обычно с производственных тем, а затем переходили на философские.

Вот и сейчас, обсуждая дневное происшествие, Михаил Романыч увлекся:

– Моряки говорят, самое приятное в плавании – близость берега. Но нам, речникам эта близость берега и создает проблемы. Река – это особая дорога, которая сама под тобой бежит – зевакам на штурвале не место. Вообще, раньше на Иртыше, когда не было никаких землесосов и землечерпалок, плотин и прочего, судоходство веками было возможно только в половодье. В межень открыва-

лись все мели и перекаты. Да и теперь речные перекаты такая штука, что их даже на карты генерального штаба наносят...

Королев недоверчиво покосился на капитана – не перебарщивает ли Романыч?

– Да, да. Наносят. И глубину указывают. Это же естественная переправа для военной техники. Если такой информацией владеть, то можно и при взорванных мостах развивать наступление. И отступление тоже. Так, что для нас это проблема, а для людей сухопутных – броды, где можно перейти реку. Для них это благо. Да и для рыбаков тоже, потому что для рыбы перекат – дом родной. Там многие виды все лето держаться – кормиться легче. Так что для всех важно знать, что такое речные перекаты. А вообще, все, что я говорил, народ сказал одной фразой: «Не зная броду – не суйся в воду!» Вот так-то вот, – закончил Михаил Романович и, довольный, хохотнул.

– Вот я и хочу получше их изучить и запомнить, – вздохнул Лёнька.

– Пока общую лоцию не изучишь, будет трудновато. Она помогает овладеть техникой ориентирования на глазок при выборе фарватера на любой реке, независимо от конкретных судоходных условий. Например, над гребнем переката горизонт воды всегда выше, над подвальем – несколько снижается. Это ясно видно в хорошую погоду или при слабом ветре. Поэтому, опытному рулевому можно определить место расположения подвалья и его форму и, стало быть, легко пройти перекат, несмотря на то – есть створные знаки или нет. Да и меняется само корыто часто, если грунт мягкий.

– В море хорошо – никаких тебе излучин, проток, перекатов...

– В воздухе еще лучше – там вообще ничего нету. Везде хорошо, где нас нет. А вот преодолеешь это все, выйдешь в море и душа радуется. Сейчас она, конечно, тоже радуется,

когда домой идешь вверх по реке. Но ведь снова надо преодолеть все эти мели и перекаты!

Михаил Романыч замолчал ненадолго, потом повернулся к Лёньке, как будто что-то вспомнив:

– Вот ты сказал в море излучин нету. А знаешь, что наша Обская губа это и есть морская излучина? Излучина Карского моря... С пятнадцатого века на картах все земли, к губе прилегающие, назывались Лукоморье.

Лёнька оживился:

– Первый раз слышу, Романыч. Часом, не про это Лукоморье Пушкин писал?

– Это ты сам думай – про это или не про это. А только и жителей всех тогда называли лукоморами. И ненцев, и хантов, и манси – всех кто здесь жил. Да и хантами, и манси их называли недавно. До этого они были остяки и вогулы. И город Ханты-Мансийск назывался Остяко-Вогульск, а Салехард – Обдорск... А здесь, на губе, самое священное место – это Мыс Жертв, мимо которого мы за навигацию десятки раз проходим. Еще его называют Мыс Кровавых Жертв, а еще – Святой Мыс, а на ненецком – «Сиду-ся-ду», что означает – «Двуликий». А спроси, кто на нем бывал? И не найдешь того, кто скажет, что он там был. Из местных – единицы, а из русских, вообще – по пальцам пересчитать можно.

Королев вспомнил, как в прошлом году, когда теплоход пересекал траверз Мыса, он с любопытством всматривался через окуляры бинокля в склоны заросшего неприветливой северной растительностью дикого горного отрога, на краях которого часть деревьев наклонилась, а некоторые вообще свисали, обнажив торчащие в низкое небо корни, а кроны уперев в землю. Окруженный безбрежными приполярными водами, он выглядел гордым величавым исполином, выше которого не было на Севере ничего и никого.

– Почему не бывали-то?

– Потому. Слава о нем дурная. Лично я знаю только од-

ного человека, который там побывал. И то, с третьей попытки. Первый раз попали они с приятелем под такой дождь, что промокли до нитки и вернулись. А расстояния здесь не маленькие. Второй раз, уже подойдя к Мысу, столкнулись с проблемой – впрочем, многим известной. Там на подходе к мысу такая зыбь и течения, что лодку начинает крутить, как-будто она у черта на поводке. Мелководье. При малейшем ветре такая крутая волна, что перевернуться дважды два. Вот их лодку такой волной и накрыло. Хорошо – глубина по горло оказалась. Еле спаслись. Мужик он упертый – пошел туда в третий раз. Только напарник уже другой был и фотоаппарат другой. Тот утонул. Не напарник – аппарат. А приятель его отказался в третий раз судьбу испытывать. И правильно – удовольствия ни на грош, а пропасть без вести можно за милую душу...

Старовойтов прервался. По «Каме» вызывал встречный толкач – «ОТА» с двумя баржами:

– Танкер! Приветствую вас! Правыми бортами расходимся. Правыми!

– Понял вас – правым бортом!

Разойдясь со встречным судном, продолжил:

– С третьего раза высадились на мысу, хотя тоже вымокли. Поэтому искать тропу они не стали. Тем более, там тучи гнуса. Никак к прогулкам обстановка не располагает. Поднялись, продираясь сквозь заросли ольхи и березы. Вышли на полянку, на которой стояла лиственница высотой, эдак, с пятиэтажку. На ней, примерно на высоте пяти метров от земли висела шкура оленя с копытами. Не просто шкура – к ней была пришита волчья голова. А чуть ниже висели две песцовые шкурки, вернее, то, что от них осталось. Знакомый мой, значит, достает фотоаппарат – он у него за пазухой был, в целлофане завернут – и несколько раз фотографирует святилище – и полянку, и лиственницу, и шкуру. Он рассказывал, по всему видать было, что не одна там такая полянка была для жертвоприношений.

Только искать другие у них уже не было ни сил, ни желания. Выпили они водки. Святому дереву под корень плеснули, денег несколько монет оставили. И в обратный путь. Еле ноги унесли. Вот так-то, вот. А когда домой прибыли, пленку проявил – а на ней чисто. Как будто и не снимал ничего. А мужик этот серьезный – врать ради развлечения не будет.

– Да, интересно, – выдохнул Лёнька, – сколько тайн Север хранит!

– А еще интереснее будет, если старые ненецкие легенды послушать. Много веков назад, до ненцев, здесь жили маленькие люди с белыми глазами. Этот народ назывался «сихиртя». И были они, согласно преданиям, мастерами кузнечного дела, и золото, и серебро у них было. Жертвовали они священным деревьям золотые и серебряные изделия. Вот тебе и твой Пушкин Александр Сергеевич – «златая цепь на дубе том»!

– «И лес, и дол видений полны!» – поддакнул оживленный Лёнька. – Да, Романыч, на будущий год надо обязательно на Мыс подняться. Иначе, что потом детям рассказывать – сто раз проходил мимо и ни разу не побывал?

Старовойтов усмехнулся:

– Были бы дети – найдешь, что рассказать!

Много Королев узнал интересного за время ночных вахт с капитаном Старовойтовым.

Теплоход вошел в родной затон первого ноября после зачистки танков. Все торопились домой, всем хотелось домашнего уюта после железного и тесного кочевого жилья. Однако, договорились через неделю – седьмого ноября, встретиться в общежитии судоремонтного завода, где жили четверо членов экипажа: Королев, Котяткин, Нариманова и Стручков. К ним в гости и собрались придти

Мазовецкий, Лыжин и Васнецова. Пригласили, конечно, и Старовойтова с Шевченко, но они, сославшись на свои семьи, отказались принять участие в торжественном застолье по поводу праздника революции и успешного окончания навигации.

– Вы, молодежь, гуляйте, а мы дома посидим! – сказал на прощание старший механик.

– А ты у нас, Алексеич, типа, старый, как якутский мамонт! – заметил ему Мазовецкий.

– Мамонт, не мамонт, а двое детей дома ждут. А вот когда тебя ждать будут? – задал риторический вопрос Шевченко и распрощался.

Королев оформлять отпуск не торопился. Все равно деньги сразу не выплатят. Более сотни судов практически одновременно вставали в затон. Всем экипажам нужно было начислить зарплату, отпускные, различные премии по итогам навигации: за перевыполнение плана, за экономию топлива, за безаварийность плавания и прочее – бухгалтеры попросту не справлялись, гремя деревянными костяшками счет почти по двенадцать часов в сутки. А без денег в отпуск не поедешь. Поэтому он спокойно ждал, когда его пригласят в бухгалтерию, резонно решив, что одна – две недели ничего не решают. Это он так днем думал. А ночью, испуганно просыпался от непривычной тишины – опять движки стоят! Потом вспоминал Наташу и, чертыхаясь, мысленно желал бедным счетоводам ни дна, ни покрышки за столь медленную работу.

В субботу первыми пришли Лыжин и Васнецова. Король курил, стоя у форточки, и увидел, как они, взявшись под руку, подошли к крыльцу общежития.

– Во, Михалыч, дает! – раздался за его спиной голос Котяткина, он тоже смотрел в окно. – Видать уже объездил Гальку!

Король усмехнулся:

– Коля, я когда тебя слушаю, то все время думаю об одном...

– Об чём?

– Как же беден язык Мопассана!

– Это чё за язык?

– Не заморачивайся, Коля! С тебя хватит того, что ты познал говяжий язык.

Подошел Валерик Стручков и решил поддержать разговор:

– А вот у нас в деревне, когда корову колют...

Король оборвал его:

– Так, молодой, ты где должен быть? Ты уже должен быть в магазине вместе с Котярой... Извиняюсь, с гвардии мотористом Котяткиным! Зина с Васнецовой сейчас стол накрывать будут, а у нас ничего не закуплено. Давайте, одна нога здесь – другая там!

Через два часа стол был накрыт. Как раз приближалось обеденное время и Король, на правах хозяина комнаты, произнес клич: «К столу!» Загремели стульями, рассаживаясь. В это время вошел Шевченко в летной куртке и норковой шапке – формовке. Все его встретили радостным гулом.

– Вот и Алексеич с нами! Понял свою ошибку – нельзя отрываться от коллектива! Механик разделся, подошел к столу и торжественно, со стуком поставил на стол бутылку коньяку:

– Поздравляю вас, морские волки, с праздником и с окончанием навигации!

– Вот тебе, Алексеич, и право первого тоста предоставляем! – подставляя механику стул, сказал Лёнька.

– Ну, тосты я говорить не мастер. Но, все-таки, скажу. Давайте, выпьем за удачу. Команда у нас хорошая, коллектив дружный. Производственные показатели, опять же, в

норме. Все это хорошо. Но, вот, чтобы удача нас не оставляла – за это надо выпить!

Все встали и дружно чокнулись: «За удачу! За удачу!» Настроение было совсем другое, чем во время дружеских посиделок на судне. Все еще были в состоянии некоторой эйфории от того, что на берегу и дома. В то же время успели за неделю отдохнуть друг от друга и даже где-то немного соскучиться. Так что разговор шел за столом теплый и сердечный. Зина Нариманова постаралась, чтобы закуски на столе не напоминали пищу на теплоходе. Лыжин пришел без гармошки. А Лёнька не брал в руки гитару. Второй тост предложил Королев – за здоровье капитана. Выпили и стали высказывать сожаление, что Романыча здесь нет.

– Погодите, еще не вечер, – сказал Шевченко и поглядел на часы. Из чего все заключили, что механик что-то знает и Старовойтов, наверное, придет.

И точно, раздался громкий стук в дверь и на пороге появился капитан, обветренный, как скалы, с красными щеками и красным носом, в черном дубленом полушубке, в красном мохеровом шарфе и ондатровой шапке. Его встретили громкими возгласами радости и приветствий.

– Ну, чисто, Дед Мороз! – сказал Лёнька, помогая Старовойтову раздеться. Михаил Романыч, так же как механик, подойдя к столу, поставил бутылку коньяку.

– Сговорились они, что ли? – Засмеялся Мазовецкий. – Оба коньяк терпеть не могут, а тут вона сколько набрали!

Романыча усадили во главе стола, разлили коньяк по граненым стаканам и потребовали капитанский тост.

– Меня семья сегодня не хотела отпускать, – начал с предисловия Старовойтов, – но, поскольку команда вся собралась, я не мог дома усидеть. Приехал поблагодарить вас всех за ваш труд, за то, что выдержали все трудности нашей речной работы. Никто не сбегал в середине навигации – а это частенько бывает. Поэтому, хочу сказать вам спасибо и пожелать хорошей погоды на воде и на суше, а

самое главное, благополучия в доме и в семье. А у кого нет семьи, – тут Старовойтов поглядел на мотористов, – чтоб обязательно обзавелись. Хотя, с нашей профессией это не просто, но... Ну, за ваше здоровье!

Когда сел, повернулся к Шевченко и, смеясь, сказал:

– С нашей профессией и с семьей не просто – моя опять меня уговаривает.

– Только не говори, что на берег переходишь! – отозвался механик.

– Нет, следующую навигацию обязательно отработаю, а вот потом, когда пятьдесят стукнет...

Шевченко захохотал, засмеялись и мотористы.

Леонид, как только купил билет на поезд, хотел сразу же позвонить родителям и Наталье. Но, немного подумав, решил этого не делать. Они и так знают, что он должен скоро приехать. А позвонишь – начнут беспокоиться. Еще чего доброго встречать прибегут. Уж лучше так, без звонка, без встреч на вокзале и лишних эмоций.

Прямо с вокзала Королев приехал к родителям. День провел в разговорах с мамой – отец был на работе. Наташе решил позвонить вечером. Днем она в институте. Вечером пришел отец. Поужинали вместе, потом Лёнька сразу же сорвался.

Подойдя к дому Натальи, посмотрел на окна – горел свет. Шагнул к будке телефона-автомата. Набрал знакомый номер, загадав – если трубку возьмет Наташка, значит, будет все хорошо. Но, если бы его сейчас спросили, а что именно хорошо? Он бы не ответил. Или бы ответил так – вообще все хорошо! Хотя, по его мнению, и так все было неплохо. Тем не менее, трубку взяла Наташа.

– Алё!

– Здравствуй, это я!

– Лёничка, наконец-то! Ты приехал! Ты уже ко мне приехал и наверняка звонишь из телефона–автомата! Я угадала? – телефонная трубка вибрировала на мажоре.

Лёнька медлил с ответом, удивленный догадливостью Натальи. Сюрприза не получилось.

– Поднимайся, Королев! – не дожидаясь ответа, потребовала телефонная трубка.

– Лечу! – ответил Лёнька и повесил трубку на рычаг.

В теплом подъезде он аккуратно развернул три аленьких цветочка, предусмотрительно завернутые в газету. Расправил цветы. Газету, скомкав, сунул в карман. Поднялся на третий этаж. Не успел позвонить – дверь открылась, вылетела Наталья и повисла на его шее, обдав Лёньку знакомым ароматом своих волос.

Потом они сидели и пили тот же крепкий и ароматный индийский чай. Только в этот раз не на кухне, а в гостиной – просторной проходной комнате. Сидели вчетвером. Они и Наташины родители: Владимир Иванович и Людмила Ивановна. Владимир Иванович достал из серванта графинчик, маленькие рюмочки, и они выпили по тридцать граммов коньячку. Людмила Ивановна принесла три сорта варенья и предлагала Лёньке отведать все три.

– Очень много было вишни в этом году. Ну, очень много! И малины много. Вообще год был ягодный, – рассказывала она, – подвигая гостью варенье.

Владимир Иванович расспрашивал Королеву о работе. Лёнька пытался рассказать, но получалось как-то однообразно и скучно. В самом деле, что интересного: погрузка, рейс, выгрузка, рейс, швартовка, отход, авария, ремонт? Не рассказывать же ему, как Стручок за борт вылетел, или как они искали потерянный по пьянке фланец.

Хозяин налил еще по рюмочке. Людмила Ивановна запротестовала:

– Хватит, Володя, хватит! Запьянеете еще, чего доброго! Лёнька, вспомнив какими кружками пили в РЭБовской*

(РЭБ – ремонтно-эксплуатационная база) общаге, засмелся. Владимир Иванович, угадав причину смеха, сказал:

– Ну, вот насмешила! Что мы с этих капелек вдруг запьянели?

И снова принялся расспрашивать Лёньку, велик ли город Салехард и далеко ли оттуда до Нового Порта?

Пробыл дома Королев целый месяц, расставаясь с Натальей, только когда ей надо было на занятия. Училась она уже на четвертом курсе, поэтому могла себе позволить каждый день в институт не ходить. Лёнька не делал Наташе официального предложения, но как-то само собой разумеелось, что они непременно поженятся. И они даже договорились, что зарегистрироваться надо через год, когда Наташа будет на пятом курсе, чтобы по распределению ее направили по месту работы мужа. Королев, когда делился с ней планами на будущее, дал понять, что из плавсостава он уходит не собирается, так что ей, Наталье, придется привыкнуть к длительным разлукам. Наташа к этому отнеслась спокойно, справедливо решив, что жизнь долгая и как она повернется, никто не знает. Она была готова даже работать на судоремонтном заводе, на что Королев ей отвечал:

– Город там большой и много интересных предприятий, где экономисты востребованы. А на нашем СРЗ* (судоремонтный завод) счетами брякать с красным дипломом не велика радость.

На что Наташа, смеясь, отвечала:

– Вот получу вместо красного синий диплом и пойду работать мотористом, чтобы была у нас с тобой великая радость!

После Нового года начинались занятия в ШКС – школе комсостава – и Королев попрощался с Наташей, пообещав, до навигации обязательно еще раз приехать.

Зима прошла. Леонид Королев продипломировался на второго штурмана и теперь у него были оба рабочих диплома для того, чтобы работать на совмещенной должности. Приехать к Наталье, однако, не получалось. Отпуск обещали, но все время откладывали по производственным причинам. Королев понимал, что чем ближе к открытию навигации, тем труднее будет сорваться в отпуск, поэтому он нервничал, через день ездил на телеграф и звонил Наталье. Она его успокаивала и говорила, что сама готова к нему приехать. Однако, Лёнька такое предложение относил к разряду не самых удачных.

И вот, в конце марта, как гром среди ясного неба, мама телеграммой вызвала на переговоры и сообщила, что бабушка Тоня очень плоха, собралась умирать и хочет, чтобы он, Лёнька, приехал. Кроме того, мама сказала ему, что баба Тоня хочет переписать свою однокомнатную квартиру на Лёньку, поэтому нужно будет задержаться здесь, чтобы оформить все бюрократические формальности.

Королев в расстроенных чувствах вновь пошел в отдел кадров. Заместитель директора по кадрам был в командировке. К Галине Петровне Зайцевой, что руководила кадрами в его отсутствие, была очередь. Прождав час, Лёнька вошел. Постарался как можно доходчивей объяснить ситуацию.

– Понимаете, Королев, я вам могу подписать заявление на отпуск. Но только при наличии заверенной телеграммы, что вы едете на похороны. И только на пять дней. А вы просите две недели. У нас все вопросы отпусков комсостава решает только Андрей Иванович, а его сейчас нет. Я могу вам посоветовать обратиться напрямую к директору.

Лёнька отправился к директору. Там жизнерадостная секретарша сообщила ему, что директор уехал в пароходство, но даже если бы он был здесь, он бы все равно Королева сегодня не принял.

– Почему?– угрюмо спросил Лёнька.
– Потому что, – улыбаясь, ответила та, – приемный день – вторник, а сегодня уже четверг. Хотите, я вас на следующий вторник запишу?

– А если мне срочно?

– Все так говорят. На заводе работают тысячи и если все будут заходить каждый день, представляете, что будет?

– Я не представляю, – буркнул Лёнька, – зачем всем заходить каждый день к директору? Я вот третий год работаю, а пришел первый раз.

– И все-таки, приходите во вторник.

Королев уже принял решение, поэтому спорить с секретаршей не стал. Он попросил у нее лист бумаги и авторучку. Сел на стул и, примостившись на краешке стола, быстренько накатал заявление на увольнение. Жизнерадостная девица, скосив глаза, увидела содержание заявления и хмыкнула:

– Не понимаю, неужели так трудно четыре дня подождать!

– Вы вот не понимаете, а я уже понял, что в этой жизни есть смысл ждать только у моря погоды, а больше ждать нечего! Спасибо за бумагу и до свидания! – Ответил ей Лёнька и вышел, аккуратно притворив дверь, которой очень хотелось хлопнуть.

Он вошел к Зайцевой, не пережидая очередь, которая все время была у ее кабинета.

– Вот, Галина Петровна, два заявления – одно на отпуск, другое – на увольнение. Выбирайте!

– Подожди, Королев, как это выбирайте?!

– Подождал бы, Галина Ивановна! С радостью бы подождал, да не могу – ехать надо! А то помрет человек, меня не дождавшись.

– А что же сказать Андрею Ивановичу?

– А ничего не говорите. Просто подайте обе бумажки и все. А впрочем, нет, – не удержался Лёнька, – можете ска-

зять – привет, мол, Андрей Иванович, вам от Королева, который к вам трижды насчет отпуска обращался!

На душе у Лёньки стало легче. Теперь, хотя бы, действовать можно, а не ждать. Всегда так бывает, как примешь решение, так сразу все просто и понятно. Пусть даже оно неправильное. Можно подумать, есть кто-то на свете, кто принимает только правильные решения!

Через сутки Лёнька уже входил в квартиру к бабушке. Баба Тоня была в постели.

В комнате было душно и пахло лекарствами.

– Уже месяц не встает, – пояснила мама, – а теперь и есть почти перестала, только бульону немного сегодня попила.

Лёнька подошел к постели. Бабушка не спала. Она узнала его, но, видимо, тяжело было ей, потому что даже не улыбнулась, а только тихонько сказала:

– Вот и Лёньша приехал.

Потом она попросила, чтобы мать Лёньке подала сверток, что она приготовила.

– Ты разверни, – сказала баба Тоня, – здесь Казанская иконка Божьей Матери, Лёня. Это я тебе оставляю. Хотя ты неверующий, но икону храни. Нигде не оставляй. А она тебя хранить будет. Много я за тебя молилась и всегда она помогала, заступница наша.

Говорила она медленно и с перерывами.

– Я ить думала – забыл про меня Бог-от. Вся моя ровня уж тамо... А я все живу и живу... А вы обо мне не печальтесь. О живых думайте..., – бабушка снова замолчала.

– Мама, вам трудно говорить, не торопитесь, – сказала Лёнькина мать, – Лёня надолго приехал!

– А ничто, я уже все сказала. А квартиру, как я говорила, на Лёньшу запишите, – она закрыла глаза, чтобы передохнуть.

Королев развернул сверток. Икона была небольшая, величиной с ладонь. Он внимательно посмотрел на нее и положил на стол. Присел рядом с кроватью на табурет. Взял в руки бабушкину худенькую ладонь. Баба Тоня снова открыла глаза:

– Боялась я – не успеешь приехать... Из всех внуков больше всех с тобой водилась, с младшеньким...

Ей, наверное, показалось, что внук не все понял, что она хотела сказать про икону. Поэтому повторила:

– Береги, Лёньша, иконку-ту. Она ить у меня с венчания нашего с дедом твоим, Николаем. Ей я его благословляла в четырнадцатом годе, когда его призвали... Целёхонёк пришел с той войны-то... А ей же благословляла и в сорок первом, когда опеть немец напал... И тоже живой остался, только ранило его бонбой... Потом уже и домой вернулся... Хранит она, Мать Божья...

Много сил отняли эти воспоминания у бабы Тони и она уснула.

Лёнька перекусил на кухне, что мать подала. Потом она сказала ему:

– Ты поезжай домой, отдохни с дороги. А завтра снова приедешь.

Домой, конечно, он не поехал. Позвонил Наталье – она уже пришла из института. Поехал к ней. Она встретила его радостная и счастливая, но когда Лёнька рассказал, по какому печальному поводу он приехал, загрузила.

– Лёнь, а ты мне ничего не рассказывал о своей бабушке. Расскажи.

Королев рассказал, как спасительница – баба Тоня вытащила его трехлетнего из реки. Как возилась с ним, когда он заболел. Как она, малограмотная, едва умеющая читать и писать, проверяла его домашние уроки, потому что мама всегда была на работе, а отец мотался по командировкам. Наташа расчувствовалась и даже всплакнула. А у Лёньки слез не было, хотя ему было очень грустно, даже

тоскливо. Но заплакать он не мог. Стал вспоминать, когда же он последний раз плакал. Получалось, что давно – лет в тринадцать или в четырнадцать. «Наверное, уже разучился, – подумал Королёв.

Бабушка Тоня умерла через неделю. Дождавшись девятого дня и помянув ее вместе со всеми родственниками, приехавшими из разных городов, Королёв уехал обратно. Иконку он взял с собой, считая отныне своим талисманом – положил ее в сумку вместе с документами и Наташиной фотографией. Очень дорога была для него память бабы Тони и слишком любил он ее, чтобы не выполнить послед-ного ее наказа.

В отдел кадров пошел, готовый к любому исходу. Однако, поговорив с Зайцевой, узнал, что никто его увольнять не собирался, потому что ни одно из его заявлений зарегистрировано не было.

– Так что у меня теперь – прогулы? – поинтересовался Королёв.

– Ну, почему сразу прогулы? – спокойно ответила Галина Петровна. – Зайдите к Андрею Ивановичу.

Лёнька постучал в дверь с табличкой «Заместитель директора по быту и кадрам Худяков А.И.».

– Можно?

Худяков кивнул, разговаривая по телефону, и показал Лёньке на стул. Закончив разговор, положил трубку:

– Ну что, Королёв, решил свои проблемы?

– Решил. Приехал за документами.

– А что работать уже не хочешь?

– А где? Мой теплоход ушёл. Команду укомплектовали.

– Ну, теплоход мы тебе подберем, такого же класса «река–море», так что в зарплатке не потеряешь. Тут вот какое дело, Леонид, пока ты отсутствовал, повестка тебе при-

шла из военкомата. Вторую неделю у меня на столе лежит. – Худяков протянул Лёньке бумажку. Тот прочитал:

– На сборы, что ли?

– На сборы. На сборы офицеров запаса. Сам понимаешь, из цехов руководителей я не могу отправить. Так что давай, послужи месяц–полтора Родине. Очередное звание получишь. А я пока решу вопрос с твоим назначением на судно.

Королёв понял, что Худяков уже не надеялся, что он придет, поэтому и дал в военкомат его фамилию. И повесточка эта тут не случайно лежит. Лёнька снова посмотрел в повестку.

– Средний заработок сохраняется, – проинформировал Худяков. – А прошлый месяц оформим как отпуск без содержания.

– Ладно, – сказал Лёнька, – съезжу завтра в военкомат.

А про себя подумал: « Не могли сразу–то без содержания оформить? Козлы!»

В райвоенкомате начальник отделения, которое занималось учетом офицеров запаса, плотный лысоватый майор ему весьма обрадовался:

– А мне ваши кадровики с тобой все мозги запутали: сначала сказали, что ты из плавсостава в береговые цеха переходишь, потом говорят, уехал он и будет увольняться, а я им говорю: «Давайте другого офицера!», а вчера, понимаешь, звонят и говорят, что ты приехал. Молодец!

– Служу Советскому Союзу! – буркнул в ответ Лёнька.

– Послужишь, послужишь! Это недолго. В июне уже пойдешь в свой цех.

– В какой еще цех? Я как был в плавсоставе, так и остался. Только что продипломировался на второго штурмана.

– Да? А чего ж они тебя? Мы плавсостав летом не беспокоим.

– Есть причины. По поводу отпуска с начальством поспорил. Вот они меня в ваш штрафной батальон и отправили.

Майор засмеялся:

– На вокзал послезавтра, Королев, сбор в двенадцать ноль – ноль, – и добавил, – дня! Смотри не перепутай!

На следующий день опять пригласил Худяков. Лёнька уж было обрадовался. Может, одумались, и в рейс отправят. Но нет, новость была другая. Хотя, тоже приятная.

Худяков, потирая руки, весело сказал:

– Вот видишь, Королев, я держу свое слово – через месяц будешь штурманом на своем родном танкере. Что молчишь? Не рад?

– А Лыжин куда делся?

– Лыжин на рейдовый переходит. Подали они заявление в ЗАГС с Васнецовой. Вот мы и пошли навстречу их настойчивой просьбе – ей на берегу работу нашли, а его на катер командиром, когда ты прибудешь со сборов и заменишь его.

«Надо же, – подумал Лёнька, – всего три недели на СРЗ отсутствовал, а новостей сколько!». Но настроение все-же поднялось, с родной командой работать куда приятнее.

На вокзал Королев пришел пораньше – без пятнадцати двенадцать, на всякий случай. Но всякого случая не произошло, потому что поезд отходил в тринадцать тридцать, а сбор был назначен на полтора часа пораньше, на всякий случай. «Это ж армия!» – подумал Лёнька.

Перед вокзалом уже стояла группа мужчин в возрасте от двадцати пяти до тридцати пяти лет, одетых так, что сомнений не оставалось – это и есть «партизаны». Они общались так, как будто знакомы были тысячу лет. Лёнька подошел, поздоровался и через две минуты тоже разговаривал со всеми, как старый знакомый. Он осмотрелся вокруг. Таких групп было несколько. Парни уходили, подходили, кто-то бежал в магазин, кто-то уже из магазина. Все уже знали,

что построение будет в тринадцать ноль – ноль на перроне. На крыльце, перед входом в здание вокзала, стояла группа офицеров. Они отличались от призванных на сборы не только формой одежды, но и озабоченным видом.

Когда построились на перроне, выяснилось, что всего в строю двести семьдесят девять человек. Переключку провели поротно и повзводно. Королев узнал, что он во втором взводе первой роты. Военный комиссар с погонами подполковника произнес краткую речь, в которой призвал соблюдать дисциплину и напомнил об ответственности и присяге.

Проехав на поезде три с половиной часа, пересели на электричку, предварительно снова построившись. Еще час ехали на электричке. Потом снова построились и четыре километра пешком – до гарнизонной бани. Собственно, баня никому была не нужна. Все были только что из дома, из семьи. Но порядок, есть порядок. Баня – это, вроде как, ритуал перед сменой гражданской одежды – после которой следовало помыться – на одежду военную. Последняя условно считалась более чистой. Форма была уже приготовлена и у тех, кто первым выскакивал из моечного отделения, был более широкий выбор. Поэтому, понимавшие это, долго не размывались, а пулей вылетали и начинали подбирать хэбэ по размеру, потому что последним останется то, что останется.

Лёнька сначала выбрал сапоги по ноге, потому как хэбэ можно ушить и подогнать, а сапоги не подгонишь. Неправильно подобранная обувь может сделать солдата надолго несчастным. А что такое сапоги и как следует заворачивать портянки, Королев хорошо знал с детства, потому что пока он учился в школе, жили они на окраине города, где каждую весну и осень пройти можно было беспрепятственно только в них, родимых, в сапогах.

Когда вышли из бани и снова построились, уже начинало темнеть. Прошли строем к летнему лагерю и размести-

лись по палаткам. По одному отделению – десять человек – в палатке, все на одних деревянных нарах.

На следующий день начались армейские будни. В шесть часов подъем, потом зарядка, построение, завтрак, занятия, обед, занятия, ужин, политзанятия, отбой в одиннадцать.

Когда ложатся десять человек на одни нары, сразу заснуть невозможно. Кто-то обязательно начнет рассказывать анекдот или интересную байку. Так что на сон оставалось меньше шести часов, что явно не хватало. Не хватало и тех калорий, которые получали в столовой летнего военного лагеря, поэтому, бывало, после ужина кто-нибудь срывался в магазин, который был по «партизанским» меркам совсем рядом – в шести километрах и, рискуя нарваться на патруль, приносили хлеба, консервов, газированной воды, а иногда и чего-нибудь покрепче.

Калорий действительно приходилось тратить очень много, потому что за столь, в общем-то, короткий срок старались выдать офицерам запаса все знания и привить все навыки, которые необходимы советскому командиру для успешного отражения нападения агрессора на нашу советскую Родину.

Королеву нравилось, что дни заполнены до предела и практически нет свободной минуты, потому что время, в этом случае, летело быстро. Поэтому он с удовольствием выкладывался на занятиях, будь-то вождение боевой техники, занятия по тактике, по строевой или стрельбы из «Калашникова», «Макарова» или из ПКТ* (пулемет Калашникова танковый).

Постепенно с сослуживцами познакомился ближе. Всех призывал один военкомат, но были парни родом и из других городов, которые в свое время приехали сюда по

распределению после окончания вуза. В основном были уральцы и сибиряки. Но один в их отделении был родом из Владимира, точнее, из Владимирской области. Лёнька с ним даже подружился. Да и как не подружиться, когда рядом и на нарах, и на обеде. Звали его Володя Арбузов. Был он Лёнькин ровесник, тоже еще не женатый. Это потом Королев узнал, что Арбузов из Владимира. А сначала просто скорешились и все, тем более, что оба были заядлые футболисты, а эта тема сближает порой даже самых разных людей.

Как-то за ужином разговорились на предмет того, кто откуда родом. Свободное время возникло – командир взвода обрадовал – политзанятий сегодня не будет, поэтому не спешили выйти из-за стола и драить котелки. Большинство в отделении были из Омска, один из Челябинска, двое – из Тюмени. Вова Арбузов – любитель похвастаться – принялся рассказывать про город Владимир: Успенский собор, Золотые ворота, Владимирский централ и так далее, словом, знаменитый город. Входит в Золотое кольцо России. Королев, которому нравилось подначивать простоватого Арбузова, прервал его соловьиною песнь на самой высокой ноте:

– Скажи-ка, Вова, а что ты нам про Владимир толкуешь? Ты ж не из самого Владимира, а из области. Скажи, из какого ты города, али села? А?

– Я? – Растерялся вдохновенный рассказчик. – Я из Лакинска. Это ж рядом!

– Вот! Что и требовалось доказать. Так что давай, рассказывай про Лакинск. Про родину свою. А про Владимир мы и сами знаем – в школе учили и книжки читали.

– А что про Лакинск? Хороший город. Небольшой, правда. Тацкая фабрика у нас есть старинная. Пиво у нас тоже известное. Церковь Казанской иконы Божьей Матери.

– Какой иконы? – переспросил Лёнька, услышав знакомое название.

– Казанской иконы Божьей Матери.

«Потом про икону расспрошу поподробнее» – подумал про себя Лёнька и продолжил:

– И это все?

– Так, нет, не все... У нас там Александр Суворов жил. Когда город наш был селом в восемнадцатом веке. Село Суворову принадлежало...

– А! Так вы крепостные были? Так, так... Значится, Вова, прадед твой был крепостной его превосходительства?

– А можно подумать, твой не был крепостным?

– Нет, Вова, мой не был! Здесь в Сибири не было крепостничества.

– А ты сам–то откуда? Из какого города? – пошел в атаку загнанный в угол Арбузов.

– Я? Из Кургана.

Арбузов задумался.

– Из какого Кургана? Талды-Кургана?

– Сам ты – «талды»! Город Курган. Пятьсот кэмэ отсюда. Вот, ребята все знают, а ты не знаешь!

– Я к вам в Сибирь недавно прибыл...

– И сразу же на военные сборы? Чувствуется Суворовская выучка!

– А ты сам расскажи про свой Курган! Чем он такой знаменитый, что у нас в Лакинске про него не знают?

– Вам и не положено знать. На нем, можно сказать, вся оборонка держится! Закрытый город, одним словом!

– Будет заливать-то. Вся оборонка...

– Ни грамма не вру. Вот наша техника – БМП – 1* (боевая машина пехоты), например, на которой мы гоняем, из которой стреляем, в Кургане сделана. Мужики подтвердят.

Мужики подтвердили. Они с интересом следили за словесной дуэлью приятелей.

– Или вот соседний батальон, – продолжал Лёнька, – на бэтэрах. В Кургане производятся! На параде тягачи видел – ракеты тащат? Тоже...

– Да, ну...

– Вот те, ну! Я уж не буду говорить про ракеты и подводные лодки.

Желая добить оппонента, Королев встал из-за стола и со словами: «Я сейчас!», направился в сторону кухни. Через три минуты вернулся с двумя пустыми банками из-под мясных консервов:

– Вот, Вова, полюбуйся, что кушает вся Советская Армия и Военно– Морской флот!

Он показал Арбузову банку, на которой под симпатичной хрюшкиной мордой, похожей на известную комедийную актрису, было написано «Курганский мясокомбинат»

– Это, вот, пожалуйста, свиная тушенка, а это перловая каша с мясом. Жрешь, понимаешь, каждый день три раза, а Курган не знаешь! Так–то вот, а ты говоришь у нас пиво! Да в Кургане такое пиво, что за ним очереди как за американскими джинсами с утра стоят! – слушатели засмеялись и заплодировали. – Я уж не говорю, что у нас хирурги кости сращивают за считанные дни и даже ноги удлиняют. Надеюсь, знаешь, кто такой Валерий Брумель? Так вот, ногу переломанную не могли ему сделать ни во Владимире, ни в Москве. К нам в Курган приехал. Сделали! Как новенькая нога стала. Снова прыгать начал! А ты говоришь «ткацкая фабрика», «Владимирский централ»! – Лёнька разошелся. – Да у нас тут такие остроги и зоны, что тебе твой централ санаторием покажется!

Все чай уже давно допили, поэтому командир отделения объявил:

– За явным преимуществом победа в поединке присуждается Королеву! Пошли, ребята, котелки мыть!

Вечером Арбузов, заинтересовавшийся, как спортсмен, упоминанием имени олимпийского чемпиона, снова спросил:

– Слышь, Лёха! А ты не соврал про Брумеля-то? Он ведь, действительно, на мотоцикле ногу раздробил. Много операций перенес и на ноги встал. Неужели у вас в Кургане сделали?

– Конечно у нас! Можешь спросить у знающих людей.

– А ты сам видел его?

– Кого?

– Брумеля.

Лёнька задумался. Потом честно признался:

– А хрен его знает! Уже лет десять прошло. Я тогда в школе учился. Может и встречал где-нибудь на улице. Не помню.

– А кто делал–то?

– Чего делал?

– Ну, операцию ему на ноге кто делал?

– А... Есть у нас там доктор. Илизаров фамилия. Он еще и не то может. Он ноги может удлинять до двадцати сантиметров.

– Ну, вот врешь же сейчас, как пить дать, врешь!

– Если и соврал, то сантиметра на три. Не больше. Ты лучше скажи, почему у вас церковь называется Казанской иконы Божьей Матери?

– Точно не знаю. Но икона эта чудодейственная. Охранительница и заступница.

Королев недоверчиво посмотрел на Арбузова:

– Вова, да ты у нас часом не верующий, а?

– Нет, ты что, я ж комсомолец!

– Комсомолец, а чешешь, как заправский батюшка! «Охранительница, заступница»!

– А ты зачем спросил? Сам спрашивает, а потом наезжает!

– Так просто спросил. Бабушка у меня была сильно верующая. Все про эту икону поминала.

Дни пролетали быстро. Вслед за кроссом с полной выкладкой следовал марш-бросок, за марш-броском – стро-

евой смотр, за строевым смотром – зачетные стрельбы из боевых машин.

Недостающий сон восполняли при каждом удобном случае. Лёнька научился спать даже на стрельбище, пока ждал своей очереди расстрелять положенный боекомплет из спаренного пулемета. Это притом, что совсем рядом стреляли артиллеристы. Королев поймал себя на том, что он спит и слышит, как бьют орудия.

Недостающие калории восполняли из магазина, а некоторым любящие жены и передачи привозили. Над такими получателями посылок посмеивались, но, тем не менее, охотно помогали истреблять полученный провиант.

Королев не получал ни посылок, ни писем. Посылки он считал баловством, но вот, глядя, как другие читают письма от любимых, он иногда жалел, что не дал Наташе адреса. Хотелось, все же, прочесть письмецо. Все не так то-скливо. Хотя армейский юмор как-то помогал скрашивать однообразные будни.

Арбузов часто, в ответ на фразу командира роты – «Вопросы есть?», вопросы находил, чем преизрядно потешал личный состав. После задания на чистку оружия, он тоже не удержался и задал вопрос:

– Товарищ майор! Мы же, вот, боевые офицеры, получается. Да? А когда нас рукопашному бою учить будут?

Майор над неожиданным вопросом на секунду задумался, хмыкнув, поправил фуражку:

– Понимаете, лейтенант Арбузов, в реальном бою искусство рукопашного боя вам может понадобиться в исключительном случае. Для этого вы должны потерять автомат, пистолет, штык-нож и даже поясной ремень. Мало того, Арбузов, вы должны потерять свое подразделение и встретить такого же идиота из рядов противника. Представляете, как низка вероятность цепочки этих событий? Скорее Земля встретится с кометой Галлея. Поэтому, вы сейчас будете чистить личное оружие. Вопросы есть?

Вопросов больше не было. Над Арбузовым опять смеялись.

Под конец сборов началась жара невероятная. Если сначала ночи казались прохладными и некоторые спали в тренировочных костюмах, то сейчас было трудно уснуть от духоты. Гимнастерки у всех просолели от пота и требовали каждодневной стирки. Во фляжки запретили наливать сырую воду. Наливали только чай, во избежание дизентерии. Утешало только одно – скоро домой. Последнее, торжественное построение было назначено на двадцать первое июня.

Вторая половина июня выдалась на удивление жаркой. Термометры уже целую неделю показывали 38 – 39 градусов в тени. На металлической раскаленной посудине днем не было никакого спасения. И только ночью, да и то ближе к утру, погода давала передышку изнуренным речникам.

Самой короткой, а потому самой душной ночью с двадцать первого на двадцать второе июня танкер ТН – 6**, стоявший на рейде Михайловки в ожидании своей очереди на погрузку, в третьем часу подошел к причалу нефтеперегонного завода. Все танки предстояло заполнить бензином А – 76. Начав загрузку, капитан в четыре ноль – ноль передал вахту первому штурману – механику судна Шевченко и ушел отдыхать. С ним ушел на отдых и Юра Мазовецкий, который в эту навигацию вновь вахту стоял с капитаном.

Вахтенным мотористом с Дедом заступил Валерик Стручков, который в эту навигацию вышел уже не матросом, а полноправным «руль–мотором». Он спустился в машинное отделение, проверил уровень топлива в расходном баке, воду во внутреннем контуре – все было в порядке. Мазовецкий сдал вахту как положено. Поднявшись, на верхнюю палубу, прошлись вместе с Алексеичем по мо-

стику над грузовыми резервуарами. Почти половина груза уже была принята. Вернулись в рубку.

– Как, Валерик, готов к службе в Советской Армии? – спросил Шевченко Стручкова, просто для того, чтобы начать какой-то разговор – скучно было сидеть без трепа. Валера, которому осенью предстояло идти в армию, поддерживал разговор:

– Нормально, Алексеич! Отслужу, поступлю в техникум заочно. Буду учиться и работать. Через три года буду штурманом, через шесть лет – капитаном.

– О, как! Здорово распланировал! А через десять лет – начальником пароходства?

Потом разговор, естественно, перешел на погоду. Не мог не перейти. Шевченко поглядел на стоящие на рейде суда, на бело-голубое небо и вздохнул:

– Сегодня прямо с утра жарыща такая, что к обеду дождь напарит, а то и бурю.

Валерик, желая показать свою осведомленность, сообщил:

– Ничего такого сегодня синоптики не обещали.

– А ты не синоптиков слушай, салага, а старого моремана, – с усмешечкой отвечал Дед. – Я погоду печенкой чую. Хочешь, на пачку сигарет поспорим?

Так они сидели и «травили помалу», пока механик не услышал, что дизель-генератор зазвучал совершенно по-иному. Он сам спустился в машину. Через пять минут дизель замолчал. Времени было половина пятого. Механик в совершенно другом, отнюдь не благодушном настроении, вошел в рубку:

– Валера, быстро подними Мазовецкого! Накрылась муфта генератора.

Сам Шевченко сообщил на берег о неисправности дизель-генератора, попросил приостановить погрузку. Стручков бегом бросился в каюту мотористов. Мазовецкий не спал – сидел в одних трусах на кровати. Хмуро посмотрел на Валерика:

– Слышу уже, слышу! Блин, как только ты заступаешь, всегда какая-нибудь канитель начинается! ДзГэ, что-ли?
– ДзГэ, Юра. Механик за тобой послал.
– Поднимал бы Котяру! Все равно ему на вахту с восьми...

Мазовецкий, хоть и ворчал, но оделся быстро и уже через три минуты был в машине. Провозились часа два. Дизель вновь затарахтел. Погрузку возобновили в шесть тридцать. Мазовецкий ушел в каюту. На камбуз вышла кокша. Она торопилась приготовить утренний чай для команды, пока вновь не случилась какая-нибудь поломка. С утра они с радисткой Галей планировали сходить на берег. Управившись на камбузе, они собрались. Валерик пошел проводить их до трапа. На хронометре было семь тридцать. Продолжалась роковая последовательность – все фатально происходило на тридцатой минуте.

В это время Шевченко снова услышал сбой треклятого дизеля и почти бегом, что не случалось с ним давненько, бросился в машину. Настроение у него испортилось окончательно и заняло где-то внутри глубоко под сердцем. Он осмотрел дизель. Вроде все нормально.

– Ну, и какого хрена тебе надобно, старче? – обратился он к нему как человеку.

Подумал. На всякий пожарный убавил обороты. Повернулся и пошел из машины... Всё.

Стоявшие на берегу видели, как над кормой ТН – 6** поднялось сперва легкое облачко, полетели вверх какие-то мелкие детали, затем рвануло так, что содрогнулась земля и вода. Металлический корпус танкера вскрылся легко, как скорлупа. Из чрева машинного отделения вырвались яркие языки пламени и черный дым. Никто не заметил, как смертельным вихрем смело в воду сходящих с танкера двух женщин и молодого парня.

Через считанные секунды хриплым срывающимся голо-

сом диспетчер кричал в трубку на центральный пункт пожарной связи:

– Взрыв!! Взрыв танкера под погрузкой! Все силы! Срочно! Все!!!

Первые водяные стволы ударили в пламя уже через пять минут после начала пожара. Пожарные отделения еще продолжали прибывать, когда раздался второй взрыв. Как из кратера вулкана ударила вверх на несколько десятков метров смертоносная струя – рванула узкая и глубокая шахта насосного отделения. В секунду судно превратилось в вулкан, извергающий огненную лаву бензина. Среди пожарных появились пострадавшие – не спасали теплоотражательные костюмы. Работало четырнадцать пожарных отделений на автоцистернах и автонасосах.

На пятнадцать минут позднее прибыли пожарные суда – два катера и четыре теплохода. Беззащитный перед разбушевавшимся огнем танкер стоял как белый лебедь, истекающий фонтанирующей кровью, которую стая черных воронов – пожарных судов – пыталась выпить водяными стволами.

Пожарные не отступали, несмотря на смертельный жар и разъедающий глаза ядовитый дым. Казалось, что невозможно победить это адское пламя, на фоне которого померкло знойное июньское солнце. Как-будто сам сатана выбросил над погибающим танкером свое бушующее черно-алое знамя. Работало восемь пенных генераторов, раскаленный корпус танкера охлаждался лафетными стволами. Десятки огнеборцев продолжали наступление. Все они были профессионалы своего дела и прекрасно знали характеристики объекта, всю опасность, таящуюся в недрах раскаленных резервуаров. Охваченный огненной бурей танкер, в любую минуту мог взлететь на воздух, и всем угрожала смертельная опасность быть заживо сожженными в этом адском котле. И все, с мужеством облеченных высоким доверием людей и яростным упорством обреченных на подвиг, продолжали бой, для многих последний.

Через сорок пять минут после второго взрыва пожар удалось локализовать. В это время доставили резерв теплоотражательных костюмов. Поступила команда – готовить смену работающих на огневых позициях. Часы показывали восемь тридцать.

Танкер был залит водой и пеной. Не только огня, даже дыма не было. Но руководителей тушения пожара беспокоила ситуация в машинном отделении. Там, время от времени, раздавались хлопки – происходили локальные вспышки горючих газов. Было принято решение войти вовнутрь танкера. С пожарных катеров офицеры тоже перебрались на пострадавшее судно. Начались поиски членов экипажа. Машинное отделение решили обследовать. Но опасность затаилась не там. Сатана приготовил последний сюрприз. Танкер потряс взрыв чудовищной разрушительной силы. Взорвались не заполненные до конца танки. Огненный ураган высотой более полусотни метров мгновенно снес корабельные конструкции и выбросил кипящий бензин на палубу, на причал, на воду. Ужасным взрывом танкер разорвало пополам, корма ушла под воду. Один из шести танков выбросило на берег, другой – сорвало в реку.

Перед глазами выживших открылась кошмарная картина: пораженные огнем и взрывом многие бойцы были сброшены в реку, прямо в горящий бензин. Из последних сил те, кто не потерял сознания, пытались выбраться на берег. Сопратники на берегу, сами оглушенные, обожженные и контуженные, как могли, пытались им помочь.

С черного небосвода начали падать редкие крупные капли дождя. Они испарялись моментально, едва коснувшись обгоревшей земли, раскаленных машин, обожженных людей. Казалось, небо наконец-то заметило свершившуюся на земле несправедливость и, опомнившись, оплакивало погибших, посылая опоздавшую влагу живым.

Прибывали машины скорой помощи. С ожогами и ранениями отправили двадцать восемь человек. Количество

погибших пока никто не мог назвать даже приблизительно. Их тела предстояло искать. Из экипажа танкера ТН – 6** в больницу не был отправлен никто.

Приехав в общежитие двадцать второго числа, Лёнька был даже не ошеломлен, не потрясен, нет – он был просто морально убит страшной новостью. Гудел судоремонтный завод, обсуждая трагедию на причале, гудело пароходство, гудел весь город. Королев был растерян и не знал, что делать. Сначала, как многие, он поехал в Михайловку в надежде хоть что-то увидеть и узнать какие-то подробности. Но туда, по понятным причинам, любопытствующих не пускали и никто из числа информированных никакими подробностями не делился, а досужие вымыслы мало его интересовали. Официальной информации не было никакой. Ни в газетах, ни по радио, ни на телевидении. Тем не менее, новость с поразительной быстротой распространялась по волнам «сарафанного радио», обрастая все новыми жуткими подробностями.

На второй день, проведя бессонную ночь в общаге, Лёнька немного пришел в себя и, решив, что надо действовать, начал с заместителя директора Худякова. Зная, что дожидаться, пока он освободится, бессмысленно, Королев без стука вошел в кабинет. Андрей Иванович разговаривал с посетителем – мужчиной лет сорока, в галстуке и с папкой. Повернул голову:

– Подожди, Королев!

– А ничего, Андрей Иваныч, я здесь подожду, – ответил Лёнька и присел на стул недалеко от входной двери в кабинет. Худяков вздохнул:

– Хорошо, жди здесь.

Разговор они закончили быстро. Как понял Лёнька, это был сотрудник аппарата пароходства.

– Ты, Королев, уже все знаешь, – то ли спросил, то ли констатировал Худяков, – так что извини – сейчас не до тебя. Иди к Зайцевой, там получишь назначение на другой теплоход.

– Я по этому поводу и зашел. Только Зайцева мой вопрос не решит. Андрей Иванович, направьте меня на катер к водолазам! Ну, которые искать будут погибших. Хочу своим товарищам последний раз помочь, вернее не им, а их родственникам, наверное. Тела нужно вернуть... Больше ведь ничем им не поможешь.

– Понимаю, тебя, Королев. Но, как говорится, ничем помочь не могу. Не мы этим занимаемся. Нет у нас аварийно-спасательной службы. А мы сейчас будем расследовать причины взрыва и нас, так сказать, будут расследовать. Сейчас, в прокуратуру с директором поедем. – Худяков вздохнул. По его лицу было видно, что он тоже ночь не спал. – А потом, ты ведь не занимался спасательными работами. Какой из тебя поисковик?

– Занимался я! – решительно соврал Королев. – То есть, приходилось мне... К тому же не водолазом, ведь, я хочу, а простым матросом. Там же около одного водолаза минимум трое должно быть! – настаивал Лёнька.

Худяков посмотрел на него устало-замученным взглядом и, то ли проникся, то ли подумал – все равно от этого натрыжного не отвяжешься, только мотнул головой и сказал:

– Ладно, попробуем. Пошли к директору.

Директор молча выслушал своего заместителя, который дал Королеву краткую характеристику и изложил его просьбу:

– Так что вот, Петр Глебович, хочет Королев участвовать в поисковых работах. Думаю, просьба его обоснованна. Хотя бы с моральной точки зрения. К тому же он имеет опыт таких работ.

Лёнька удивленно взглянул на Худякова – не ожидал такой поддержки. Молодец, Андрей Иванович!

– И что? Ты – штурман с высшим образованием, пойдешь матросом на катер?– спросил директор Королева.

– Пойду. Хоть брашпилем* (устройство для подъема якорей) пойду, чтоб хоть чем-то помочь.

– Ну, ну.

Он снял телефонную трубку и набрал номер. Раздавались гудки. Трубку не брали. Лёнька заволновался. Директор положил трубку:

– Не сидят они уже там в кабинетах! Вот что, штурман Королев, я тебе напишу записку и скажу, к кому подойти. А ты уж сам там постарайся, чтоб тебя взяли. Понятно? А ты, Андрей Иваныч, оформишь потом командировку или как там еще.

Лёнька взял записку. Заехал в общагу, схватил все свои документы и рванул в пароходство.

На следующий день Королев уже работал матросом на рейде Михайловки. Там было оборудовано четыре водолазных поста – один на пирсе и три на катерах. Первый пост обследовал затонувшую корму ТН – 6** и прилегающий к пирсу участок. Для постов на катерах разбили участок поиска на квадраты. Работали, сменяясь, весь световой день.

На катере, где работал Лёнька, водолазом был его тезка – тридцатилетний крепкий мужик Леонид Расторгуев. В команде катера, кроме Королева был еще матрос, рулевой – моторист и капитан – механик. Лёнька вникал в специфику работы быстро. Обстановка того требовала. Самое главное было – не свихнуться от страшного зрелища изуродованных тел. Вернее, того, что от них осталось. Он так и не увидел погибших из своего экипажа. Их поднимал другой пост, а подняв, сразу запаковывали. Знал только, что тела Стручкова и Васнецовой нашли в первый же день. В первый день подняли наибольшее количество трупов.

Вечером капитан катера достал бутылку водки:

– Ну, мужики, не пьянства ради, а чтобы нервы сбереечь.

Давайте по чуть-чуть. Отказался один Расторгуев – он укладывал гидрокостюм и дыхательный аппарат:

– Я за свои нервы не боюсь!

– Привык уже?

– Привык, не привык. На нашей работе впечатлительных не держат.

В общежитие Лёнька приехал затемно и уехал утром, чуть свет.

Королеву тоже казалось, что он не впечатлительный. В этом он старался подражать своему тезке. Он расспрашивал Расторгуева и других членов экипажа обо всех тонкостях тяжелой работы спасателя. Особенно охотно делился опытом его напарник, матрос Толя Спиридонов. Спиридонову было уже за сорок. Но все звали его просто Толя. Был он роста среднего, но уж больно худой. Оттого и выглядел моложаво. Утопленников Толя за свою жизнь вытащил не меряно.

– Они, ведь, Лёха, при такой температуре воды на третий день сами всплывут. Это

уж как водится. Разве что у кого одежда тяжелая, те могут и через неделю показаться. Если не занесет под корягу или под камень какой. Там уж рыбы свое дело сделают! – Спиридонов говорил так, словно от него зависело – сделают рыбы свое дело или нет. – А вообще, самый верный способ – в день утопления человека притопить в сетке нельму, а когда она всплывет, тут уж не теряйся – ищи и всплывшего утопленника.

В первые три дня подняли девятнадцать трупов и останков. Одного подполковника из числа пожарных опознали только по ключам. По словам командиров, погибших было тридцать четыре.

– Фонари ни хрена не помогают! – досадовал Расторгуев. – Каждым движением поднимаешь тучу ила, и там уж

свети, не свети... Все равно, что искать футбольный мяч на поле с завязанными глазами!

Проходили дни и недели. Поиски становились все труднее. Если был найден хоть один труп, день считался результативным. Бывали дни, когда не поднимали ни одного. Водолазы проводили в воде большую часть суток.

– Скоро жабры вырастут! – мрачно шутил усталый Расторгуев.

Лёньке утопленники уже стали сниться по ночам – не такими крепкими, как он надеялся, оказались нервы. Ему снилось, что он, как Харон, гребет на лодке, полной покойников. Он просыпался, пил из графина теплую воду, потом из него же поливал себе голову – в общежитии было душно – и пытался снова уснуть. Временами ему казалось, что этот скорбный поиск не закончится никогда. Перерыв в работе был у Королева один день, когда он ходил на похороны своих. Там было еще тяжелее. Рвали душу рыдания родственников и похоронная музыка. У Лёньки было такое чувство, что он похоронил всю свою семью и враз осиротел.

В один из дней Королев возвращался домой из Михайловки чуть раньше обычного. Вышел из автобуса и направился прямо к общежитию – в столовую решил не заходить, есть не хотелось. «Вот девушка стоит. Похожа на Наталью», – тупо про себя отметил Лёнька, издали увидев у входа блондинку в ветровке и джинсах с синей сумкой на плече. Снова погрузился в свои мысли. Однако, подойдя ближе, он снова обратил на нее внимание. Она стояла спиной к нему, глядя в сторону города, туда, откуда он только что приехал. У Королева неожиданно от волнения затряслись пальцы. Неужели? Откуда она здесь? Не может быть! Это нервы разгулялись. Выспаться надо как следует... Все эти

мысли промелькнули в тяжелой Лёнькиной голове, пока блондинка не обернулась.

– Королев! Королев, наконец-то! – Наташа бросилась ему на шею, сумка ударила Лёньку в бок и скользнула на тротуар. Он неловко обнял ее – непривычно как-то на улице обниматься – все еще не понимая, как она здесь оказалась? Как его нашла? Что заставило ее приехать, ведь у нее сейчас летняя сессия?

Наташа уткнулась лицом в плечо Лёньки. Он поцеловал ее куда-то в ухо, пытаясь ладонями поднять ее голову и заглянуть в глаза. Она плакала.

– Наташа, чего ты? Что случилось? Почему ты здесь?

Она махнула рукой, другой вытирая слезы:

– Потом, потом...

Он подхватил сумку левой рукой, обнял Наталью и повел к крыльцу общежития.

Когда они вошли в комнату к Королеву, Лёнька неожиданно для себя заметил, какой у него бардак. Ему стало неудобно.

– Ты извини, Наташенька, сейчас я со стола убегу, чаю с тобой попьем. У меня тут ничего нет, кроме чая. А может быть, ты есть хочешь? Пойдем в столовую сходим! Она еще открыта.

Наталья отказалась:

– Лёня, давай здесь перекусим – у меня есть кое-что с собой.

– Хорошо! И ты мне расскажешь, как ты отважилась на такое путешествие, да еще во время сессии.

Наташа рассказала, что коли Королев сказал, что позвонит сразу после сборов, она терпеливо ждала. Но вот прошел день, когда он должен был вернуться, прошла неделя – звонка нет. Она ждала и не очень беспокоилась, зная Лёнькину недисциплинированность в отношении обещаний типа «обязательно позвоню». К соседям приехал в гости родственник и поделился новостью из числа тех, что

передает только «Голос Америки» – взорвался танкер ТН – 6***, погиб весь экипаж и еще масса народу.

– Хорошо, – перебил ее Лёнька, – погиб какой-то танкер. Их сотни. Как ты узнала, что это наш танкер?

– Королев! Ты забыл? – она протянула ему фотку, которую он ей подарил, будучи в отпуске. Фото сделано было с берега. На носу теплохода, позируя, стоял Королев в мичманке, которую он позаимствовал у штурмана Лыжина специально, чтобы сфотографироваться. По борту теплохода шла отчетливо надпись «ТН – 6***»

«Боже мой! – подумал Лёнька. – Какой же я...! Он обложил себя выразительным термином, из словаря покойного Шевченко. – А если еще и мать узнает, благодаря такому же маловероятному случаю!»

– Ты кому-нибудь говорила об этом?

– Нет. Зачем раньше времени людей будоражить? Я ведь надеялась, что ты еще из своей армии не вернулся. А ты вернулся...

Королеву стало стыдно перед Натальей. «Какая она у меня, все-таки, умница!» – подумал Лёнька. А вслух сказал:

– Ты извини меня, Наташа! Я что-то, действительно, плохо соображать стал последнее время. Надо маме как-то весточку дать, что я живой. Телеграмму, может быть?

– О! Как это на тебя похоже, Королев! Приходит телеграмма: «Мама, я живой». Да она с ума сойдет от такой весточки!

Пока они ужинали, Лёнька рассказал, чем он сейчас занимается. Наталья сперва удивилась такому его решению, но потом, порассуждав вслух, одобрила. По крайней мере, поняла мотивы Лёнькиного поступка. А ему это было важно. Он старался оказать ей внимание, понимая, какой дикой ей должна казаться обстановка в их РЭБовской общаге.

– Ты знаешь, Наташа, здесь в фойе телевизор есть. Если

хочешь, принесу в комнату. Комендант мне разрешает. Сейчас в Москве олимпиада проходит, посмотришь.

– Нет, Лёньчик, я учебники с собой взяла. Так что почитаю.

Он впервые за последнее время спал спокойно. А если и снилась какая-нибудь ерунда, открывал глаза и крепче обнимал Наташку.

Утром, когда сидели в столовой и завтракали, она спросила:

– Лёня, скажи, эта работа еще долго... Ну, мертвых людей еще долго искать придется?

– Не могу, Наташенька, точно сказать. Три недели работаем уже. Еще двое не обнаружены. Наверное, пока не найдем. Или как командиры скажут... А ты как сессию сдавать будешь?

– Ой, не беспокойся! У меня не сдано всего два экзамена. В крайнем случае, осенью сдам. Четвертый курс, ведь не первый.

Королев согласился – четвертый курс, не первый. С первого курса за такую задолженность вышибали, не раздумывая.

День прошел как обычно: подготовка к спуску, спуск. Лёнька на сигнальном конце, выбирает слабинку, один рывок – это он спрашивает своего тезку: «Все ли нормально?» В ответ тоже один рывок – «Все нормально, работаю на дне!»

Толя говорит:

– Наощупь обыскивать такой фарватер можно до самой осени. Наверное, тралами быстрее бы нашли.

Не найдены тела Наримановой и одного пожарного. Расторгуев нашел пожарного к вечеру. Тело долго находилось в воде. Вокруг рта и носа – белесая пена пузырями. Кожа набухла, стала как гусиная.

– Вот так, Лёха, – рассуждал Толя Спиридонов, – еще немного и кожа отслаиваться начнет. Сначала с рук слезет – «перчатки смерти» называются. Потом волосы отделяться будут.

– Толя, давай, ты это за обедом расскажешь! – перебил его капитан катера. Он нервничал. – Чего ты, ей богу, без конца...

– Так ведь парень учится, – кивнул Спиридонов на Лёньку, – ему все знать надо! Пригодится.

– Парень без тебя ученый! Найдем последнего, и уйдет на свои танкера.

– А может, у нас останется? А, Лёха, не уж работа не понравилась?

– Понравилась, – стиснув зубы, отвечал Лёнька, перетаскивая мешок с телом на берег. После Наташки обнимать утопленников было как-то не очень. Лучше уж пусть самого когда-нибудь вытащат, чем всю жизнь поднимать такие дары моря!

Ночью опять проснулся. Луна светила прямо в глаза – занавески не были задернуты. Осторожно встал, чтобы не разбудить Наталью. Попил воды. Захотелось курить, вышел в коридор. Сон пропал совсем. Войдя в комнату, сел за стол. Достал из сумки завещанную бабушкой икону. Поставил и стал внимательно рассматривать. В лунном свете лик Божьей Матери был таинственным и завораживающим. Глядя на него, Лёньке хотелось верить, что душа бессмертна, что есть, кроме этого – земного, другой мир, куда переселились души тех, чьи бездыханные тела он поднимал со дна Иртыша.

«Казанская икона Божьей Матери» – прошептал Лёнька. Ему хотелось сейчас сказать что-то необыкновенное, не относящееся к суетной жизни. И если бы он знал хотя бы одну молитву, он бы, наверное, ее сейчас прочитал. Но молитвы он не знал. Он сам не заметил, как у него по щеке

покатилась слеза. Он смахнул ее со щеки досадливо. «Ну, вот,— подумал, — оказывается, и плакать не разучился»

Он вспомнил про Вовку Арбузова, который так вдохновенно рассказывал про церковь Казанской иконы Божьей Матери. Потом его мысли перенеслись к спящей Наталье. Он еще раз подумал о том, как же, действительно, нужно любить человека, чтобы вот так вот сорваться и поехать за тридевять земель, чтобы проверить какие-то слухи о сгоревшем танкере. Ему по-прежнему казалось, что он виноват перед ней. Мертвыми занимался, а про живых забыл... Вдруг как наяву увидел лицо Романыча в полумраке ходовой рубки: «К людям надо с бронзовыми ключами подходить!» Он был одного возраста с отцом. Может быть, не маме, а отцу дать телеграмму? Какое сегодня число? Пятнадцатое июля... Стоп! У него же день рождения послезавтра! Вот ёлки с палкой, как его вышибло... Все позабыл. Если б Наташка не приехала, так еще бы долго в себя приходил! Вот и отлично. Дам телеграмму, поздравлю с днем рождения и будет понятно, что у меня все хорошо.

Королев вздохнул и убрал икону со стола. Молитвы он не знал. Поэтому он взял авторучку, тетрадный лист и стал писать:

Мне не хотелось плакать Вам в жилетку,
Винить во всем судьбу или врагов
И, словно нищему на паперти монетку,
Вымалывать прощенье у богов...

Исписав тетрадный листочек, лег и сразу заснул. Утром будить Наташу не стал. Завтракали они уже не в столовой, а дома. Проглотив яичницу и выпив чаю, уехал на работу, предварительно оставив на столе деньги на продукты.

Наташа проснулась и, накинув на плечи Лёнькину рубашку, подошла к столу. Там лежала десятка и короткая записка: « Деньги на продукты. Целую, любимая! Королев»

Она улыбнулась – Лёнька верен себе, даже в записке слова экономит! Она перевернула листочек и стала читать:

...Мне не хотелось уходить с пути,
Что на развилке выбрал я у камня,
Чтоб без оглядки по нему идти,
Как по земле идет с молитвой странник.
Мне не хотелось лезть в чужие сани,
Брать грех на душу, что-то обещать.
Быть может, я виновен перед Вами,
И Вы вольны судить или прощать.
Мне не хотелось парус убирать,
На море непогоду прокляня...
Но я прошу – попробуйте понять,
Пред тем как вы осудите меня...

Наташа бережно свернула листок и положила его в сумочку. Ей захотелось немедленно увидеть Лёньку, обнять его и сказать ему, как она его любит.

Вечером Королев приехал как обычно, в восемь часов. День был безрезультатным.

Они поужинали. Наталья вспомнила, что ей на вахте подали письмо для Королева, нашла его и подала Лёньке:

– Ты знаешь, что бабушка сказала, когда письмо подала? Говорит: «Вот возьми, твоему письмо»

– Надо же! – сделал смешное лицо Лёнька. – Так и сказала?

– Да! Так и сказала. Так что, ты – мой, Королев!

Письмо было от кореша по военным сборам Вовки Арбузова. Он интересовался, как у Лёньки дела, а больше писал про свою беду: «...Представляешь, Лёха, в футбол играли и сломали мне ногу. Так удачно, что аж двойной перелом. Хирург говорит, хромой останусь. Ты говорил, что у вас в Кургане доктор хороший, Илизаров. Я узнавал, там если прописка местная, то кладут в эту больницу без очереди. Если можешь, помоги с пропиской. Твой брат по оружию, Владимир Арбузов»

– Что пишут? – спросила Наташа.

– Пишет товарищ. На сборах вместе были. Ногу сломал. В Илизаровскую клинику хочет попасть.

– Я могу папу попросить. У него, кажется, там есть знакомые...

– Похоже, там и без папы можно решить. Прописка ему нужна...

Поиски погибших при взрыве танкера ТН – 6** прекратили через четыре дня – двадцать второго июля. Ровно месяц, день в день, собирали со дна реки останки жертв трагедии в грузовом порту. Тело судовой поварахи Зарины Наримановой так и не нашли.

Лёнька ночью опять не спал. Часто ходил курить. Наталья, когда просыпалась, видела, как он сидит за столом и, включив настольную лампу, глядит на икону. Как будто, спросил что-то и ждет ответа. Наташа не заговаривала с ним, чтобы не мешать – пусть решает сам. Повернувшись, снова засыпала. Когда утром проснулась, Лёнька был рядом и крепко спал.

После завтрака уехал, поцеловав Наташу. На ее вопрос – куда он поехал? Ответил, что скоро будет. Приехал к обеду весь какой-то возбужденный и объявил с порога:

– Все, Натали! Вечером поезд. Уезжаем вместе.

– Ты решил уволиться?

– Да, пока так. Надо ехать Арбузова прописывать. Живых тоже забывать нельзя!

– А как же... Из общежития, наверное, выписаться надо?

– А я не прописан здесь. Я на судне был прописан, а судна нет. Под воду ушел мой дом. Как-то сам на земле остался... Видно, не судьба пока.

Сборы были недолги. Лёнька свою сумку скидал быстро, Наталья еще копалась. Он, чтобы унять невесть откуда взявшееся волнение, пошутил:

– Вроде как, не я тут жил так долго, а ты! Давай присядем на дорожку.

Они сели на заправленную уже без простыней койку. Помолчали. Лёнька, как будто что-то вспомнив, открыл сумку и развернул уже упакованный свой талисман – икону Божьей Матери.

– Вот, Наташа, на эту икону смотрели мои дедушка с бабушкой, когда венчались. Ей благословляли деда, когда он уходил на войну – и на первую мировую, и на Великую Отечественную...

Наташа, обняв Королева, положила голову ему на плечо и задумчиво вглядывалась в лик Божьей Матери своими карими, почти черными глазами.

МУЖЧИНЫ У ДАЧИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Никогда не писал предисловий к своим произведениям. Действительно, что это за произведение, если к нему нужно дополнение в виде предисловия? Как сказал один известный писатель, писать предисловие для автора – последнее дело. В том смысле, что пишется оно в последнюю очередь. После написания книги. А также и в другом смысле, что занятие это муторное, не приносящее никакой творческой радости.

Если уж писать об иронической повести, то нужно, как минимум, объяснить, почему же она ироническая, а не какая-нибудь другая. А для этого нужно напомнить читателю о формах юмора – ирония, сарказм, сатира, пародия, эпиграмма, анекдот, шутка, каламбур и так далее. Скучна теория, мой друг. Зато становится понятно, что повесть названа иронической, потому что автор наиболее часто прибегал именно к этой форме юмора. Сразу же возникает вопрос: почему именно к этой?

Во-первых, потому что автор в некоторой степени симпатизирует своим героям, и ирония, вроде как, помягче, чем сатира. Ведь даже существует «самоирония», в то же время ничего не известно о «самосатире», «самосарказме» и «самоэпиграмме». Согласитесь, звучит нелепо, хотя и смешно.

Во-вторых, в литературе, как и в жизни, ирония употребляется не только ради изящества языка, но и ради содержащейся в ней насмешки, для осуждения какого-либо

нежелательного явления жизни, вредной привычки либо отрицательной черты характера человека.

А посему, автор не может рассуждать за своих героев, не должен менять их поступки, их чувства, их язык. Но он вправе любить своих героев, от этого изображаемая им жизнь становится более реальной.

Если автор пишет предисловие, то он в нём обязательно растолковывает, как следует понимать его произведение, зачастую сам не зная, как именно его следует понимать. С этой точки зрения, самому автору необходимо писать предисловие. Пока пишет, может быть, сам что-нибудь поймёт.

Так вот, о чём же, всё-таки, повесть? Уж точно не о счастье человеческого. Всем известно, что счастье – плохая тема для писателей. Оно слишком довольно собой и не требует комментариев. Помните – «все счастливые семьи похожи одна на другую, каждая несчастная семья – несчастлива по-своему»?

Тогда может быть о несчастьях людских? Тоже нет. Не стоит иронизировать над бедами. Скорее всего, она о жизни, где всему находится место – она ведь полосатая, как зебра. Бывает правда и так, что полоса неудач настолько широка, что вмещает всю жизнь человека. Тем более, что удача или успех никогда не бывает окончательным, зато неудача или провал таковыми бывают очень даже запросто.

Есть одна и та же врождённая у всех ошибка – это убеждение, что человек рождён для счастья. Нет, милые! Нет. Задача сделать человека счастливым не входила в план сотворения мира. Не предусмотрена была сметой, так сказать.

Потом, очень много, ведь, зависит от самого человека – насколько широки в его жизни бывают белые или, наоборот, чёрные полосы. Человек, который хочет просто жить, всегда сильнее того, кто хочет жить счастливо. Стало быть, в результате эволюции – по Дарвину – число «счастливицев» неизбежно становится меньше.

В подтверждение этого можно вспомнить слова одного очень древнего мыслителя о том, что самый счастливый человек тот, которому не нужно счастье. А потому, можно утверждать, что счастье, как здоровье, если его не заметишь, значит, оно есть.

Так что же тогда, – спросите вы, – ужель и пытаться не стоит достигнуть счастья? Отнюдь нет. Нужно пытаться. Мало того, если вы не достигли успеха сразу, попытайтесь ещё и ещё раз! А потом успокойтесь и живите в своё удовольствие.

Как-то, будучи на пляже, на животе одного человека прочитал наклочку: «Нет в жизни счастья, но есть отсутствие его». Трудно не согласиться с такой народной мудростью, тем более, что доведена она до читателя тем, кто в буквальном смысле, не щадит живота своего.

Выходит, что несчастных в мире гораздо больше, чем счастливых? Да. Сегодня, в этот час и в эту минуту – это так. Но в прошлом оно – счастье – было, а в будущем – будет. Кто со мной не согласится, пусть первый бросит в меня камень. Счастье – не то, что испытываешь, а то, что вспоминаешь или о чём мечтаешь. А в данную конкретную минуту могут быть счастливы только те люди, целью жизни которых счастье не является.

Тот, чей путь пролегает через координаты: прошлое, настоящее, будущее – обязательно счастье встретит, но тот, кто его не увидел в пути, в конце дороги, когда удовольствия, к которым мы не привыкли, беспокоят нас больше, чем привычные горести, его и вовсе не найдёт. Но пусть не расстраивается, нет ничего тоскливее, чем жизнь счастливого человека.

Многоуважаемый Антон Павлович Чехов, как-то, видимо, в сердцах, сказал: «Счастливые люди – самые надоедливые, самые скучные люди!» Уж будьте покойны, в чём – в чём, а в людях-то он толк знал.

А неистовый Виссарион Белинский и вовсе припечатал:

«Всё благородное страждет – одни скоты благоденствуют».

Козьма Прутков говорил: «Счастье – это почесать там, где хочется».

Набор цитат будет неполным, если забудем нашего Александра Сергеевича. Я имею в виду Пушкина: «Привычка свыше нам дана, замена счастию она». Ещё он говорил: «На свете счастья нет, но есть покой и воля», имея в виду не ту волю, вольную волюшку – раззудись плечо, размахнись рука, а ту волю, которую мы привыкли называть железной. И которой, как раз не хватает героям предлагаемой повести.

О чём она, кстати, я так и не понял. Но думаю, что читатель, который осилил это предисловие, с повестью и сам разберётся.

Летним субботним утром старый видавший виды ЛиАЗ, дребезжа дверями и пыльными стеклами окон, лихо развернулся на пятачке между сельсоветом и магазином и, заскрипев тормозами, остановился. Деревня Вишневка была конечная остановка на пути из областного центра. Из передней двери автобуса на неровный сельский асфальт шагнул молодой человек с синей спортивной сумкой через плечо, на которой были изображены пять олимпийских колец под надписью «Москва 1980», из чего легко можно было сделать вывод, что сумке было никак не меньше восьми лет. Оттого и была она малость потрепана, чего нельзя было сказать про ее обладателя – свежесвыбритого мужчину в отглаженной клетчатой рубашке с закатанными по локоть рукавами и синих джинсах с офицерским ремнем. На ногах мужчины были новые кроссовки. Весь его облик, включая улыбку на лице, говорил о том, что он прибыл сюда с миссией приятной, хотя бы для него самого. А если и есть у него какие-то дела, то они отнюдь не обременительны, а вовсе даже наоборот, приятны и желанны, потому как выполнить их он был готов и с превеликим удовольствием.

Дабы не держать читателя в неведении, представим главного героя нашего повествования – Геннадий Иванович Бодриков, тридцать три года, женат, двое детей, беспартийный, работает в одном из многочисленных проектных институтов областного центра.

Геннадий Бодриков в Вишневке был человеком своим, здесь с младых ногтей он жил, учился и закончил школу. Здесь жили три закадычных его друга – одноклассники Семен Карацупа, Олег Бубнов и Дмитрий Мякишев. Именно их в первую очередь и собирался навестить наш герой. Не потому, что соскучился или по другим каким-то пустякам. Нет. В прошлом году Бодриков взял участок в садоводческом товариществе неподалеку от родной Вишневки и в

этом году он запланировал поставить на этом участке домик. Друзья согласились ему помочь. Они все трое работали на пилораме местного промкомбината и по просьбе Геннадия взяли отпуск на неделю, чтобы помочь другу.

Гена перебросил тяжелую сумку на другое плечо и пошел по направлению к переулку, в котором жил Семен Карацупа или Сэмэн, как его называли друзья. Гена же его для краткости называл просто – Сэм. В сумке была «жидкая валюта». Поскольку друзья с Бодрикова деньги за работу брать отказались, а выпить они не отказывались никогда, то Гена в городе затарился портвейном «Три семерки». В деревне спиртное было купить сложнее – действовал горбачевский Указ «Об ограничении».

Семен был дома и занимался ремонтом забора. Завидев Геннадия, он бросил молоток в ящик с гвоздями, вытер руки о спортивные штаны с белыми лампасами и с широкой улыбкой на лице протянул другу мозолистую ладонь, в которой утонула мягкая ладошка городского жителя.

– Ну как, готов к труду и обороне? – спросил Геннадий.

– Готовы, Гена! Все готовы. Я уже загрузил в машину весь инструмент. Сейчас заедем за Бубновым, за Митяем, потом на промкомбинат за штакетником и вперед!

Семен зашел в дом, надел рабочую штормовку, взял ключи от машины, водительское удостоверение и через пять минут заурчал мотор его «рабочей лошадки» – «Москвича 412». В салоне было грязно, поэтому Карацупа подал Бодрикову чистую тряпицу:

– Держи! Бросишь на сидение, а то штаны испачкаешь – машина не парадная.

Подъехали к Олегу Бубнову. Тот быстро собрался под недовольными взглядами жены – на сегодня она запланировала огородные работы. Когда заехали за Митяем, который семьей все еще не обзавелся и жил с мамой, то Геннадий зашел к ней поздороваться. Тетя Нина всплеснула руками:

– Батюшки – кто к нам пожаловал! Никак Гена Бодриков? Проходи, проходи... Сейчас я тебя чаем напою. Аккурат, пирожков с творогом напекла.

– Тетя Нина, я сыт. Да и некогда нам – ребята в машине ждут...

– А ты позови ребятешек, позови. Митюша, сбегай на улку, кликни их.

В хату вошли Карацупа и Бубнов. Тетя Нина усадила их за маленький кухонный стол, задействовав все стулья и табуретки, что имелись в доме. Налила всем чаю из электрического самовара и принялась расспрашивать Геннадия о его житье-бытье. Бодриков рассказывал, Олег с Семеном пили чай, Митька скучал – он чаю с пирожками уже напился.

– А что у тебя в сумке, Гена? – вдруг спросил Митяй. – Нет ли там чего-нибудь покрепче чаю?

Бодриков взглянул на Семена. Тот пожал плечами, предоставив Геннадия самому решать, стоит ли день начинать с портвейна. Мякишев и Бубнов вопросительно смотрели на него. И Геннадий, чтобы не прослыть жмотом, вынул из сумки бутылку вина.

Семен вздохнул и откупорил портвейн:

– Поскольку я за рулем, давайте, хотя бы разолью вам. Да оно и быстрее будет. Долго нам рассиживаться некогда! – Твердой рукой, как хирург, оперирующий ребенка, Карацупа быстро и точно распределил вино по стаканам.

Друзья выпили за встречу, съели по пирожку и, расцеловавшись с тетей Ниной, уселись в машину и поехали к промкомбинату. Там загрузили штакетник, забив им салон и багажник автомобиля. Семена отправили к дачному участку, который был в четырех километрах от села, а сами пошли пешком.

– Я там штакетник выгружу и поеду вам навстречу, – пообещал Карацупа, – так быстрее будет. С треском включил передачу и укатил.

Друзья втроем отправились по улицам и переулкам Вишнёвки по направлению к дороге, ведущей к садоводству.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Асфальт кончился за пять домов до конца деревни. Трое вышли за околицу и пошли по грунтовой дороге, взрыхленной траками пробежавшего ДТ – 75. Слева от дороги шумели лиственной березовые колки, справа деревья были редки, больше было полянок.

Увидев в тени берез валяющийся чурбак, Митька показал на него рукой:

– Сядем на пенек, съедим пирожок! А? Все равно Сема подъедет за нами, когда разгрузится.

– Когда он еще разгрузится! – возразил Геннадий. Митяй поддержал Бубнов:

– А мы не будем долго сидеть – так, раздавим еще один пузырек и вперед. Идти будет веселее!

– А то, так тебе сейчас скучно! – буркнул Гена, но направился к пеньку, снимая с плеча сумку. Бубнов с Митяем перемигнулись за его спиной. Митька показал Бубнову большой палец:

– Генка всегда был с понятием!

– Не меняется старая гвардия! – отозвался Бубен. Он поставил чурбак вертикально. Гена расстелил на него газетку, поставил бутылку «Портвейна» и стакан, положил плавленый сырок. Спросил:

– Хлеб доставать?

– Что мы сюда, жрать пришли! – отреагировал Митька, подхватил бутылку и ловко набулькал полстакана. – Держи, Гена! Тебе первому полагается, как отпускнуку.

После выпитого Бубнов с Митькой закурили, Гена достал яблочко и захрустел. Напротив, на другой стороне дороги щипал травку привязанный к колышку теленок. Около него пасся беспривязный козел.

– Теленочек, наверное, тоже пить хочет, – переваривая портвейн блаженно протянул Митька. Бубнов неожиданно расхохотался:

– Не знаю, пьют телята или нет, но вот у моего соседа хряк брагу выжрал!

– Трепло ты, Бубен! – Гена размахнулся и остатки яблока швырнул в сторону козла – может, подберет животное.

– Точно тебе говорю, – возмутился Олег, – двухведерный бачок! Сосед его от бабы спрятал и завалил сверху соломой, а свиньи по запаху нашли, скинули крышку и выпили. Он увидел, что хряк валяется, думал заболел. Хотел уже колоть его, а потом, глядь – а браги то нету. А от хряка перегаром прет. Он его рассолом потом отпаивал.

– Вот, трепло! А за пивком для хряка он наутро не сбегал?

– Это что, – включился в разговор Митька, – мне вот рассказывали – уже забыл кто – такой случай, один мужик на спор с козлом бодался...

– И кто победил?

– Козел победил...

– Дохляк твой мужик! – Бубнов сплюнул в сторону. – В козле весу то – двух пудов не будет!

– Ага, а ты айда! Спробуй!

– Спорим на ящик пива? Спробую! – завелся Бубен.

– А, спорим! Гена разбей!

Гена ударил ребром мягкой интеллигентской ладошки по грубым ладоням друзей:

– Разбиваю!

Бубнов поднялся, отряхнул штаны и направился к козлу. Неожиданно повернулся и пошел обратно.

– Что, собздохал? – разулыбался Мякишев.

– Чего? Сам ты... Мне сто грамм положено перед поединком!

– Гена, дай ему сто грамм! – распорядился Митяй как своим. – Что он потом нам скажет...

Геннадий без возражений достал поллитру. Митяй от души бухнул в граненый стакан:

– Вот тебе, Бубен, сто пятьдесят для храбрости. Своей-то у тебя видать не осталось..

Бубнов вылил стакан себе в глотку, утер губы ладонью и решительно двинулся к противнику.

– В древнем Риме, Митяй, гладиаторы тоже дрались с животными, – глядя вслед Олегу, задумчиво сказал Гена. Они поднялись и направились в сторону поединка двух млекопитающих.

Между тем Бубен подошел к козлу со стороны головы и уперся своей башкой ему в морду. Козел не понял, чего от него хочет гомо сапиенс. Он в задумчивости потряс головой и легонько, как будто проверяя на прочность, боднул Бубнова. Бубен еще ниже наклонил голову и уперся всеми четырьмя конечностями. Неожиданно козел подался назад – скотина эдакая – поднялся на задние ноги и, подпрыгнув на них, со всего маху саданул в лоб своего спарринг-партнера. Бубнов, не ожидавший такого коварства, перевернулся со своих четырех точек опоры на одну – заднюю. Чисто инстинктивно он уперся руками, что позволило ему остаться в сидячем положении. Лопатки его не касались земли, так что побежденным считать его было рано. Но вряд ли он все это осознал, так как после сверкнувшей в его голове молнии, из глаз посыпались искры. Он потряс головой, пытаясь понять, где он и что пил вчера. Козел воспринял этот недружественный жест, как приглашение к бою и, с подскоком разогнавшись, нанес сокрушительный удар прямо в лоб. Такого не выдержал бы и титулованный Мохамед Али. Бубен лежал не шелохнувшись. Бой без правил завершился. Друзья поспешили ему на помощь:

– Митяй, неси бутылку с водой, – скомандовал Геннадий, наклонившись над телом. Митька подбежал к пеньку, схватил бутылку с портвейном, налил целый стакан, залпом выпил и только потом, как бы вспомнив, зачем его

послали, нашел в сумке бутылку с водой и с готовностью подбежал к павшему в поединке Бубнову. Наклонившись над лицом, стал брызгать водой.

Пытаясь привести Олега в чувство, друзья потеряли бдительность. Тем временем, не уgomонившийся козел разогнался и со всей козлиной мощи таранил наклонившегося Митяя прямо в корму. Тот рухнул на тело поверженного друга, бутылка с водой покатила по земле.

– Убью, козлина морда! – страшно возопил Митька. Он двинулся навстречу зверю, вытянув вперед обе руки. Ему удалось ухватить противника за рога. Они закружились вдвоем в боевом танго: козел в попытке вырваться, Митяй – в стараниях повалить козла. Долго бы им топтаться, как боксерам в клинче – весовые-то категории были почти одинаковы – но Мякишев заметил на земле палку, отпустил рога и, схватив палку, замахнулся.

Но об козла в свое время сломали столько батогов, что хворостины он ничуть не боялся. Снова разбежался и, хоть Митька успел его вытянуть по хребту, козел-таки достал его опять же на уровне задницы, но только спереди.

– О-о-о! Падла! – заорал благим матом Митька, схватившись двумя руками за ушибленный аппарат и, скорчившись, рухнул наземь...

Когда Семен подъехал на своем «Москвиче», глазам его предстала картина: два друга лежали на земле, Бубнов – молча, Митяй – матерясь и подвывая. Гена сидел на дереве – на нижнем сучке, на высоте примерно двух метров. Поодаль козел с теленком мирно пощипывали травку.

Семен, хлопнув дверью легковушки, приблизился к ним.

– Что, эти двое уже опохмелились? – спросил у Геннадия. – А ты чего на дерево забрался? Адреналин заиграл?

– Это у козла адреналин заиграл или крышу сорвало – на людей нападает! Осторожнее, Сэм, он бодается!

Поскольку Семен был в состоянии «ни в одном глазу», он быстро разругил ситуацию: снял с колышка веревку, об-

мотал вокруг березы и свободным концом привязал козла.

– Слезай уже, городской житель! – крикнул Бодрикову.

Тот, убедившись, что козел не достанет, спрыгнул на землю. Митяй, постанывая, поднялся. Бубен открыл глаза:

– Пацаны, что со мной было? Где это мы?

Семен вопросительно посмотрел на Геннадия.

– Солнечный удар у тебя, Олежа, солнечный удар. Пить меньше надо!

Встать можешь? Может тебя домой отвести? – Геннадий протянул руку Бубнову. Семен тоже помог ему подняться.

– Только не домой, парни, жена картошку полоть заставит, – пошатываясь Бубнов пошел к машине. Гена посмотрел ему вслед, покрутил пальцем у виска:

– Соображать начал, – пояснил он Семену, – а я уже думал дураком останетса! Такой нокаут перенес, все мозги, наверное, стряс.

– Было бы что стрясать! – сплюнул Семен. – А дураком он и так останетса, это я после восьмого класса понял.

Повернувшись к Митяю, прикрикнул:

– Говорил тебе, не садись на пеньки, не пей! Нечего сейчас за причиндалы держаться – такого работника из строя вывел...

Уселись в «Москвич», поехали.

– Я вспомнил, – встрепенулся Митька, – вспомнил, кто мне про козла рассказывал! Когда я лежал в хирургии, у нас в палате мужик был со сломанными ребрами – так это он и бодался.

– Гад же ты, Мякиш! – процедил сквозь зубы Семен. – Вот, же какой гад! Ни на минуту нельзя оставить.

Старенький «Москвич» бойко катил по ровной грунтовой дороге, поднимая за собой облако пыли. Через десять минут друзья уже подъезжали к садовому участку Геннадия Бодрикова.

На участке в шесть соток не было ничего, кроме дощатого сарайчика размером два на два метра, который Бодриков соорудил еще в прошлом году. В этот сарай он накануне привез все, что на его взгляд понадобится, чтобы неделю прожить вдали от города и семьи, и не просто прожить, но и поставить сруб дачного домика и накрыть его шиферной крышей.

Шифер был, не было самого сруба, за которым надо было ехать, так как заказан он был в одном из многочисленных строительных кооперативов, что как грибы после дождя появлялись после провозглашения партийного курса на ускорение, перестройку, трезвость и гласность. В том, как привезти сруб Геннадий проблемы не видел, завтра они поедут с Семеном организуют погрузку и доставку. А пока он вытаскивал из сарая все, что необходимо было для обустройства летнего лагеря, и радовался, что свершилось то, о чем он мечтал всю зиму – он вырвался из города и семьи. У него отпуск!

Здесь необходимо отвлечься и пояснить читателю, почему товарищ Бодриков так ликовал, оказавшись в некотором удалении от своего дома. Не то чтобы он не любил свою семью. Нет, совсем нет! Он очень любил свою семью, свою жену – Галюню, Галочку, Галчоночка, в двух дочурках вообще души не чаял. Кроме того, он и по характеру-то был домосед. Но вот после десяти лет семейной жизни как-то незаметно, само собой получилось, что он стал тяготиться пребыванием в собственной квартире – трехкомнатном уютном гнездышке, обустройством которого они с женой занимались почти четыре года. А до этого три года со старшей дочкой Танюшкой мотались по чужим квартирам, сдав «под гарантию» свою однокомнатную. Младшая Маринка родилась уже в этой квартире, ей недавно пятый год пошел, а старшая перешла во второй класс.

Когда переехали в эту квартиру, она показалась им огромной. Потом привыкли, родилась Маринка, и квартира большой уже не казалась. Девчонки, как, впрочем, многие малыши, тянулись к животным. Первым в их доме появился котенок. Откуда он взялся – в семье уже не помнил никто. Сначала думали, что это кошечка – назвали Мартышкой. Когда оказалось, что это все-таки кот – переименовали в Мартына. Попугая купили сами – Маринка просила со слезами, Геннадий отказать не смог. Когда Танюшке на день рождения подарили симпатичного щеночка – эрдельтерьера, Гена ощутил, что его жизненное пространство сужается. Когда девчонки притащили из подъезда брошенного котенка, Геннадий впервые попробовал возразить, доказывая, что две кошки в доме – это перебор. Но был неубедителен в споре с «женсоветом», как он называл своих членов семьи, и в квартире на одного млекопитающего стало больше.

Он перестал из проектного института, где он работал, брать работу на дом – все равно не было возможности дома работать – стал задерживаться в институте. Поэтому он даже не заметил, как в доме появились черепаха Тортилла и маленький хомячок Хома. Когда теща из деревни приехала к ним, он даже не спросил: «Надолго ли вы, мама?», интуитивно предполагая какой услышит ответ. Интуиция его не подвела, через неделю Галюня посчитала, что он морально готов и сообщила ему, что мама продала свой домик в деревне и пока поживет у них. Гена хотел спросить, «пока» – это сколько? Но потом сам понял, «пока» – значит, пока жива старушка.

Старушка была более чем жива, она была шустра и вездесуща. Отношение к теще у Геннадия было классическое: пока она жила отдельно, он её уважал и любил, как только стали жить вместе – уважения стало намного меньше, любви не осталось совсем, потому что его вторая мать вмешивалась буквально во все вопросы их семейного быта,

начиная от приготовления пищи до уборки в квартире и выгула эрдельтерьера Фокса.

Геннадий привык зимние вечера проводить за чтением спецлитературы или проработкой чертежей. Потеряв такую возможность, он согласился вечерами выгуливать собаку. Гуляя по близлежащему парку, вдоль шеренги по-зимнему тусклых фонарей, Бодриков размышлял о том, как ему сократить количество четвероногих обитателей квартиры или же занять хобби, которое позволило бы ему почаще отлучаться из дома. «Душа рвалась к лесам и к воле, алкала воздуха полей». Поскольку он не был ни рыбаком, ни охотником, то с энтузиазмом отреагировал на возможность построить дачу, когда сразу после новогодних праздников председатель профкома повесил объявление о том, что в садоводческом кооперативе «Проект» производится дополнительная нарезка земельных участков и желающие могут подавать заявления. Геннадий заявление сразу же написал, решив так – если Галка не согласится на строительство дачи, то участок можно будет использовать под огород.

Напрасно он опасался – и жена, и теща, которая уже успела соскучиться по грядочкам и клумбочкам, его идею поддержали. Теперь, когда у него появилась цель, Гена стал меньше обращать внимания на домашнюю фауну. Его перестал раздражать попугай, который начинал орать, если кошки подходили близко к клетке, или, наоборот, когда они долго не обращали на него внимания. Он с пониманием стал относиться к тому, что Мартын, обидевшись, мог запросто навалить в тапочки, которыми Гена гонял его по квартире за подобные проделки. Он стоически перенес стресс, когда Фокс перегрыз телефонный провод, а заодно провода к музыкальным колонкам. За Фокса заступилась теща: «У собачки зубки чешутся!» У маленькой кошечки чесались коготки – она изодрала обои в спальне – Гена молчал, стиснув зубы. Только когда она, пытаясь добрать-

ся до хомьяка, упала в аквариум к черепахе и опрокинула его, Гена в наказание запер шkodливую кошку в ванной.

Говорят, что мысли иногда материализуются. Слишком сильно, видимо, хотел Бодриков избавиться от зверинца. Первым пал жертвой его черных мыслей попугай – теща по недосмотру накормила его горячей кашей и он «склеил лапы», вернее коготки. Старушка очень переживала, но Гена утром за завтраком её приободрил, отдавав приготовленные ею биточки из ливера с чесноком: «Кормите животных, мама, у вас это здорово получается!»

Однажды, погожим морозным вечером Гена и эрдельтерьер вышли на прогулку. Бодриков отстегнул карабин поводка от ошейника собаки, строгим голосом скомандовал: «Рядом!» и двинулся по направлению к парку. С тем же успехом он мог отдать такую команду и снеговика с морковным носом, потому что бестолковая собака ухом не повела, а с восторгом принялась нарезать круги вокруг хозяйина. Они не дошли до парка метров сто, когда невесть откуда взявшаяся дворняжка, облаяла их обоих и скрылась из виду среди металлических гаражей за углом пятиэтажного дома. Неизвестно, какое волшебное слово она сказала на своем собачьем языке, только Фокс стремглав кинулся за ней. Гена в гонку включился третьим. Он побежал за своим псом с призывными криками: «Фокс, ко мне! Ко мне!» Забежав за угол дома, он понял, что собаки скрылись в лабиринтах гаражей. Хотел было броситься туда, но вдруг услышал свой внутренний голос: «Стой, идиот! А вдруг этот чертов эрдельтерьер и вправду вернется?»

Гена остановился, буруеваемый противоположными чувствами. С одной стороны, он знал, что его девочки огорчатся потерей проказливой собаки. Но внутренний голос проникновенно шептал: «Слушайся не чувств, а разума. Такой возможности больше не будет! Если ты найдешь пса, он в благодарность тебе, возможно, сегодня же перегрызет телевизионный кабель, а может быть порвет очередные новые тапочки. Остановись, безумец, не ведаешь,

что творишь!» Бодриков хлопнул себя по ноге свернутым поводом и пошел домой.

Потом, по требованию «женсовета», они вместе с Галюней обошли все гаражи. Собаки нигде не было. «Это судьба, Галя, – утешал жену Геннадий. – В конце концов, Фокс сам выбрал свою судьбу собачью» Пообещав жене, что завтра же даст объявление в газету о пропаже собаки, Бодриков уговорил её вернуться домой.

На следующий день, в помещении редакции городской газеты, он писал текст объявления под сверкающим из под очков взглядом строгой тетки.

«...нашедшего годовалого эрдельтерьера...» Внутренний голос, появившийся вчера, не отставал от него: «Дальше нужно написать: просьба оставить себе за вознаграждение!» Гена, всячески сопротивляясь голосу, которого со вчерашнего дня считал своим если не другом, то в любом случае, союзником, все-таки написал: «просьба вернуть за вознаграждение» Но одна ошибочка вкралась в объявление – Бодриков неверно указал домашний телефон, всего одну цифру перепутал. Теперь уже не узнать, умышленно сделал это Геннадий или нет. Скорее всего, неумышленно – попробуйте сами написать что-нибудь, если вам под руку говорит голос и смотрит за вашим пером строгий взгляд ответственного работника редакции. Так или иначе, но нашедший непутевого пса, скорее всего, оставил его себе без вознаграждения.

Как только сошел снег, Геннадий начал регулярно выезжать в садоводческий кооператив и осваивать свой участок. Он сколотил там сараюшку из горбыля, завез минимум строительных материалов, необходимых для начала строительства и стал называть сарайку «базой».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Установив палатку, двое: Карацупа и Бубнов замесили раствор для того, чтобы выложить кирпичные тумбы для

установки сруба, Бодриков ушел за питьевой водой в сторону уже освоенных участков, где стояли домики и действовал водопровод, Мякишев пошел в противоположную сторону в березовый лес, чтобы запастись дровишек.

Вскоре разожгли костер – сухостойные березовые дрова горели хорошо, на таганке стоял котелок – верный спутник друзей еще со школьных лет. Готовить обед взялся Бодриков. Митяй пошел помогать выкладывать столбики. Завтра, когда будут складывать сруб, раствор уже затвердеет и кирпичные опоры будут прочными.

Через час у Гены был готов суп из консервов. Мужики решили сначала закончить работу, потом обедать. Бодриков пришел им на помощь и стал подносить кирпичи. Бубнов сразу же, сославшись на головную боль, ушел спать в палатку.

– Не понимаю, как может кость болеть? – вслед ему съязвил Семён.

Бодриков заступился за Олега:

– Сэм, да пусть он отдыхает – видишь, у него синяки под глазами появились.

– По мне, так козла больше жаль – он-то за что пострадал? Небось, на его козлиной морде сейчас синяки никто не разглядывает.

Еще через час работа была закончена. Карацупа посмотрел на часы:

– О, так еще только пятый час. После обеда какой фронт работ? – он посмотрел на Бодрикова, который уже резал хлеб.

– После обеда, Сэм, купание и отдых. Завтра нароботаемся.

– Тогда я сгоняю домой за удочкой, заодно свою предупрежу, что ночевать здесь останусь. А то мне так и выпить не придется с этим рулем.

Дмитрий встrepенулся:

– Кстати, Гена, в сумке еще три осталось...

– Ша, ребята, – остановил его Семен. – Теперь только вечером. Иначе объявлю сухой закон до конца стройки.

– Еще один Горбачев выискался, – проворчал Митяй, – сухой закон до конца перестройки... – Но спорить с Карацупой не стал – знал, что тот если сказал, то так и сделает.

Обедали прямо на траве. Геннадий хлеб положил на газетку, туда же и батон колбасы, разрезанный на четыре части.

– Это на второе. А то суп из рыбных консервов не очень жирный. Правда, я туда двенадцать картофелин положил и две луковицы...

– Одна попадья говорила: «Бульон наваристой должен быть, я в ём ажно десять яиц вкрутую сварила!» – сказал Мякишев и заржал, не дожидаясь, когда другие оценят его шутку.

Горячий суп ели прямо из котелка, вприкуску с хлебом и колбасой. После, попив горячего чая, Карацупа собрался заводить машину.

– Олег, может и ты со мной, – спросил он Бубнова.

– Сэмэн, ну куда я с такой рожей?

У него под глазами выступили темно-синие круги и Бубнов стал походить на китайского медвежонка-панду.

– А если не появишься – опять у вас скандал будет...

– Да хрен с ним со скандалом, он всегда бывает. За восемь бед один ответ!

– Ну, как знаешь.

Семен укатил, а трое друзей отправились на речку. Для того, чтобы туда попасть, нужно было всего-навсего пройти несколько минут по центральной улице садового кооператива, повернуть направо и спуститься к реке. Если вы свернете налево, то попадете на подвесной мост, перейдя который, можно подняться на небольшой холм, сразу за ним лежала деревушка Малый Яр, где не было сельсовета, не было колхозного правления, не было клуба и даже почты. А был только магазин местного сельпо, в котором

продавали товары первой необходимости, но отсутствовали товары второй, третьей и четвертой необходимости. Население на восемьдесят процентов состояло из пенсионеров, к которым на лето приезжали дети и внуки и населенные деревушки в сто дворов увеличивалось вдвое.

Через десять минут друзья были на берегу, где кроме них не было никого – дачники еще «загорали» на своих сотках. Зато на противоположном берегу было полно ребятни.

Искупавшись в прохладной бархатной воде, улеглись на песок, подставив солнцу спины, и без того уже получившие за день изрядную порцию ультрафиолетовых лучей. Сладко шурились на солнышке, которое переходило в западный сектор небесной сферы и уже не обжигало, но нежно скользило по коже.

Прямо из-под солнца, на тропинке, ведущей от садоводства к дикому пляжу, появилась стройная кофейного цвета женская фигурка. Друзья как по команде: «Вперёд смотреть!» подняли головы и, шурясь, пытались разглядеть, кто же спускается к пляжу, чтобы разделить их одиночество. По фигуре девушке можно было дать лет восемнадцать–двадцать, но по кокетливой уверенной походке можно было лет пять–шесть накинуть. Геннадий её узнал, как только дама приблизилась на расстояние, позволяющее разглядеть её лицо без бинокля.

– А, да это же Галина Евгеньевна! – сообщил он друзьям. – В бухгалтерии у нас работает. А в садоводстве нашем она казначей. Летом почти безвылазно здесь живёт.

– Надо же, такая молодая, а сколько должностей! – воскликнул Митяй.

– Так, не моложе нас, а может даже постарше будет.

Женщина подошла к дружной компании. Она была в купальнике, а из остальной одежды на ней была только соломенная шляпа с широкими полями и лёгкий полупрозрачный платок, повязанный на талии и прикрывающий

загорелые бёдра. Теперь, вблизи, мужчины убедились, что ей никак не меньше тридцати.

– Ой, Геннадий Иванович, какая встреча! Здравствуйте! А я думаю, что это за интересные мужчины у нас на пляже загорают. Познакомьте меня с вашими спутниками.

«Ну, вот и началось!» – сказал Бодрикову его внутренний голос. «Теперь жди, Гена, какого-нибудь сюрприза от этой «шерше ля фам»

ГЛАВА ПЯТАЯ

Оставим наших друзей знакомиться с прекрасной дамой, для того, чтобы сказать несколько слов о ней самой и пояснить читателю, почему обеспокоен такой авторитетный источник, как внутренний голос Геннадия Бодрикова.

Галине Евгеньевне Добронравовой было тридцать пять лет. Несмотря на относительно молодой возраст, она уже успела дважды овдоветь. Первый её муж десять лет назад погиб в аварии. Второй, который был на двадцать лет её старше, умер от инфаркта. Ни с первым, ни со вторым детей Добронравова не нажила. Зато второй муж оставил ей в наследство садовый участок с домиком и комнату на общей кухне.

Коль скоро наше повествование претендует на почти документальную точность, заметим, что по паспорту Добронравова была Глафира Евстигнеевна, а вовсе никакая не Галина Евгеньевна, как она всем представлялась. Своё настоящее имя и отчество она считала слишком старомодными, патриархальными и, как бы это помягче выразиться, немного стеснялась своего имени, которым нарекла её матушка и своего отчества, которое ей досталось от бабушки.

Глафиру можно было бы назвать красавицей, если бы не вздернутый нос и по-сибирски широкие скулы. Но мужикам она нравилась за стройную фигуру, лёгкий, как тополиный пух характер, и не менее лёгкое поведение.

У Глафиры – Галины была ясная осознанная цель – найти третьего мужа. При этом, если она выбрала объект, то не останавливалась ни перед чем, даже если этот объект, мягко говоря, был занят, прямо говоря, женат. За это она пользовалась нелюбовью женского пола, что её не особенно расстраивало, так как недостающее тепло она получала от любви пола мужского.

Эта самая неприязнь к ней женской части коллег и знакомых особенно возросла после прошлогодней истории, когда Глафира познакомилась с двумя мужиками с автозавода и пригласила их на свою дачу.

А дело было так. Прошлым летом два товарища приехали к родственникам на именины в деревню Малый Яр. Работали они на заводе, один слесарем-сборщиком, другой – сменным мастером. После того, как посидели за столом, решили они искупаться и вдвоём под вечер отправились на речку. Окунулись, поплавали и, совсем было собрались одеваться и идти к родственнику, чтобы дальше поздравлять, значит, его с днем рождения, но на свою беду заметили, что на противоположном берегу появилась стройная фигурка цвета шоколада и помахала им, как водится, с берега рукой. А может, она первая и не махала рукой. Может быть, они первые спросили: «Девушка, вам не страшно одной вечером купаться?» На что Глафира ответила, что страшно, мол, а что поделаешь – я, мол, женщина одинокая. Ну, тут и руками махать не надо было – мужички сразу же к ней и переплыли на другой берег. Разговорились, познакомились. Тот, кто помоложе был и мастером работал, уж больно Глафире приглянулся. Да и сам он был не прочь познакомиться с ней поближе, поэтому, когда она сообщила, ненароком, что у неё дача рядом, мужики сразу согласились зайти в гости. «А чего, в самом деле? Полчасика посидим, да и всё. Пусть одежда на том берегу – куда она денется?»

Глафира Добронравова – щедрая душа – угостила их са-

могомом собственного приготовления двойной перегонки. В ту пору «сухого закона» самогон не гнал только ленивый. В городе в каждой второй квартире стоял самогонный аппарат, а в деревне так и вовсе в каждой. Не гнал только участковый инспектор, ему и конфискованного хватало.

В общем, остались мужички у гостеприимной хозяйки ночевать. Мастер в обнимку с Глафирой, а слесарь-сборщик – с бутылкой самогона. Утром совсем было собрались идти, но, опохмелившись на другой бок, снова остались. Видимо, самогон был дюже крепкий и качественный – действовал не как рвотное, а как зелье приворотное.

Опомнились только в понедельник. Рефлекс сработал – на работу нужно было во вторую смену. Как-никак, оба на цеховой доске почёта висели. Хозяйка им из гардероба бывшего супруга кое-какую одежонку дачную дала и в город отправила – аккурат сосед туда на «Жигулях» ехал. Конечно, если бы эти ребята сначала мозги включили, а потом на завод поехали, может быть, такого шума и не было. А так...

Когда они в четвертом часу появились на центральной заводской аллее, которая вела к фонтану и далее к сборочному цеху, народу сбежалось на них смотреть столько же, сколько было бы, если бы взорвалась заводская котельная. Они шли небритые, опухшие, заросшие, одетые не по росту в одежду огородных пугал, дыша сивушным перегаром дальше, чем Змей Горыныч огнём дышал, и совершенно не подозревающие о том, что их два дня уже ищут водолазы на дне речном, что в красном уголке висят их портреты с траурными лентами, что в столярном цехе стоят два аккуратных свежестроганых гроба... А эти два передовика производства шли по центральной аллее и головами крутили недоумённо – чего на них глазуют?

В общем, директор завода, когда узнал, что они нашлись и даже на работу не опоздали, накапал себе полстакана валерьянки, выпил, отдышался и приказал обоим в литейку перевести, там как раз рабочих не хватало.

А жёны их каким-то, известным только женщинам образом, узнали, у кого их мужья на двое суток «зависли». Приходили в бухгалтерию проектного института – Глаше Добронравовой нервы мотали. Скандалистки.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Глафира, как пантера, безошибочно определяющая в стаде парнокопытных ослабленную особь, с которой ей будет легче справиться, своей всепроникающей женской интуицией выбрала Митяя, как самую перспективную цель для стрельбы своими лукавыми глазками.

Она громко смеялась, когда он острил и внимательно слушала, когда он рассказывал какую-нибудь историю. А в конце, ахая, обязательно восклицала: «Ах, Дмитрий, какой вы интересный мужчина!» Они вдвоём с Мякишевым ещё раз искупались. Бубнов поначалу тоже решил приударить за новой знакомой, но видя, что она на него реагирует вяло, отнёс это на счёт своих синяков и успокоился, предоставив Митяю развивать наступление.

Бодриков только улыбался, глядя, как воркуют Митяй и Галина Евгеньевна, лёжа на речном песочке. Внутренний голос молчал, молчал и Геннадий.

Вечером, когда Гена вновь принялся за приготовление пищи, на его участке появилась Глафира. На этот раз она была одета в синий спортивный костюм и в руках у ней была корзинка, накрытая белой тряпицей. Она подошла к Геннадию, колдовавшему у костра.

– Вот, Геннадий Иванович, принесла вам перекусить кой-чего, а то замрёте тут у дачи, вдали от жён, – плотоядно улыбаясь, промурлыкала гостья.

Она стала вынимать из корзинки «перекус»: варёные яйца, добрый шмат сала, вяленую рыбу и даже две поллитровых ёмкости – одна с самогомом, другая с малиновым вареньем.

– Спасибо, конечно, Галина Евгеньевна. Мы не откажемся. – отвечал Геннадий, помешивая кипящий суп. – Но у нас, вообще-то, есть продукты.

– На одних консервах вы долго не протянете! Так что угощайтесь. А где Дмитрий Васильевич? – спросила она, оглядываясь по сторонам.

Бодриков, улыбаясь, ответил:

– В лес пошёл. Сейчас придёт с дровами. Вечер-то длинный, вот и решили запасти.

– Ага. Тогда давайте я вам помогу, – она решительно забрала ложку из рук Бодрикова и возглавила процесс приготовления супа.

Геннадий подошёл к Олегу, сказал негромко:

– Ты понял, Бубен, какие инвестиции в нашего Митяя вкладываются? Дело-то, оказывается, серьёзное!

Бубнов ухмыльнулся:

– Совет да любовь!

Ужин вскоре был готов, но есть не садились – решили подождать Карацупу. Издалека услышали тархтенье его мотора. Семён привёз две удочки и гитару. Мякишев гитаре обрадовался даже больше, чем удочкам. Он тоже играл на этом инструменте – был повод блеснуть перед новой знакомой.

Благодаря присутствию Глафиры и её подаркам, ужин прошёл весело. Потом подбросили в костёр дровишек, Карацупа принёс гитару, Бодриков – портвейн. Сели вокруг костра.

Разлив по кружкам розовую жидкость, Бодриков сказал:

– Господа, гусары! Первый тост – за присутствующих здесь дам. То есть за Галину Евгеньевну. Своим присутствием она украсила наш суровый мужской быт, своим салом она украсила наш скудный походный рацион. В общем, выпьем за женщин, которые всё вокруг украшают, а красота, как известно, спасёт мир! Ура, товарищи!

Кружки звякнули в знак поддержки пламенного тоста. Вечер продолжался. Карацупа настроил гитару, запел песню известного барда:

Ну, поедем со мной, ну, поехали!

В край забытого детского сна –

Белка ждёт с золотыми орехами,

Белоснежка глядит из окна...

Поскольку дама в коллективе была одна, то Семён, перебирая струны, поглядывал на неё.

...Где роса улыбаётся с листьев,

Солнцу свой распевая мотив,

Где стареют мужчины без писем

И подолгу молчат, получив...

Последние куплеты мужчины, перемигнувшись, подхватили:

Не удержат нас за руки площади,

Не вернут нас вокзалы назад,

Только память ручонкою дочкиной

Осторожно погладит глаза.

Мы уйдём на зелёные просеки

По дорогам, заросшим травой.

Мы уйдём. Вы напрасно нас просите

Мы вернёмся, клянусь головой!

Глафира зааплодировала: «Браво, мальчики! Вы настоящие артисты!» Бубнов толкнул в бок Геннадия:

– Ты понял? Мы уже «мальчики»...

Бодриков, хорошо зная Добронравову, отозвался:

– Нормально. Всё в пределах авиационных норм...

Мякишев взял у Карацупы гитару – тоже захотелось сорвать аплодисменты. Репертуар, однако, у Митяя был другой. Он захрипел, подражая Высоцкому:

Оторви да брось, позабуди меня!

От меня уж врозь вся моя родня.

Я как ворон стар, весь седой уже.

Лютым волком стал и мороз в душе.

Ждёт меня погост, где гниют кресты.

Оторви да брось! И за всё прости...

Митяю Глафира не аплодировала – она прослезилась:

– Какой вы право, Дмитрий Васильевич... Прямо до мурашек сердце довели!

Митяй таял и, чтобы ещё больше понравиться даме рассказывал всякие занимательные истории:

– А вот, когда я лежал в хирургии, у нас в соседней палате лежал один мужичок. У него вся филейная часть забинтована была. Он на унитазах взорвался...

Глафира прыснула. Бубнов усмехнулся:

– Мели Емеля, твоя неделя. Ты бы хоть какую-то меру знал!

– Ну, что вы на самом деле, Фомы неверующие! Истинная правда. А дело было так. Пришли к ним гости на именины. Там, понятно, застолье, все дела. И уронил он случайно салат себе на колени. А в новом костюме был. Жена его сразу же посылает – иди, мол, почисти брюки сразу же, а то потом пятно не отстирать будет. Взял он бутылку растворителя и пошёл в туалет. Там брюки растворителем почистил, а остатки из бутылки выплеснул в унитаз. Потом сел на него и закурил. И всё бы ничего. Только он по привычке, когда докурил, приподнялся и окурочек в унитаз бросил. Растворитель, понятно, разом вспыхнул и обжёг ему всё хозяйство. Он подпрыгнул и башкой в сливной бачок врезался. Брюки, пропитанные растворителем, тоже загорелись. Короче, когда гости, услышав грохот и вопли пострадавшего, ворвались в туалет, то увидели, как он в спущенных обгорелых штанах с разбитой головой лежит на унитазах и стонет...

– Итак, конкурс вралей открыт, – объявил Бодриков, – кто следующий? Все начали по очереди рассказывать свои байки, одна невероятнее другой.

Когда кончились рассказы и портвейн, Митяй пошёл провожать Глафиру.

– Вот и разрешился сам собой вопрос, – сказал Бодриков, шевеля веткой угли в костре.

– Какой вопрос, Гена? – спросил Олег.

– Как разместиться четверым на ночь. Палатка-то двухместная, а в сарае только один может разместиться – там всё стройматериалами и барахлом забито. А Митька до утра не покажется...

– Ой, Геша, волнуясь я! – дурашливо запричитал Бубен.

– А как да и утром он не покажется? Потеряем друга.

– Как бы мы тебя, Олежик, не потеряли – вот заявится твоя благоверная...

Все знали, что мадам Бубнова отличается строгостью, а тут так получилось, Олег не предупредил её, что останется на Бодриковской даче ночевать.

– Не напоминай мне о ней, только, понимаешь, настроение поднялось... Надоели эти скандалы.

– А ты не приходи домой каждую пятницу пьяным, меньше будет скандалов, – отозвался Семён, – лучше уж дома выпить. Всё бабе спокойней будет.

– Ты думаешь, Сэмэн, я не пробовал? Сколько раз! Находит бутылку и выливает в раковину.

– Всё равно какой-то компромисс надо искать.

– А я нашёл. У нас в большой комнате, где телевизор, сервант стоит. А в нём фужеры, рюмочки чешского стекла. Ну, значит, я бутылку водки заранее разливаю по этим рюмочкам. Там же не видно ни хрена, с водкой рюмка или пустая. Смотрю футбол по телеку, Любка на кухню – я рюмку хлоп и всё в порядке. Хороший был компромисс.

– А потом что?

– А что... Потом через пару недель вздумала там пыль протереть и вылила на себя целый фужер водки. Вот крику было! Хоть из дому беги...

– Пойдёмте –ка лучше спать, – Бодриков поднялся и отряхнул штаны, – завтра нам с тобой, Сэм, рано выезжать.

Все трое поднялись в шесть часов, сбегали на речку, искупались. Утренняя прохлада и речная вода действовали, как допинг – бодрили душу и тело. Вскипятили чай. К чаю впридачу съели три банки рыбных консервов.

Потом Бубнов взял удочку, умотал на речку. Карацупа и Бодриков, прихватив сумку, сели в «Москвич» и укатили. Добравшись до города, объехали его по кольцевой, проиграв в расстоянии, зато выиграв по времени.

В девять часов «Москвич» уже въезжал на территорию кооператива, заваленную кругляком и заставленную готовыми срубами. «КамАЗ» с нарощенными бортами их уже ждал. Надо было принять работу и загрузить сруб. Из начальства никого не было, зато на месте была бригада, которая выполняла заказ Бодрикова.

К ним подошёл бригадир – длинный нескладный мужик с морщинистым лицом.

– Ну, айда-те смотреть сруб!

Они прошли метров пятьдесят вдоль забора и бригадир кивнул:

– Вот он, ваш стоит. Шесть на четыре, как заказывали.

Бодриков обошёл вокруг:

– А что, Сэм, мне нравится. Смотри, какие брёвнышки ровненькие – один к одному!

Карацупа стоял, нахмурившись и скрестив руки на груди. Потом сплюнул сквозь зубы и спросил бригадира:

– Тебя как зовут?

– Василий.

– Слушай, Вася, тебе же дачу заказывали, а ты баню срубил...

– Мне начальник сказал сруб сделать, шесть на четыре – я сделал. А что это будет – дача или баня, меня не колышет. Наш кооператив делает срубы для бань!

– А что такое, Сэм? – обеспокоился Бодриков.

– А вот смотри, Гена – у бани бетонный пол заливается прямо на земле. Потом на него можно положить деревянную решётку и окей. Поэтому такой высоты сруба достаточно. А в жилом помещении делается настоящий деревянный пол над первым рядом. Да ещё последний ряд делается над потолком, чтобы утеплитель не свалился и чтобы подстропильные балки на него положить. Итого, если с этим срубом так поступить, то в чистоте останется десять рядов, потому что здесь всего двенадцать. А десять рядов это... – Карацупа повернулся к бригадиру:

– Дай-ка, Вася, рулеточку!

Семён замерил десять рядов в высоту:

– Это будет метр шестьдесят. В такой даче только на коленках ползать...

– А что же делать, – обеспокоенный Бодриков посмотрел на Карацупу, потом на бригадира. – А?

Василий ответил:

– Завтра будет начальник, будет бухгалтер. Доплатите. Нам прикажут, мы ещё хоть пять рядов срубим. Через неделю приедете, заберёте.

Карацупа приобнял бригадира за плечи:

– Торопиться не надо, фельдмаршал, у нас с коллегой другое предложение. Вы нам даёте материал на четыре ряда. А мы вам, – он понизил голос до шёпота, – портвейн. А?

На худой жилистой шее бригадира кадык дёрнулся вверх, потом опустился вниз:

– Сколько? – спросил он Карацупу тоже шёпотом, хотя вокруг на добрую сотню метров не было никого. Семён повернулся к Бодрикову.

– Сколько у нас, Гена, в сумке?

– Две.

– Это мало, – запротестовал бригадир, вы же шестнадцать палок просите!

– У меня ещё сигареты есть, «Прима», – Бодриков с

надеждой смотрел на Василия. У того глаза радостно блеснули. И верно, без спиртного-то мужики живут и ничего – даже толстеют, а вот попробуй без курева проживи, когда во всех магазинах на полках – хоть шаром покати!

– Пять пачек, – сразу «заломил» цену бугор, – нас в бригаде пятеро.

– Стоп, стоп, фельдмаршал! – вмешался Карацупа. – Есть контрпредложение: каждому по две пачки, то есть всего десять, и ты нам даёшь ещё подтоварник на стропила.

– А не жалко для хороших людей! За курево – пожалуйста. У нас его, как грязи! – Они с Семёном ударили по рукам и бригадир рысью побежал отдать распоряжение о погрузке.

За полчаса загрузили брёвна, потом бригадир с Бодриковым пошли забрать из машины обещанные «деликатесы». Мужики под командованием Карацупы накидали подтоварника и жердей до самого верха. В половине одиннадцатого выехали. «Москвич» ехал впереди, грузовик за ним.

– Вот видишь, Гена, не зря мы неделю отпуска взяли. Неожиданно дополнительная работа подвалила – сначала надо четыре верхних ряда срубить, потом уже собирать сруб, – сказал Семён, вырвав на трассу.

– А долго это – четыре ряда?

– Так, по-хорошему, и за день можно управиться, но с этими ранеными, пожалуй, и два дня проваландаемся...

– Почему с ранеными?

– Ну как же? Один козлом раненый – другой стрелой Амура. Ни дна им, ни покрышки! – засмеялся Карацупа.

К обеду добрались до места назначения. Бубнова и Мякишева на участке не было. Карацупа залез на «КамАЗ», начал сбрасывать жерди, крикнул Бодрикову:

– Гена, сходи за ними на речку – пусть идут, помогают. Брёвна сруба надо аккуратно выгружать, а то все «ласточкины хвосты» поломаем!

Через пятнадцать минут Олег и Митяй уже выгружали

брёвна. Складывали согласно разметке в четыре разных штабеля.

Бодриков рассчитался с водителем и отпустил грузовик:

– Теперь можно и пообедать!

– А всё готово, Гена, всё готово, – засуетился Митяй.

– Вот, Бубен рыбки наловил, а Галина Евгеньевна ушицы сварила.

Бодриков переглянулся с Карацупой и хмыкнул:

– Что ж, готово, значит, отведаем вашей ушицы!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Солнце в этот день палило нещадно. После обеда прилегли отдохнуть и проспали два часа. Видимо, сказалось, что ночью мало спали.

Первым проснулся Карацупа. Зычным окриком поднял остальных:

– Рота, па-а-адъём! Кончай ночевать, алкоголики, туняйцы, хулиганы! Ночью спим, днём спим. Кто работать будет? А ну, быстро выходи строиться! Песчаный карьер – два человека!

Днём просыпаться и вставать было тяжелее. Жара угнетала. Митяй вылез из палатки, потряс головой:

– Сэмэн, давай искупаться сходим? Бубен вон, даже глаза разлепить не может...

– Ты и так полдня купался. Скоро солнышко скроется – муравейник закроется, а вы всё ещё палец о палец не ударили. А ну, быстро схватили брёвнышко и весело понесли!

Мужики положили на кирпичи последний двенадцатый ряд сруба.

– А теперь наша задача – над ним срубить ещё четыре ряда. Потом разбираем. И укладываем, начиная с первого ряда уже на паклю. Итого у нас будет шестнадцать рядов. Всё понятно?

– Понятно! Давай уже, причёркивай.

Семён уже успел из бруска и двух гвоздей сделать плотницкую черту. Причеркнули сразу две шестиметровки. У одного бревна выбрали паз и положили. В это время на участке появилась Глафира с корзиной.

– Мальчики, а я вам сегодня пирожков испекла!

– Митька, твоя Красная шапочка пришла, пирожков принесла, – Бубнов воткнул топор в бревно.

Семён посмотрел на солнце:

– Ну что ж, на сегодня можно и закончить. Главное, весь материал привезли и даже рубить начали – день не зря прошёл.

Бодриков отправился за водой, Семён с Митяем – за дровами. Бубнов собрал щепки и зажёл костер.

– Разрешите, Галина Евгеньевна, попробовать вашу продукцию, – Бубнов запустил руку в корзину и выудил ещё теплый пирожок.

– О, ш капуштой! – воскликнул он, откусив сразу три четверти пирожка. Проглотив в две секунды, спросил:

– А хотите, я вам анекдот про пирожков расскажу?

– Расскажите, – заулыбалась Добронравова.

– Три пирожка начали ухаживать за булочкой, а один и говорит: «Ты, булочка, на тех двоих не обращай внимания – они с капустой, я один с яйцами!»

Глафира прыснула.

В это время – ни раньше, ни после, а по известному закону, именно сейчас, к участку подъехала «копейка» канареечного цвета. Из неё вышла Любовь Бубнова собственной персоной. Она взяла с заднего сиденья чемодан и направилась к веселящейся парочке. Дородная Люба швырнула чемодан под ноги растерявшемуся Бубнову:

– Я вижу, ты уже и замену мне нашёл! А я думаю, чего он домой ночевать не приходит? – с полоборота завелась Бубнова. – О! А рожа-то у тебя – вся в синячищах! Бабу с дружками не поделили? В чемодане твои шмотки. Можешь больше домой не приходите – живи, где хочешь, с кем хочешь!

Она развернулась и направилась к ожидавшей её машине. Бубнов за ней:

– Любка! Стой, подожди!

Но Любка уже села в машину, зло хлопнула дверцей. Машина уехала.

– Ну, надо же! – возмутился Бубнов. – Ещё и свояка с машиной гоняет! Такси нашла... Тьфу, дура! – он в сердцах пнул чемодан. Сунул руки в карманы. «Чемодан-то в чём виноват!» Поднял и отнёс к палатке.

Одновременно подошли Бодриков с водой и Карацупа с Митяем – с дровами. Все обратили внимание на контрастирующий с походной обстановкой яркий чемодан.

– Моя приезжала – передачку привезла. Развод, короче, по-итальянски, – пояснил Бубнов.

Сели ужинать. Глафира принесла поварёшку и чашки. Так что не приходилось каждому тянуться ложкой к котелку. Кроме яиц, сала и самогона она принесла дюжину пирожков с капустой, которые мужики умяли вмиг, угощая Добронравову изощрёнными комплиментами за вкусную стряпню. Митяй на правах фаворита даже чмокнул её в щёчку прилюдно. Было не понятно, правда, отчего он так расчувствовался – от пирожков или от самогона, потому что как раз держал в руках стакан с первачом.

– Чего загрустил, Олег? – «укусил» друга Карацупа. – Сам же говорил, за восемь бед – один ответ. Получил вольную – теперь можно спокойно строить Генке дачу.

– А я не загрустил, я вспоминаю: это который по счёту раз мы разводимся? Помнишь, Митяй, я у тебя две недели жил? Когда это было?

– Так уже два года прошло. Кстати, если что, – то, пожалуйста. Мамаля возражать не будет.

– Переезжай к нему, Бубен, – продолжал шутить Семён. – По тому, как он всерьёз взялся обихаживать нашу кормилицу – Галину Евгеньевну, он скоро в город переедет. Одна его мамаля останется в квартире!

Глафиру, однако, такими шутками не сконфузишь – она театрально положила голову на плечо Мякишева и промурлыкала:

– Пусть это будет нашей маленькой тайной. Правда, Дмитрий Василеч?

После ужина снова зазвенела гитара. Мягкий баритон Карацупы выводил:

Мы здесь город построили –

В этом диком краю.

Кедры высятся стройные,

Как солдаты в строю...

– А что, Гена, лет через пяток зашумят здесь у тебя яблони, покраснеют помидорчики, зазеленеют огурчики. Главное все свое – с грядки, и бесплатно! – Митяй хлопнул Бодрикова по плечу.

– Ага, бесплатно! – Бубнов подбросил в костёр дровишек. Снова сел, – Построй дачу, потом теплицу, потом привези навоз, торф, удобрения всякие – не одинакие, купи рассаду, средства от вредителей, инструмент, да ещё доберись сюда из города, чтоб наработаться – вот потом, будешь наслаждаться бесплатными помидорчиками. Если, конечно, до тебя их кто-нибудь не соберёт!

– Ничего, глаза бояться – руки делают! Всё посадит - и яблони, и груши...

– Может быть, может быть, – Карацупа передал гитару Митяю и чокнулся с ним остатками самогона. – Но сначала мы здесь посадим свою печень!

Бодриков затянул весёлым дискантом без музыкального сопровождения:

Я на даче горько плачу –

Денег нет на семена.

Засажу я хреном дачу –

Лучше хрен, чем ни хрена!

Опять отправились спать только в час ночи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Как ни торопил Карацупа своих работников пилы и топора, но сруб собрали на паклю только в среду. Теперь нужно было вырезать двери и окна, сделать черновой потолок и тогда можно будет приступить к установке стропил.

Положили последнее бревно, Семён посмотрел на часы:

– Так, восемнадцать ноль – ноль. Ужинать ещё рановато, начинать другую работу – поздновато. Съезжу-ка я домой на пару часиков.

Сходили искупались. Потом Карацупа упал на свою рабочую «лошадку» и укатил. Митька с Глафирой стали готовить ужин. Бодриков и Бубнов заспорили – сбривать пятнадцатидневную щетину или бороды отращивать.

– Давай, Гена, побреемся, – уговаривал Бубнов друга. – Зря, что ли, ты станок с собой брал?

– Я станок брал на всякий пожарный. А теперь решил с бородой походить. Когда ещё выпадет такой случай – не бриться целый месяц. Только в следующий отпуск. Это целый год ждать. А ты хочешь – брейся!

– А я не хочу один. Я хочу, как все.

– Как все не получится. Митяй бриться не будет, а Сэм приедет побритый – вот увидишь. Он после военного училища привык бриться.

Был в биографии Семёна Карацупы такой факт – целый год он проучился в училище ВДВ. Но неудачно прыгнул с парашютом – сломал ногу – и был комиссован.

Бубнов стал уверять, что Карацупа бриться не будет, пока на работу не выйдет. Они поспорили. Митяй разбил их рукопожатие.

– На что спорили-то, – поинтересовался запоздало.

– На желание. Кто поспорит, тот желание выигравшего выполняет.

– Ну, знаете, так можно всё что угодно придумать!

– Ничего, ничего! Мы договорились – всё будет в разумных пределах.

Семён приехал, когда уже стемнело. Был он небрит и задумчив. Бубнов толкнул локтем Геннадия:

– Ты проиграл – он не побрился.

– Подожди, что-то он опечаленный какой-то.

Когда все разошлись Бодриков спросил:

– Сэм, чего расстроенный такой?

– Да не расстроенный я, Гена. Не расстроенный, а задумчивый.

– О чём задумался, детина?

– Ты представить себе не можешь, о чём! Даже не знаю, как объяснить. Нет, не так. Как объяснить, знаю. Не знаю с чего начать...

– А ты начни с середины. С самой сути, так сказать.

– В общем, развелись мои тесть и теща...

– Не понял?

– Да я сам ничего не понял! Приезжаю, смотрю – теща у нас в гостях. Ну, здороваюсь, туда-сюда, хорошо говорю, что приехали. Давно не бывали. А Пётр Ильич как, жив-здоров? А Нина моя потом на кухню меня зазвала и объясняет, что мать, мол, от отца уехала. Теперь, говорит, домик в Вишнёвке хочет купить...

– Ни фиги себе... А на какие шиши?

– Вот и я её спрашиваю: на какие шиши? А она мне, мол, мама деньги с книжки снимет, у ней там три тыщи... А пока, мол, у нас поживёт.

– Ну, что ж, прими соболезнования, моя теща с нами уже целый год живёт. А побриться тебе всё равно надо было, несмотря на такое потрясение. А то я, понимаешь, Бубнову из-за тебя проспорил...

Карацупа потрянул головой:

– Пошли спать. Ты уже продумал, с какой стороны у тебя дверь будет, с какой – окна? Я «Дружбу» привёз – завтра вырезать будем.

– Всё продумал, завтра покажу.

На следующий день встали раньше обычного. В семь часов утра щебетанье птичек в лесу перебил рёв бензопилы «Дружба». Карацупа решил в этот день ударным трудом нагнать отставание от графика.

Вырезав дверь и три небольших окна, мужики накидали черновой потолок и уложили подстропильные балки. «Пошабашили» уже в девять часов вечера. Умаявшись за день, у костра с гитарой уж не сидели. Поужинали и сразу легли спать.

Утром встали в восемь часов. Попив крепкого чая, начали устанавливать стропила.

К обеду, откуда ни возьмись, набежала огромная туча. Подул ветер. На западе засверкали молнии. Не успели мужики спуститься вниз, как небеса разверзлись и хлынул ливень. Пока добрались до сарайки, все уже вымокли до нитки.

Через двадцать минут дождь начал стихать. На западе засветлело небо. Грозовая туча уходила на восток. Дождик уже капал потихоньку. Сквозь сизые облака пробивалось солнышко.

Митяй выскочил и побежал в палатку. Вернулся с бутылкой самогона.

– Это резерв, Сёма, лекарство... Чтобы, значит, не простыть, – начал оправдываться Митька, перехватив сердитый взгляд бригадира, – ты же знаешь, у меня хронический бронхит!

– У тебя, Мякиш, хронический алкоголизм, это я знаю. А про бронхит впервые слышу! Очень трудно простыть, когда на термометре плюс тридцать, а дождь тёплый, как парное молоко...

Но Бодриков уже доставал стаканы и закуску.

– Может быть, действительно, не повредит сто грамм наркомовских?

Карацупа махнул рукой:

– Чёрт с вами! Всё равно сейчас наверх не полезешь – опасно. Брёвна после дождя скользкие...

Дождь прекратился совсем. Вышли из сарайки, задумали закурить. Ан, нет. Оказалось сигареты кончились.

– Глаша говорила, что в сельповский магазин вчера курево завезли, – изрёк Мякишев, – дают по одной пачке в руки.

Его никто не понял.

– Какая Глаша? – удивлённо спросил Бубнов.

– Так, Галина Евгеньевна по паспорту – Глафира...

– О, ты уже и до её паспорта добрался!

– Ничего себе, – засмеялся Бодриков, – сколько лет с ней работаю, а не знал...

Карацупа перебил:

– Да ну вас, с паспортами! Что ты насчёт курева сказал?

– Идти, говорю, в магазин всем надо. Потому что одному покупателю только одну пачку дадут.

– Так вот и идите втроём. Гена не курит, купит мне пачку. А я пока оставшиеся стропила готовлю.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Бодриков сунул в карман шорт деньги и друзья отправились на другой берег в деревню Малый Яр. Через подвесной мост шли медленно – доски были ещё мокрыми. Вышли на берег и поднялись на холм. Перед ними открылась удивительная картина: от садов и огородов поднимался пар – земля благодарила небо за долгожданную влагу.

Улицы деревни можно было бы назвать пустыми, если бы не утки, свиньи и ребятишки. И те, и другие, и третьи искренне радовались пролившемуся дождю и глубоким тёплым лужам.

Как ни старались обходить грязь и идти по травке, всё-таки, в грязи уляпались. На подошвах каждый тащил по килограмму глины. Перед крылечком сельповской лавки,

щепками, как могли, очистили обувь. В магазине не было никого. Из подсобки вышла к прилавку продавец – пухлая женщина в когда-то белом халате.

– Здравствуйте, вам! – громко поздоровался Митяй.

– Здрости! – улыбнулась продавец.

– Говорят, у вас табак есть?

– Есть, да не про вашу честь! – также с улыбкой отвечала продавец. – Продаём только своим, деревенским. А дачники пушай в городе берут.

– Так мы же деревенские! Из Вишнёвки мы, а вовсе не из городу.

– Вот в Вишнёвке и отоваривайтесь, – хитро улыбаясь, отвечала хозяйка магазина, – или берите чего-нибудь в нагрузку. Тогда и сигареты продам.

– Так, – Митяй оглянулся на Бодрикова.

– А что вы предлагаете в нагрузку, – поинтересовался тот.

– А вот хоть шампанского возьмите. Деревенские его не берут, а мне план выполнять надо.

– Ну что, друзья, придётся взять, – Бодриков протянул продавцу деньги.

Взяли бутылку «Советского шампанского» и три пачки сигарет без фильтра.

– Это называется, сухой закон в действии – как его понимают на местах, – прокомментировал покупку Геннадий, когда вышли из магазина. – Не хочешь выпить, так нет – тебя заставят взять бутылку! А хлеба в магазине нет, так это ничего...

– Хлеб утром привозят. Сразу разбирают весь. Лишнего продавец не заказывает, – пояснил Мякишев. – А чего мы, как дурни, потащимся с этой нагрузкой через всю деревню. Перед людьми неудобно. Давайте, разопьём пока холднёвская и делу край!

Бубнов взял бутылку из рук Геннадия, стал открывать. Пробка выстрелила ему прямо в нос и упала в грязь. Митяй подобрал и сунул в карман:

– На поплавок пригодится.

– Давайте, хотя бы на лавочку сядем, – предложил Бодриков. Присели на скамейку у палисадника. Не торопясь освежились шампанским.

– Благодать, – вздохнул Бодриков.

– Блаалепие, – подтвердил Митяй.

– Лепота! – поправил Бубнов.

– Точно – лепота, – согласился Геннадий. – Потому что, благодать – это кайф без угрызений совести, а я уже угрызаюсь. Там Сэмэн нас уже заждался, наверное.

Они пошли в обратный путь всё по той же главной деревенской улице, в конце которой было заметно некоторое оживление. Подойдя ближе, они увидели, что местные ребяташки устроили себе оригинальную забаву.

В луже лежало несколько свиней. Пацанята подкрадывались к ним, затем вскакивали на спину и, держась крепко за свиные уши, мчались верхом на визжащей свинье. Цель была как можно больше времени удержаться верхом на свином скакуне, что, надо сказать, было довольно трудно, потому что, когда свинья бросалась в рысь, а потом в карьер, всаднику без седла и стремян приходилось туго. Особенно отличался худенький пацанёнок лет десяти. Он так ловко обхватывал ногами свиное туловище, что ему удавалось продержаться больше других.

Друзья остановились посмотреть на потеху. Стали криками подбадривать пацанов.

– Эх, сбросить бы шас десяток годочков, – воскликнул Митяй, – я бы с удовольствием прокатился!

– А что? Это мысль, – отозвался Бубнов и как-то странно посмотрел на Бодрикова. Потом обратился к Митяю:

– Так что, может тряхнёшь стариной, вспомнишь молодость?

– Я бы тряхнул, да уж больно они грязные, пачкаться не хочется...

– Ну, а у Геннадия выбора нет, – сказал Олег, положив

руку на плечо Бодрикова. – Ему придётся испачкаться. Он проспорил мне, так что пусть прокатится...

– Ты чё, Бубен, с дуба рухнул? Договаривались же – в пределах возможного!

– А чего тут невозможного, – Бубнову шампанское ударило в голову и душа просила: «Хлеба не надо, зрелищ давай!», – малолетки катаются! Между прочим, это такой же долг чести, как карточный долг.

Гена заколебался:

– Так свинья ж мой вес не выдержит!

– Ой, не смеси – твои-то шестьдесят килограмм не выдержит?! Это ж не мои девяносто. Вон с того края лежит здоровенная – она подойдёт тебе по весовой категории. Давай!

Конечно, Геннадий бы не согласился на эту авантюру, если бы не шампанское и внутренний голос. А он как раз нашёптывал: «Давай, Гена, давай! Утри нос друзьям своим. Покажи свою ковбойскую ловкость! Вспомни, как в детстве – на лошади верхом и без седла»

– Ну, была, ни была, – сказал Бодриков. Вынул из кармана сигареты и деньги, подал Олегу, – держи пока!

– Ты, главное, за уши, за уши крепче держись! – давал «жокею» последние тренерские наставления Митяй.

Не то чтобы Бодриков пошёл на поводу у всех своих советчиков. Он-то в глубине души решил показать друзьям невозможность сего предприятия, просто сделав попытку оседлать грязного «мустанга», и, надо признать, это у Гены получилось довольно убедительно: он зашёл со стороны огорода, чтобы не шагать через всю лужу и приблизился к свинье. Та встревоженно вскочила на ноги, кося маленькими глазками на Бодрикова. Он почесал её за ухом, она отозвалась тоненьким «хрюком». Почесал за вторым. Потом быстро ухватил свинью за уши мёртвой ковбойской хваткой.

Что произошло дальше, измерялось не в минутах и даже не в секундах, а в миллисекундах. Ненормальная свинья

истерически взвизгнула и рванула как ракета не по улице, как все свиньи, а в ближайший огород, где было прясло из жердей. Нижняя жердь в одном пролёте отсутствовала. Именно туда и рванулась свинья, как пуля преодолев расстояние между лужей и забором. Она проскочила под верхней жердью, и та пришлась прямо в лоб несостоявшемуся наезднику, который в запале не успел выпустить из рук свиные уши. Последнее, что запомнилось Бодрикову, так это вспышка молнии в глазах и ... Аут!

Друзья опомниться не успели, как толстенная сосновая жердь от удара разлетелась пополам. Её обломки валялись перпендикулярно забору. Их друг и работодатель лежал без сознания в чужом огороде. Мерзкое животное скрылось в зарослях картошки.

– Вот ёлы-палы! – воскликнули одновременно Митяй и Бубен. Они ожидали чего угодно, но только не такого исхода. А если уж говорить честно, они вообще ничего не ожидали. Процесс был интересен. Теперь результат придётся расхлёбывать.

Они бросились на помощь лежавшему без чувств наезднику. Подняли его и, положив его руки себе на плечи, вывели с чужого огорода. Постепенно шея у Геннадия заработала – голова стала держаться.

– Вот видишь, Митяй, он уже головку держит, – заметил Бубнов, – значит будет всё хорошо!

Сознание постепенно возвращалось. Первое, что услышал Бодриков, это внутренний голос: «Я так и знал, что этим кончится!»

– Убил бы тебя, падлу! – ответил Гена ему.

– Кого, Гена, – спросил Митяй, – Бубнова или свинью!

– Нет, – промычал Гена, – внутренний голос.

Мякишев посмотрел на Бубнова. Оба покачали головами. Совсем плохо – заговаривается.

– Если, пока идём, не обыгается, придётся в город везти, – сказал Бубнов.

Подошли к реке. Присели на берегу. Бодриков поднялся, зашёл по колено в воду и намочил голову:

– Вроде, полегчало.

– А то мы уже хотели просить Семёна, чтоб в больницу тебя увёз, – отозвался Бубнов.

– Ещё чего!

– Вот и я говорю, Семёну вообще ничего рассказывать не надо, – вмешался Митяй. Он боялся, что Карацупа опять отчитает его, как подстрекателя, поэтому забежал к Глафирире «на минуточку», предоставив Олегу и Геннадия право отдуваться.

Семён заметил шишку на лбу и синяки под глазами Бодрикова. Спрашивать ничего не стал, ограничился шуткой:

– А тебе идёт! На моего «Москвича» стал похож – весь грязный и с фонарями.

Зато, когда появился Митяй, взял его за цугундер:

– Опять ты, провокатор, постарался?!

– Да чё я - то? В натуре, Сэмэн, ну, сроду такого не было, а тут, блин, опять то же самое!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

В тот день все стропила выставить не успели. А на следующий – в субботу – закончили стропила и сделали обрешётку. Геннадий в это время конопатил пазы, чтобы птицы не растащили торчащую паклю. Работа была однообразной и монотонной. Зато голова была не занята. Он вспомнил, что приехал в прошлую субботу. Кажется, как будто вчера, а сколько событий вместил короткий промежуток времени. Домик построили. Митяй жениться собрался. Олег собрался разводиться. Чудно! Ещё чуднее – к Семёну теща одна приехала. Тестя оставила. Может быть, на прошедшей неделе были какие-нибудь вспышки на солнце, вот и чудит народ. Потрогал шишку на лбу – прямо посередине, как у единорога.

«А у тебя самого-то дома всё в порядке? – вдруг спросил внутренний голос. – Ведь за всю неделю ни разу не позвонил. А ведь мог бы от Карацупы позвонить. Приедешь домой, а там жена скажет, что разводиться с тобой собралась? А, Гена?» Некстати вспомнил: «Год-то нынче не простой, а високосный!» Геннадий забеспокоился. Слава Богу, завтра шифером накроют дачу и домой.

Вечером устроили прощальный ужин. Собственно, от других ужинов отличался он только тем, что Бодриков объявил его торжественным и дал денег Глафире, чтобы та взяла ещё шампанского в магазине. Что она добросовестно исполнила, а также опять принесла своей домашней выпечки. Митька – подстрекатель, как теперь стали называть Митяя с лёгкой руки, вернее, с лёгкого языка, Карацупы, уговорил Глафиру принести на прощальный ужин, не одну, а две бутылки самогона. Но, когда он попытался открыть вторую, Семён его остановил:

– Это будет уже лишнее. Так что, спрячь!

Мякишев заспорил:

– Сэмэн, ну что это за организация торжественного ужина!

– Как организатор, ты себя уже проявил, теперь прояви, как исполнитель.

– А я что делаю? Вот ещё поллитра проявителя! Разрешите исполнять?

– Ты читал в «Правде» статью Егора Лигачёва о том, сколько счастья пришло в советские семьи, благодаря «сухому закону»?

– Кстати, недавно мне в руки книжка попала, – подключился Бодриков, – история американской «Коза Ностры». Так там написано, что мафия появилась и окрепла благодаря сухому закону, который действовал в Штатах в тридцатые годы. Разбогатели гангстеры на бутлегерстве, а потом уже стали наркотиками и оружием торговать.

– У нас то же самое будет, – поддержал Бубнов.

– Не будет у нас мафия оружием торговать! Армейские прапорщики конкурентов не потерпят...

– Если бы прапорщики, генералы торгуют.

– Вот-вот, – встрял Митяй, – а всё началось с того, что запретили мужику выпивать! Небось, Сталин не дурак был, когда сто грамм «наркомовских» наливал.

– Митяй, чего ты несёшь! Путаешь божий дар с яичницей. Где «сто грамм» и где сегодняшняя «перестройка и перестрелка»?

– Все перестройки и перестрелки по пьянке делали, сперва толпу вели к винным погребам, а потом Бастилию брать или Зимний.

– Пьяные не только бунтовали, но и стихи писали, – подливал масла в огонь Геннадий, решив выступить адвокатом Мякишева. – Например, «Отговорила роща золотая...», «Послушай, Зин, не трогай шурина!», ещё поэму «Москва – Петушки»...

– О, точно! Правильно, Гена... А трезвые, что миру подарили? Чингиз-хана и Гитлера!

– Между прочим, Гитлера в тридцать восьмом году номинировали на Нобелевскую премию мира, а американский журнал «Тайм» признал его человеком года.

– Нашего Горбачёва тоже признал...

– Ну, так, одно дело делают...

Просидели у костра допоздна. Тем не менее, наутро Карацупа беспощадно поднял всех в шесть часов утра и подгонял, покрикивая:

– Аллес форвардс! Арбайт, арбайт! Таузенд тойфель! К обеду должны закончить и нах хаус!

Бубнова и Мякишева загнал наверх, сам с Бодриковым подавал листы шифера и смотрел, чтобы укладывали по шнурку. К двум часам дачный домик был закрыт. Прибили конёк, заранее изготовленный из строганных досок.

– Всё, Гена, теперь от дождя можешь укрываться в своём доме!

Стали убирать палатку, собирать инструмент и прочее. Пришла Глафира.

– А вы, Галина Евгеньевна, с нами едете? – спросил улыбаясь Карацупа.

– С нами она, с нами, – ответил за неё Митяй. – С мамой её хочу познакомить.

– Вот как! Это что уже помолвка? А почему друзей не приглашаешь?

– Так надоели вы мне за эти девять дней... Пригласим на свадьбу! Как же без вас?

Бодриков сел впереди рядом с водителем. Полупустую спортивную сумку положил на колени. Бубнов, Мякишев и Глафира устроились на заднем сидении. Чемодан Бубнова тоже пришлось поставить на колени – багажник был занят инструментом. Мотор заурчал, «Москвич» на просевших рессорах тронулся с места. Геннадий ещё раз оглянулся на свой дом. С высокой крышей, накрытой свежестроганым коньком, он выглядел как корабль в зелёных волнах близстоящих берёз. У Бодрикова в душе было ощущение, что сделано что-то важное и дело было не только в построенном дачном домике.

В Вишнёвке Карацупа высадил Бодрикова прямо на автобусной остановке.

Геннадий помахал рукой отъезжающему «Москвичу»:

– Удачи!

– Тебе удачи на новой даче! – Крикнул ему в ответ Митяй, высунувшись из машины.

Через полчаса Геннадий дождался автобуса, а ещё через час он уже шёл, нет мчался по городу на своих двоих, торопясь увидеть свою семью. Почти бегом, перепрыгивая через ступеньку, поднялся на свой третий этаж и позвонил в квартиру.

Дверь открыла жена. Она как-то странно на него посмотрела:

– Вам кого?

Геннадий опешил. «А что я тебе говорил!» – забубнил внутренний голос.

– Ты что, Галочка, это же я!

– О, господи, на кого ты похож! Я ведь, действительно, тебя не узнала сразу! Ты давно в зеркало смотрел?

Гена опустил на пол сумку, поцеловал жену, подошёл к зеркалу и вздрогнул. На него смотрел загорелый до черноты и исхудавший бродяга. Волосы, десять дней не знавшие шампуня, торчали в разные стороны. Подбородок и шею покрывала чёрная щетина. Под глазами цвели чёрно-зелёные синяки. Прямо посередине лба, как фонарь шахтёра, тускло отсвечивала здоровенная шишка. Вид прежнего Геннадия Ивановича Бодрикова в настоящую минуту можно было восстановить только по черепу смотрящего в зеркало субъекта.

Пока Галюня разогревала ему обед, он принял душ и побрился. Подошёл к зеркалу. Результат не обрадовал. Там, где он сбрил растительность, кожа была белая и лицо стало пятнистым: светло-загорело-чёрно-зелёным. «Время нужно», – подсказал внутренний голос. И Геннадий с ним согласился. Он вошёл на кухню. На столе в тарелке дымился борщ.

– Ты знаешь, Гена, – Галюня присела напротив, – я тебе должна что-то сказать. Только ты не волнуйся.

Геннадий напрягся и перестал жевать:

– Что такое?

– У нас Фокс нашёлся...

– Фу ты, напугала. Да хрен с ним, пусть живёт! А где он? – Геннадий зачерпнул ложку борща.

– Только он не сам нашёлся. Его один пенсионер нашёл. А он оказался одноклассник мамы...

– Ну и что? А где мама?

– Понимаешь, он оказался одиноким... В общем, она сейчас у него и Фокс там.

Геннадий пронёс ложку мимо рта:

– Как это?

– Ну, в общем, они жить вместе будут.

– С Фоксом?

– С пенсионером с этим, с одноклассником. Его Александр Петрович зовут.

– Так она замуж вышла, что ли? Ну, дела!

– Вот я так и знала, что ты будешь смеяться, – обиделась Галюня и на глазах у неё появились слёзы.

– Да ну что-ты, Гала! Я не смеюсь, вовсе. В любви, как говорится, все возрасты проворны... А Фокс-то им зачем?

Гена поел, они вышли в комнату и сели на диван. К Геннадю подошёл кот и потёрся о ноги

– К Фоксу Александр Петрович привязался. Вот мама и просила узнать у тебя, не будешь ли ты против, что собачка у них останется.

– Нет, Гала, я не против. Пусть вот Мартына ещё заберут в нагрузку.

Он почесал кота за ухом:

– Что, котяра, без бабушки мы остались. Теперь уж если утром проснусь от знакомого запаха, то точно буду знать, что это не тёща свои любимые биточки из ливера жарит, а ты мне в тапочки навалил!

Кот посмотрел на Геннадия и утробно мяукнул.

ДВЕРЬ В ОТЕЛЬ

Двадцатишестилетнего кандидата наук Льва Синицына вызвали к директору НИИ. Лева не знал зачем, потому немного разволновался. По своей привычке начал прокручивать в голове все разговоры и события последних дней, пытаюсь вычислить причину вызова. Когда он входил в приемную, у него уже было несколько версий. Одна вероятнее другой.

Надо сказать, что Лева Синицын был в некоторой степени перфекционистом. Когда он оценивал проделанную работу, ему всегда казалось, что он что-то сделал не так, хуже, чем нужно было или же просто упустил что-то важное. И это все замечают, но ему не говорят, молча посмеиваясь над ним – самым молодым кандидатом в институте. Поднимаясь на восьмой этаж, где располагались кабинеты руководства института, он пытался вспомнить, чем же он привлек внимание Бориса Иосифовича – так звали руководителя НИИ.

Секретарь предложила ему пройти, предупредив, что Борис Иосифович торопится на конференцию, поэтому разговор займет не более десяти минут. Синицын вздохнул – то ли от облегчения, что беседа с начальством будет короткой, то ли просто набирая воздуха и храбрости, как перед прыжком в холодную воду. Шагнул в огромный кабинет директора.

Услышав предложение присесть, он опустился на стул. Сел неловко, на самый краешек. Хотел подвинуться, но посчитал неудобным елозить на стуле под взглядом руководителя-академика, который давил его своим авторитетом. Так и сидел, выпрямив спину и положив руки на колени.

Директор посмотрел на него сквозь большие очки в темной оправе. От этого взгляда молодому ученому стало не по себе. Леве показалось, что Борис Иосифович видит его насквозь и даже немного дальше.

Последний, видимо, и вправду спешил, поэтому сразу без предисловий озадачил Синицына:

– Через два месяца, Лев Михайлович, в Вене состоится международный симпозиум молодых ученых. Решили направить вас и Вересаева. Его, правда, молодым можно назвать только по отношению к моему возрасту. Но... Если взять ваш с Вересаевым средний возраст, то можно сказать, что наша делегация довольна молода. Не так ли, Лев Михайлович? – Борис Иосифович улыбался.

– Так, – хрипло подтвердил Лева, сглотнув слюну. Этим своим «так», он уже как бы дал согласие и дальше, собственно, и обсуждать было нечего.

– А если серьезно, то тема ваша, Лев Михайлович, будет там звучать, и вы сможете и для себя почерпнуть и поделиться... А самое главное, – директор поправил очки, – самое главное – она не секретная. Легко ваше выступление можно согласовать. Так что, готовьтесь, молодой человек! Все вопросы по подготовке, кроме вашего доклада, разумеется, к Берецкому. Он у вас старшим будет в поездке за рубеж. А выступление ваше согласуете с профессором Зингелевским. Желаю удачи!

Синицын вышел из кабинета, все еще не понимая, радоваться ему или печалиться. Он понимал, конечно, что с точки зрения нормального человека – это большая удача – его, молодого сотрудника, посылают за границу, «за рубеж» – как выразился Борис Иосифович. С другой стороны, Лева просто боялся. За рубеж – им воспринималось как за линию фронта. Ведь ехать предстояло не в Болгарию на «Златы пясцы», не в дружественную Кубу, а в самую что ни на есть распрокапиталистическую страну – Австрию! Хотя, чего, казалось бы, бояться? Нет, ну мало ли... Все-

таки капстрана... Всякое может случиться. Так или иначе, но Лева решил коллегам пока ничего не говорить. Он посоветуется с родителями. А самое главное с Лидусей посоветуется. Да! Именно с ней и надо поговорить в первую очередь.

Лидуся – Лида Брянцева – была его соседкой. Они вместе учились в школе, а после заканчивали один институт. Бойкая и шустрая, Лида всегда и везде шефствовала над ним. Видимо, ей нравилось опекать «ботаника» Леву. Лева же воспринимал это как должное.

Их пути разошлись, когда Лидуся оставила аспирантуру и неожиданно для всех пошла работать в театр музкомедии простым администратором. Но Лидуся, на то и Лидуся, деловая хватка у ней та еще – через два года она была уже заместителем директора театра. Надлевой она при встречах подтрунивала, но эффектная защита Синицыным кандидатской и на нее произвела впечатление. Она однажды сказала: «Левочка, я тебя уважала!» Из чего Лева сделал вывод, что раньше она его не уважала, несмотря на то, что многие их считали женихом и невестой, настолько они были неразлучны во время учебы в институте.

Вечером Синицын позвонил своей соседке:

– Лидуся, ты уже дома?

Лида была бы не Лида, если бы не уколола:

– Странный вопрос для человека, который набрал номер моего домашнего телефона! И, тем не менее, да, Левочка, я дома.

– Я к тебе зайду? Можно?

– Заходи, дорогой, заходи! Давненько не виделись, поболтаем.

– Так я прямо сейчас захожу?

Но в трубке уже раздавались гудки. Синицын вздохнул, надел тапочки, вышел на площадку и позвонил в дверь напротив. Не услышав ответа, толкнул дверь – она была не заперта. В прихожую заглянула Лида:

– Только Синицын дважды спросит можно ли зайти и дважды позвонит!

Войдя в гостиную, Лева громко поздоровался, хотя никого в комнате не было.

– Родители на кухне, – пояснила Лида и пригласила в свою комнату.

Когда Лева рассказал ей о том, что ему предложили ехать за рубеж на симпозиум, Лидуся закатила глаза и воскликнула:

– И ты еще сомневаешься!? О, боги! В кого ты такой? Впрочем, не отвечай. Я знаю, в кого. Ты хоть понимаешь, что такие предложения не каждый день делают? Потом можно прожить еще четверть века и не дожидаться. Тем более, если ты сейчас откажешься!

Синицын, конечно, все это понимал. Но ему нужно было, чтобы кто-то это сказал, чтобы кто-то поддержал его и направил. В одиночку он принимать такие решения не мог. Он заранее был готов согласиться с Лидусей, также как заранее знал, что она скажет.

– Итак, – продолжала Лида, – гамлетовский вопрос – ехать или не ехать – у нас отпал. Теперь нужно решить – с чем ехать...

– Это я должен согласовать с профессором Зингелевским..., – промямлил Синицын.

– Это ты науку свою согласовывай с Зингелевским, а здесь я профессор, поверь, опыт кое-какой имеется...

Лева верил. Лидуся бывала за границей – в Болгарии и в Индии.

– Возьмешь с собой сувениры: водку, черную икру, часы наручные, матрешек там каких-нибудь...

– Где же я икру возьму!

– Это не твоя забота – я все организую.

– И что с этим делать?

– То же, что и все туристы – продашь или сразу поменяешь на шмотки. Я тебе список напишу, что нужно брать.

– Это что, все так делают?

– Все, Левочка, еще круче делают. Ты знаешь, каким спросом сейчас пользуются сапоги-чулки? Так вот, наш театр в прошлом году, сразу после Московской Олимпиады, на гастролях был в Японии. И наши артисты в театральном реквизите привезли в Союз сто пар сапог! Представляешь?

Лева не представлял. Лидуся это видела по его глазам.

– Впрочем, тебе это ни к чему. Обойдешься стандартным набором интуриста, который я тебе уже назвала.

После разговора с Лидой Брянцевой Лева окончательно осознал и смирился с тем, что он едет в Австрию. С этого момента начались его хождения по мукам – бюрократические процедуры оформления документов. В первом отделе института и при беседе с сотрудником госбезопасности он наслушался таких страстей, что уже пожалел, что согласился на эту поездку. Ему даже ночью приснилось, что его вербуют и склоняют к предательству Родины австрийские агенты.

Но все проходит, прошли и два месяца с момента судьбоносной беседы с директором института. Лев со товарищи благополучно прибыли в Вену и поселились в отеле «Стефанплац». Синицын с Вересаевым – сорокалетним доктором технических наук – поселились в одном двухместном номере, Берецкий с сотрудником комитета – в другом.

Михаил Семенович Берецкий был человеком неординарным. Никто в институте – вероятно, что и сам он – не знал, каковы его должностные обязанности. Тем не менее, он был человеком незаменимым. Он состоял в парткоме, профкоме и других «комах». Он помогал одному заместителю директора НИИ достать бетонные плиты перекрытий, другому – выбить в исполкоме квартиры для сотрудников во вновь строящемся доме. Он молодым семьям помогал детей устроить в детский сад рядом с домом или родным институтом, поздравлял ветеранов с праздниками и днями

рождений, заказывал им гробы и провожал их в последний путь. Берецкий, единственный из всех сотрудников, мог за просто зайти к директору и не только зайти, он мог усталым баритоном пожаловаться, дескать, так замотался сегодня, что остался без обеда и директор, несмотря на свою занятость, угощал его чаем с печеньем. Берецкий в любое время и любому сотруднику мог одолжить трешку до зарплаты и при этом никогда не напоминал займополучателям о долге. Злые языки говорили, учитывая, что в институте несколько сотен сотрудников – если Миша Берецкий потребует одновременно вернуть все долги с процентами, то он запросто сможет купить последнюю модель «Жигулей». Но Берецкому «Жигули» были не нужны – все водители институтского гаража готовы были его везти куда угодно и когда угодно.

Когда Михаил Семенович узнал, что Лева ломает голову, куда деть взятые в поездку сувениры, он тут же их забрал, отдав Синицыну австрийские шиллинги, за что Лева был ему благодарен безмерно.

Первый день после приезда они посвятили экскурсиям. Начали с собора Святого Стефана, расположенного рядом с отелем. Посетили здание Венской государственной оперы. На следующий день после работы по плану симпозиума собрались посетить Хофбург – дворец кайзеров, Национальную библиотеку и расположенные рядом музеи.

Дни пролетали быстро. И Синицын и Вересаев со своими сообщениями благополучно выступили, нужные магазины посетили и проводили свободное время, гуляя недалеко от отеля. Благо последний располагался в самом центре австрийской столицы. Вена на Синицына произвела огромное впечатление, несмотря на то, что кроме своего родного города, он был знаком с архитектурными достопримечательностями Москвы и Ленинграда. Не понравилось ему в Вене только, пожалуй, метро. Уж очень оно было маленьким и каким-то невпечатляющим по сравнению с московским метрополитеном.

Убаюканный благостными картинками буржуазного города и альпийской природы, Синицын наблюдал, как предвечернее солнце, посылая ему по-дневному теплые лучи, стремится вниз за облака, серо-голубой громадой свисающие с Альп. Он расслабился и забыл все инструкции, которые ему давали товарищи из органов. Когда вошли в отель, Вересаев остался в баре, Синицын один поднялся в номер, принял душ и включил телевизор.

В это время в дверь постучали. Лева подумал, что Вересаев вернулся с покупками и ему не хочется доставать ключ. Поднялся и открыл дверь. Перед ним стоял тщедушный мужчина лет тридцати в униформе служащего отеля.

– Коспотин Сьиницын? – спросил стучавший по-русски, но с ужасным акцентом.

Лева сразу понял, что ничего хорошего от визитера ждать не стоит. Он сглотнул слюну и выдавил из себя:

– Да.

Служащий объяснил ему, что управляющая отелем «Стефанплац» госпожа Виктория Дихманн хотела бы его видеть и приглашает к себе в кабинет для короткого разговора.

Синицын кивнул головой и стал одевать пиджак. Мысли в его голове замелькали с частотой кадров немого кино: «Что это? Зачем меня? Наверняка, какая-то провокация! Как назло Вересаева нету. Нарочно выбирали момент, когда я один буду. Точно провокация! Надо предупредить Михаила Семеновича».

Лева закрыл дверь в номер и пошел по коридору за щуплым мужчиной. Проходя мимо номера Берецкого, Синицын поднял палец вверх, как будто что-то вспомнил и воскликнул:

– Айн момент!

Он постучал в дверь – никто не ответил. Постучал второй раз – тишина. Тщедушный лакей терпеливо стоял рядом и смотрел на Лева, как лиса смотрит на попавшего в капкан зайца.

Лева поймал его взгляд и сердце его наполнилось решимостью и злостью. «А, хрен вы меня возьмете!» – подумал он. Это ему показалось, что он только подумал, на самом деле он это произнес вслух. Но сопровождавший его служащий не настолько хорошо владел русским языком, чтобы понять, кому и откуда молодой русский ученый предлагает взять хрен. Он молча покосился на Синицына и продолжил путь. «Скорей всего попытаются усыпить хлороформом и вывезти из отеля, – продолжал гонять панические мысли Лева, – но этому со мной не справиться», – он поглядел с ненавистью в затылок ведущему его на заклание лакею. «А что, если в кабинете фрау Дихманн не одна? Тогда точно – провокация!»

Виктория Дихманн в кабинете была не одна. Сердце Левы ухнуло в пятки. Между ним и хозяйкой кабинета сидел солидный мужчина в сером костюме и стального цвета глазами смотрел на Синицына. Лева показалось, что у него на лбу написано – ЦРУ. Только усилием воли он заставил себя опуститься на стул в ответ на предложение присесть. Разум же подсказывал – нужно оттолкнуть лакея и бежать, бежать из этой западни и громко звать на помощь. Но увидев, что сопровождавший его мужчина вышел, а между ним и дверью никого нет, Лева посмотрел на фрау.

Она поздоровалась. Герр в сером костюме перевел: «Добрый вечер!» Лева кивнул, слова застряли в горле. Управляющая отелем заговорила. Синицын кивал головой и смотрел то на нее, то на человека в сером. Наконец фрау закончила. Заговорил переводчик:

– Фрау Дихманн просит извинить господина Синицына за беспокойство. Но в ее обязанности входит обеспечение сохранности имущества отеля, за которое она отвечает перед владельцем отеля. Она пригласила господина Синицына, чтобы сделать ему маленькое замечание и попросить не хлопать входной дверью, потому что она может быть сломана от такого варварского обращения.

Лева внимательно смотрел в рот переводчику, но долго не мог вникнуть в суть сказанного. Какое ему дело, за что отвечает фрау Дихманн? Какая дверь? Когда хлопали? Кто? Он перевел взгляд на хозяйку кабинета:

– Я, я, – покивала она головой, – Гут?

– Гут, – измученно прохрипел Лева.

Синицын шел по коридору в свой номер и постепенно приходил в себя: «Какого черта? Что им нужно? Он даже не помнит, когда он хлопнул дверью. В конце концов, нельзя разве по-человечески сказать! К чему этот спектакль?» Вся Левина сущность, все внутренности содрогались от возмущения. Он не мог понять, за что его подвергли такому унижению. Да и, чего греха таить, не мог простить этим буржуйским прихвостням своего волнения и испуга.

Он рассказал Вересаеву, что с ним приключилось. сосед по номеру посмеялся, но посоветовал, на всякий случай, поставить в известность Берецкого. Лева пошел к Берецкому.

Руководитель делегации выслушал его и сказал:

– Что вы хотите, Лев Игоревич? Вот такое вот оно – гнилое нутро Запада! А тем более, бывшие наши.

– Кто это, бывшие наши? – удивился Лева.

– Так твоя визави, госпожа Дихманн. Я ведь, не первый раз в этом отеле, так что слышал ее историю. Жила в Москве, вышла замуж за австрийца. Была Вика Иванова, стала Виктория Дихманн. Вот так-то вот, товарищ Синицын! – Берецкий сделал движение ему на встречу и понизил голос, – Поговаривают, даже была валютной проституткой. Но это – тс-с! Между нами. Я тебе ничего такого не говорил.

– Как же это? Она что, русский знает? А зачем ей переводчик?

– Русский она знает так же, как мы с тобой!

– Так переводчик-то зачем!? Нельзя было по-человечески поговорить?

– Чудак - человек! Как же это валютная проститутка опу-

ститися до того, что вот так запросто поговорить с советским ученым. Да еще по-человечески. Ишь, чего захотел!

– Но это же нельзя так оставлять! Что-то надо сделать, отреагировать как-то...

– Отреагировать надо... Надо наплевать и забыть!

– Я ... Я жалобу на нее напишу!

– Валяй пиши – бумага все стерпит.

До отъезда оставалось чуть больше суток, а настроение было безнадежно испорчено. Все оставшееся время Синицын мучился вопросом – писать или не писать? Как только он решал – не писать, так все у него внутри закипало от возмущения и он решал – писать!

Когда покидали отель, Синицын оставил на стойке письмо с коротким адресом: «Владельцу отеля «Стефанплац», в котором язвительно советовал подобрать персонал со знанием русского языка.

Только приехав домой, Синицын понял, как же он соскучился по своим родным, но больше всего по Лидусе. Он едва дождался, когда она с работы приедет. Взял бутылку шампанского в одну руку, подарки – в другую и отправился в квартиру напротив. Лидуся расцеловала его в обе щеки, воскликнула: «Слава Богу, жив!» и потребовала:

– Давай, Левчик, рассказывай, как там Австрия?

Лева начал рассказывать про магазины, но Лида перебила:

– Потом про магазины, расскажи, как выступил, как вас там принимали?

Синицын хотел было рассказать историю с фрау Дихманн, но тут на него вдруг накатила такая злость на самого себя и такая решимость, что он неожиданно брякнул:

– Лидуся, давай поженимся! А?

На следующий день, входя в здание института, Лева остановился в тамбуре и внимательно посмотрел на пружину, удерживающую дверь в закрытом положении. Затем

аккуратно снял ее и унес к себе в лабораторию. Через два дня он отдал слесарям чертеж устройства, которое он назвал «ЗаПруДа», что означало – Закрытая Пружина Дверная. А еще через две недели на всех входных дверях институтского здания были установлены дверные доводчики конструкции Синицына.

Вскоре Лева получил письмо из Австрии, в котором владелец отеля «Стефанплац» приносил ему извинения за причиненные неудобства, сообщал, что фрау Дихманн от должности освобождена, приглашал еще раз посетить его отель и обещал всяческие скидки.

Синицын, прочитав письмо, очень расстроился, он вовсе не хотел, чтобы фрау Дихманн увольняли с работы. Показал письмо Берецкому.

– Вот, Михаил Семенович, получается, что из-за меня человек остался без работы...

Тот рассмеялся и успокоил:

– Я забыл тебе сказать, что владелец отеля «Стефанплац» – ее муж. А чтоб в следующий раз голова не болела, так не пиши. Я же говорил тебе – наплевать и забыть!

– Так получается, что в письме ложь и ее не уволили с работы?

– А с чего ты взял, что ее уволили? В письме написано, что она освобождена от этой должности, только и всего. Возможно, управляет сейчас другим отелем. У господина Дихманна их много.

Через месяц Берецкий, произнося тост на свадьбе Лемы и Лидуси, сказал, что Лему надо включать во все делегации за рубеж, потому что после каждой поездки будет конкретное изобретение – это раз, а во-вторых, он запросто может поставить на место зарвавшегося управляющего.

В ТРИ ЧАСА У «КИПАРИСА»

Когда нам совсем становится плохо, мы вспоминаем о Боге.

Юрий Стрижов, целый год прохоридив по больницам и поликлиникам, тоже вспомнил. Вспомнил, но как к Нему прийти - не знал. Не только в том высоком смысле – «прийти к Богу», а не знал даже, как зайти в церковь. Хотя, он замечал, что количество посещающих храмы увеличилось – шёл пятый год после развала страны.

Но, как только он представлял, что подходит к храму и открывает тяжёлую калитку, Юрия начинали обуревать самые различные чувства: ему было неудобно и немного страшно, он боялся и стеснялся, сомневался и опасался. Как себя там вести? Что делать? К кому подойти и спросить? А если знакомых встретит, здороваться за руку или нет? Если из друзей кто увидит, как он в церковь заходит, то будут смеяться и спрашивать: «Как ты, Юрка, дошёл до жизни такой?» Все они атеисты и циники. Отморозки. Да нет, какие они отморозки? Нормальные мужики. Но не поймут. Нет, не поймут!

С кем поделиться, посоветоваться? Жена тоже неверующая. Ни разу в церкви не была. Да и не хотел он с ней советоваться. После того, как малое предприятие, где были учредителями он, Юрий, и его однокашник, обанкротилось, отношения с Ниной стали, мягко говоря, натянутыми. Денег катастрофически не хватало. Хорошо ещё детьми не успели обзавестись – когда началась перестройка, отложили до лучших времён.

При разделе имущества после кончины предприятия

Юрию досталась трёхкомнатная квартира, где располагался их офис, его приятель забрал себе всю строительную технику. Сейчас срочно нужно было найти этой квартире применение или продать. И то и другое было не так просто при творящемся кругом беспределе. А тут ещё эти болячки привязались. Всё одно к одному. Нужно действовать, а он ходит по кардиологам и невропатологам. В тридцать лет ощущать себя инвалидом как-то тягостно. Стрижов чувствовал, как им овладевает депрессия.

В субботу заглянула на огонёк знакомая его жены Люся Котова. Люська была человеком деятельным и, как многие «челноки», моталась то в Польшу, то в Китай, волоча оттуда огромные баулы обуви и тряпок.

Жена и гостя пили чай на кухне. Юрий, как всегда, лёжа на диване в гостиной, смотрел телевизор. Пока женщины болтали о тряпках, он не прислушивался к их разговору, но когда Люська заговорила о церкви, Стрижов наострил уши. Котова рассказывала, как они крестили дочку её подруги.

Он зашёл на кухню, налил себе чаю и сел за стол. Спросил Люську:

– Люси, а ты часто в церковь ходишь?

– Если в воскресенье не в поездке, то обязательно иду. А перед поездкой свечку ставлю Николаю Угоднику. Я хоть и не набожная, но верующая, – затараторила Люська, – а Николай Чудотворец покровитель этих самых...

– Спекулянтов, – подсказал Стрижов.

– Да ну тебя, Юра! Покровитель путешественников, вот. Я из Китая ехала в прошлом году, в Иркутске ногу вывихнула. Ужас! А у меня шесть баулов. Представляете? Только Святой Николай помог, ещё попутчики, конечно...

– А когда в следующий раз пойдёшь? – перебил её Юра.

– Куда?

– В церковь, понятно, не в Китай же.

– Так завтра и пойду, на воскресную службу.

Сергей Кокорин

– Я хочу храм посмотреть, ни разу, понимаешь, внутри не был...

– Ой, так пойдёмте! Вместе с Ниной приходите, исповедуемся, причастимся...

– Нет, нет! – испугался Юрий. – Я только посмотреть, мне это пока рано.

А его Нина вообще отказалась идти, заявив, что она была комсомольским секретарём на комбинате и не может притворяться верующей.

Юра договорился с Котовой, что утром встретятся около храма.

Ночь тянулась долго. Бессонница приходила неожиданно, ни с того, ни с сего. Мучила несколько ночей подряд, потом также неожиданно отступала. Утром Юрий встал рано, несмотря на то, что поспать удалось не более трёх часов. Побрился. В зеркале увидел себя опухшего, мешки под глазами. Прошёл на кухню. Выпил кофе и съел два яйца. Одел рубашку и стал гадать, нужно в церковь галстук или нет. Так и не решив эту головоломку, рубашку снял, одел тоненький свитерок. «Ничего, не вспотею. Уже октябрь на дворе».

Пришёл к храму раньше назначенного времени. Прохаживался вдоль ограды, мимо нарядных по-осеннему рябинок. Меж ними скромно и нежно желтели берёзы. Выглянуло редкое в октябре солнышко. День обещал быть погожим.

Из-под ограды вылез огромный рыжий кот. Он был толстым и пушистым. Огляделся по сторонам, поднял голову, в пяти шагах перед Стрижовым важно и неторопливо пересёк тротуар. «Церковный, наверное, котяра. Ишь, какой ухоженный!» – подумал Юрий и, взявшись за пуговицу, двинулся дальше.

Между тем, народ подходил. Юрий изредка бросал взгляды на идущих. Знакомых никого не увидел. Вскоре подошла и Котова. Она весело поздоровалась, достала из

В три часа у «Кипариса»

вместительной коричневой дамской сумочки платочек и ловко повязала на голову.

– Ты, Люси, сияешь, прям как яйцо на Пасху.

– А в церковь, Юра, так и надо идти – с сияющей душой!

Они вошли в калитку. Котова неожиданно остановилась. Юрий чуть не толкнул её. Она перекрестилась на храм и поклонилась. Пошли дальше по широкой дорожке, выложенной плиткой. Входя в храм, Юра тоже неловко перекрестился, глядя на других.

– У тебя крестик-то есть? – спросила Люся.

– Откуда? – Юрий пожал плечами. – Нет, конечно.

Котова подошла к благообразной бабушке, стоявшей за прилавком. Купила крестик и несколько свечей. Крестик подала Стрижову:

– Надень. А свечи будешь ставить за здоровье и за упокой. Я покажу где.

Тут она запнулась:

– Подожди, Юра, а ты сам-то крещёный?

– Да нет...

– Во, даёт! А что ж мы с тобой про главное забыли...

Ладно, сегодня без причастия обойдёшься, а потом всё решим.

Юрий удивился тому, как быстро пролетело время и служба закончилась. Всё для него было ново. И звуки, и запахи, и внутреннее убранство. Он иногда отвлекался, теребя нить проповеди, разглядывал иконы и роспись храма.

Когда вышли на улицу он спросил:

– Люси, как ты относишься к пирожному? Хочу тебя угостить.

Котова спрятала свой платочек в сумочку, потрянула чёрными локонами и засмеялась:

– Положительно! Я не боюсь располнеть – в нашей породе все худенькие.

Они прошли пешком по украшенному жёлто-оранжевыми листьями тротуару целый квартал и вошли в кафе. По-

Сергей Кокорин

сетителей было немного – половина столов свободна. Выбрали столик у окна. Стрижов взял Люсе пирожное, себе – бутерброд, кофе – обоим.

– Значит так, Юра, – начала Котова, – нужно срочно тебя крестить.

– Может, подождём...

– Нет, нет! Это очень важно. Я переговорю прямо с батюшкой, придём в конце дня, когда народу не будет. Если хочешь, чтоб тебе Бог помогал – надо креститься.

Стрижов пожал плечами.

– Имей в виду, это не ты сомневаешься – это бесы тебя смущают...

– Какие ещё бесы! Скажешь тоже, – возразил Юрий, хотя для себя уже решил, что сделает, как Люська скажет. Ему даже нравилось, что кто-то, хоть на короткое время, взял над ним шефство.

В кафе они просидели почти час. Обоим торопиться было некуда. Котова опять рассказывала о своих поездках, о том, как трудно стало продавать привезённые вещи. Большую часть товара она отдавала на реализацию своей подруге, имевшей на рынке небольшой бутик с экзотическим названием «Кипарис». Но там, на рынке, появилось много конкурентов. Отдавать товар приходится дешевле, оттого очень долго собирается необходимая сумма для следующей поездки.

Юрий тоже поделился своими проблемами. Рассказал, что ему срочно нужно продать квартиру, чтобы рассчитаться с накопившимися долгами и начать новое дело. Желательно, более спокойное, чем предыдущее, потому что здоровье стало подводить. Люся пообещала подключиться к продаже и помочь, чем сможет.

– Ты объявление давно дал? – спросила она Юрия.

– Неделю назад. Написал там телефон соседа. У нас-то в квартире нет телефона. Он говорит, что пару раз звонили. Спросят цену и кладут трубку. Так, видимо, из простого любопытства...

В три часа у «Кипариса»

Они расстались, условившись, что Люська забежит к ним в гости, как только договориться с батюшкой о крещении.

Через два дня Котова снова была у них в гостях.

– Всё, Юра, договорилась. Завтра после обеда в церкви прихожан не будет. Отец Владимир сам обряд крещения проведёт. А в ближайшее воскресенье пойдём причащаться и исповедоваться.

– А что на исповеди говорить? Я же не знаю.

– Грехи свои говорить. Напиши заранее на бумажечку, а потом всё батюшке и скажешь. Ему всё можно рассказывать.

– Ты скажи мне, хотя бы примерно, какие грехи бывают.

– Ну, что ты, как маленький! Святые заповеди знаешь? Вот и пиши, что нарушал.

Прощаясь, Люська сказала:

– Самый главный твой грех – это уныние. До встречи. Пиши грехи!

После крещения, они с Котовой зашли в то же кафе. Юрий опять взял кофе и пирожное. Люське купил ещё мороженое и шоколадку. Настроение у Стрижова было приподнятое. Не то чтобы он уверовал в скорое своё выздоровление, но ощущение праздника было. У Люси тоже глаза светились – она радовалась за Стрижова. Юрий это понял и был благодарен ей за участие.

Они опять долго сидели и беседовали, поглядывая в окно на спешащих прохожих.

– Разговаривала со своими подругами на рынке по поводу продажи квартиры. Они говорят, что в городе появилась банда, которая специализируется на том, что кидает продавцов недвижимости. Отдадут деньги, подпишут документы, а потом деньги отбирают.

– И как же это им удаётся?

– А кто знает? Всё время по-разному: одного мужика в подъезде зажали и отобрали, другой на машине ехал, оста-

новили средь бела дня и за пять минут обтрясли, как липку. Так что, будь осторожен, Юра!

– Так ещё покупателя найти надо, а потом уже быть осторожным.

– Запиши мой телефон, – предложила Люся, – звони периодически. Если что-то будет, я сообщу.

Стрижов записал номер телефона на салфетке, пообещал звонить. Когда проводил Люську до остановки автобуса, поехал сразу домой.

Вечером зашёл сосед и пригласил к телефону:

– Второй раз сегодня покупательница звонит, говорит, цена устраивает – квартиру хочет посмотреть.

Юра взял трубку. Низкий женский голос требовательно сообщил:

– Нас с мужем устраивает стоимость вашей квартиры. Мы бы хотели взглянуть на неё.

– Хорошо. Завтра в десять вас устроит?

Женщину с командирским голосом в десять часов устроило. Юрий назвал ей адрес и положил трубку.

На следующий день он встретился с потенциальной покупательницей в своём бывшем офисе. Она оказалась моложе, чем представлял Юрий после разговора по телефону. Примерно Юркина ровесница – лет тридцать, не более. Одета она была уже по-зимнему, хотя температура на улице ниже ноля ещё не опускалась – в распахнутой норковой шубке, без головного убора, в ушах крупные серьги. Быстро пробежалась по комнатам, заглянула в кухню.

– Санузел посмотрите? – предложил Стрижов.

– Не стоит. Муж будет менять всю сантехнику... Мне квартирка понравилась. Итак, когда оформим сделку?

Юрий пожал плечами:

– Так, в любое время.

– Хорошо. Давайте, завтра в это же время встретимся у нотариуса. Мы будем уже с деньгами.

Выйдя из здания, Стрижов направился к телефону-автомату. Набрал Люськин номер.

– Добрый день, Люси! У меня покупатели нарисовались. Хотел рассказать...

– Я сейчас еду на рынок, выйду на остановке около нашего кафе...

– Когда это будет?

– Минут через сорок.

– Хорошо, встречаю.

В кафе Юрий рассказал Котовой о покупательнице.

– Она тебе не показалась подозрительной? – спросила Люська.

– Вроде, нет. Баба, как баба. Одета хорошо.

– Всё-таки надо как-то подстраховаться...

– Я уже думал над этим. Есть два варианта: первый – сделать так, чтобы я был им не по зубам, для этого нужна серьёзная охрана, второй – сделать так, чтобы я им стал не интересен, то есть у меня не должно быть с собой денег...

Проговорив целый час, они расстались.

На следующий день Стрижов ровно в десять на такси подъехал к нотариальной конторе. Внутренний карман его пиджака оттягивал газовый пистолет. Протянув водителю десять тысяч, попросил подождать его полчаса. Огляделся и, помахивая пустым кейсом, вошёл в здание, поднялся на второй этаж. Покупательница уже ждала его около кабинета нотариуса.

– Здравствуйте, Юрий! Нотариус ждёт нас с вами. У неё сейчас никого нет.

Нотариус, строгая тётка в очках, взяла их паспорта, отдала помощнице. Та принялась печатать договор.

– Передачу денег когда осуществлять будете? Как записать?

– Прямо сейчас. Запишите – перед подписанием договора.

Покупательница выложила перед Стрижовым толстые пачки денег.

– Пожалуйста, Юрий, пересчитывайте.

Юрий проверил две пачки, остальные пересчитал и положил в пакет. Было ровно шестьдесят миллионов. В это время нотариус подала распечатанные договоры:

– Прочитайте всё внимательно, проверьте. Если опечаток нет, то подписывайте.

Стрижов подписал договор, крепко держа пакет с деньгами в левой руке. В это время в кабинет вошла Люся Котова. Если бы Юрий её не ждал, то не узнал бы. В красной шляпе с такого же цвета шарфом и потрясающим макияжем Люська была ослепительна. Юрий даже немного замешкался. Но Люси быстро взяла у него пакет, втолкала его в свою сумочку и также стремительно удалилась.

Стрижов взглянул на покупательницу. Она тоже была потрясена, но, видимо, отнюдь не Люськиным макияжем – сидела над договором с авторучкой в руках и, широко открыв глаза и рот, смотрела в спину удаляющейся прекрасной незнакомке. Юрию показалось, что ей стоило немалого усилия усидеть на месте и не броситься вслед за деньгами.

Уже через пять минут они вышли из кабинета. Юрий шёл первым и сразу увидел в конце коридора двух накачанных парней в кожаных куртках и тренировочных костюмах. Сразу понял, какая ему была уготована судьба – любой из них мог, не то что вырубить, мог убить его запросто одним ударом. И не то, что пистолет достать, моргнуть не успеешь.

Сзади стучала каблуками по коридору «атаманша», как успел её про себя окрестить Юрий. Он обернулся и заметил, как его покупательница руками отчаянно жестикулирует, делая знаки «быкам», что его кейс пуст. Юрий с опаской проскочил мимо остолбеневших качков. Чуть не бегом бросился к ожидавшему его такси и поехал домой. Дважды по дороге оглядывался назад – не едет ли кто за ними.

Немного успокоился, когда захлопнул за собой дверь

квартиры. Нина была дома. Поделился на радостях с ней, что ему удалось продать офис.

– А где же деньги? – спросила она.

Он объяснил ей, почему деньги пока у Котовой.

– Ты не волнуйся, мы договорились с ней в три часа встретиться на рынке у «Кипариса».

Нина покачала головой:

– Авантюрист ты, Стрижов!

Юрий наскоро пообедал – аппетита не было – и в третьем часу вышел из дома. На улице было ветрено и зябко. Ветер бросал в лужи жёлтые листья берёз и тополей. Минут десять подождал автобус. Проехав шесть остановок, вышел около рынка. Нашёл бутик «Кипарис». Глянул на часы – без пяти три. Огляделся по сторонам – может быть, Люська сюда идёт. Не увидев её на улице, толкнул дверь бутика и вошёл.

Высокая белокурая девушка в чёрных джинсах поправляла висящие на вешалках кофточки и батники.

– Здравствуйте, – громко поздоровался Стрижов. – Мне нужна Люся Котова. Она ещё не приходила?

– Здравствуйте, – оглянулась и подозрительно посмотрела на него блондинка в чёрных джинсах. – Люся Котова сюда не придёт. По моим сведениям она уехала. А вы кто?

– Как уехала? – заволновался Юрий. – Я её знакомый, мы договорились встретиться с ней!

– Не знаю, о чём вы с ней договаривались. Но мне она сказала, что тринадцатого уезжает и надолго. Сегодня тринадцатое?

– Т-тринадцатое, – выдавил из себя потрясённый Стрижов.

– Значит она уехала!

– И куда?

– А вот этого она не сказала.

Юрий вышел из «Кипариса» в состоянии шока. «Нет, не может быть!» – убеждал он сам себя. «Нужно подождать.

Мало ли что могло случиться». Неожиданно обожгла мысль: «А что если её выследили эти бандиты?! Тогда как понимать, что она заранее знала, что тринадцатого уедет? И не сказала куда – концы обрубилa? Да нет, глупости! Надо подождать, она появится».

Решил пока ждёт, поискать туалет. Это оказалось не так просто. «Чёрт побери, по запаху, вроде, близко, а найти невозможно!» Наконец нашёл.

Ещё полчаса без толку ходил по торговым рядам. Потом пошёл к телефону-автомату, волнуясь и нервничая, набрал номер. Восемь, девять, десять гудков. Трубку не брали. «А ведь она говорила, что живёт с мамой и пятилетним сынишкой. Адрес можно выяснить. Только не сегодня. Сейчас он уже вымотан, как веник после бани. Целый день в стрессе. Сейчас он поедет домой, нужно отдохнуть»

В квартиру вошёл выжатый, как лимон. Жена встретила вопросом:

– Ну что, забрал деньги?

Когда он начал объяснять, что завтра пойдёт искать Котову, с Ниной случилась истерика. Чего только не пришлось выслушать Стрижову. В конце концов, супруга заявила, что, видимо, он хочет, чтобы эта Котова ходила в новой шубе, а не его законная жена.

Юрий заткнул уши ватой и лёг спать. Проснулся в десять часов вечера и всю ночь не мог глаз сомкнуть. На следующий день никуда не поехал. Им овладела апатия. В голову лезли самые невероятные предположения. От этого настроение ещё больше ухудшалось.

Жена с ним не разговаривала. Вечером валялся на диване, смотрел телевизор. Повторяли, уже в который раз, его любимый фильм «Место встречи изменить нельзя». Вдруг его как кипятком обожгла мысль: «Сегодня! Сегодня надо было тоже ехать в «Кипарис»! Как он сразу не сообразил – она просто не смогла из-за чего-то прийти вчера».

На следующий день он едва дождался заветного часа и

снова поехал на рынок. «Если и в этот раз пустой номер, то я из этой блондинки всю душу вытрясу!» Тут же сам себе возражал: «Ну, вытрясу. Ну, найду я Люську. Не факт, что бабки целы – из-за чего-то ведь она не пришла позавчера. Опять же информация эта, о её внезапном отъезде, странная...».

Вошёл в бутик с самыми мрачными мыслями. Хозяйка «Кипариса» разговаривала с покупателем. По тому, как странно она ему улыбнулась, Стрижов понял, что ей есть, что ему сказать. Он стал ждать, когда выйдет покупатель. Тот смотрел рубашки. Прошло три минуты, пять... Юрию уже хотелось взять за шиворот этого зануду и вытолкать на улицу. Наконец мужчина ушёл, так ничего и не купив. Блондинка сделала ему знак рукой:

– Пройдите, сюда за прилавок. Вас ведь Юрием зовут?

– Да, – согласился Стрижов, – Юрием.

Он бочком протиснулся к хозяйке бутика за прилавок. Та ловко раздвинула висящие в несколько рядов китайские тряпки, за которыми он увидел небольшую дверь.

– Входите, входите! – подбодрила его блондинка.

Он вошёл в узкую дверь, задев плечами косяки, и оказался в маленькой, как вагонное купе, комнатке без окон. Когда он увидел, что там за столиком с чашкой чая в руке сидит Люська, он чуть не подпрыгнул от радости.

– Люся, ну наконец-то! Я уже потерял тебя..., – он готов был расцеловать её.

– Привет, Юра! – улыбнулась Котова. – А я вот, видишь, опять травмировалась.

Только тут Стрижов заметил, что в углу стоят костыли.

– Что с тобой? – он взял её за руку и тоже присел, бросив кепку на стол.

– Тихо, тихо! У меня нога в гипсе. Налей, вот, себе чаю...

Сейчас всё расскажу по порядку.

– Я не хочу чаю. Рассказывай, что с тобой стряслось.

– Так вот. Взяла я такси, как мы с тобой договаривались,

только не какое попало, а со знакомым водителем. И правильно сделала – он мне очень помог. Подъехала строго к назначенному времени. Захожу, боже мой, на втором этаже на лестничной клетке два амбала стоят! Ну всё, думаю, это по нашу душу. Туда я прошла, ещё не очень мандражировала. А обратно с деньгами иду и трясусь вся. Как дадут, сволочи, сзади по башке и не увидишь ты, Люсенька, больше своего сыночка... – Люська смахнула слезу. – Сумку свою я подмышку взяла, чтобы, значит, они не заметили, что она у меня пухлая стала. Прошла мимо них, а потом уже помчалась к машине просто бегом, ног под собой не чуя. И запнулась о бордюр опять же правой ногой, которую раньше вывихивала. Упала около машины, деньги из сумки посыпались, хорошо никто кроме Коли, таксиста моего, не заметил. Он выскочил, помог мне в машину сесть. Нога болит страшно. Ну, думаю, хронический вывих теперь будет. Поехали ко мне домой. Но не сразу. Коля немного покрутился по городу, чтобы посмотреть – не прицепился ли кто? Приехали, а я идти совсем не могу. Он меня в охапку и вместе с деньгами на третий этаж! Представляешь? Я велела маме деньги спрятать, никому дверь не открывать, на звонки не отвечать...

– Так ты и хозяйке этого магазина сказала тень на плетень наводить?

– Ясное дело, мало ли кто придёт на рынок меня разыскивать! Ну, вот, а потом он меня повёз в больницу. Там ещё по кабинетам таскал... Рентген сделали, сказали, трещина в кости. Гипс наложили. Коля меня обратно домой. А вчера ты почему не пришёл? Надо было мне телефон твоего соседа записать...

– Да, понимаешь, голова не сработала. Дома ещё заморочки...

– А я вчера тебя здесь до вечера ждала.

Юрий погладил ей руку:

– Извини, Люси, что доставил тебе столько хлопот.

– Ладно, чего там... Иди, возьми такси. Поедем.

Через полчаса Юрий и Люся уже поднимались на третий этаж в квартиру Котовой. Стрижов в одной руке держал костыли, другой обнимал Люську за талию. Она, обняв его за шею, осторожно поднималась по ступенькам, при этом без конца шутила и напевала:

Парня в горы тяни, рискни.

Не бросай одного его...

В прихожей их встретила Люськина мама. Забрала костыли. Юрий помог Котовой раздеться.

– Этот что ли, Люся, твой миллионер-то? – спросила мать, улыбаясь Юрию. – Вы уж, молодой человек, заберите ваши денежки. А то я тут с ними, как на осадном положении – любого шороха боюсь...

– Заберёт, мама, заберёт! Пойдём, Юра, в мою комнату.

Люся вытащила пакет с банкнотами из шифонера. Стрижов положил деньги на стол, задумался. Потом отсчитал ровно половину и сказал:

– Люси, пусть половина пока останется, я через пару часов зайду.

– Хорошо, Юра, заходи.

Юрий рассовал деньги по карманам и уехал.

Когда вошёл в свою квартиру, услышал, что жена на кухне. Прошёл на кухню, не раздеваясь. Молча выложил тридцать миллионов на стол.

– Что это? Ты Котову нашёл?

– Нашёл. Теперь можешь купить себе тридцать шуб!

– А ты куда?

– А я поехал – на электричку и к родителям. Отдохнуть надо. Устал я что-то от тебя...

Вышел из подъезда. Начинал накрапывать потихоньку то ли дождь со снегом, то ли просто мокрый снег. Юрий поднял ворот, поправил сумку, что висела на плече, пересёк двор и вышел на тротуар. Через пару минут остановил «Волгу» с шашечками и назвал адрес Котовой. По дороге

забежал в магазин, взял шампанского, три коробки конфет и ещё разных разностей из джентльменского набора.

Когда подъехали к Люсиному дому, Юра заплатил водителю вдвое и попросил:

– Значит так, шеф, подожди десять минут, если не выйду, то бывай здоров! Хорошо?

Водитель кивнул головой:

– Хорошего человека почему не подождать.

Ровно через десять минут, не дождавшись пассажира, «Волга» отъехала от подъезда, вырулила на проезжую часть, моргнув правым поворотом и исчезла в потоке машин.

БЛАЖЕННЫЙ ЮМ

Петька Чертилов, тощий юркий мужичонка лет пятидесяти, вышел из небольшого двора своего пятистенного дома на улицу. Не просто так вышел, а поработать. Около палисадника лежали березовые дрова, привезенные две недели назад. Дрова эти давно ждали хозяйского настроения, потому что без настроения он колотить не мог – машину дров расколотить, это вам не кошку погладить. Тут с духом собраться надо. Сегодня Петька собрался. Поэтому в руках у него было два колуна. Один был кованый, полегче и поострее – им хорошо было колотить вязкие свилеватые комли, другой литой – потяжелее и с более тупым углом – он легко разбивал поленья ровные и без сучков. Но любая работа начинается с перекура – Чертилов смахнул рукавицей с лавочки сухой и пушистый ноябрьский снежок, уселся, поставив инструмент рядышком, достал из кармана телогрейки пачку папирос «Прибой» – курил только их, они позлее и подешевле «Беломора» будут – и закурил, с удовольствием вдыхая вместе с дымом свежий морозный воздух. «Нет, не будет здесь пяти кубов, – думал Петька, оглядывая припорошенную снегом горку чурбаков, – может быть, четыре, от силы – четыре с половиной»

Докурив, растоптал окурочек кирзовым сапогом, не спеша начал работу. Колот сначала тонкие дровишки, справедливо решив, что нужно организм сперва разогреть, а после и тяжелые поленья легче пойдут. Чертилов злым на работу не был, поэтому расколол десяток поленьев, решил перекурить. Только об этом подумал, как услышал над ухом голос:

– Драстуйте, дединька!

От неожиданности Чертилов вздрогнул, услышав в тишине морозного утра незнакомый бас. Он повернулся и взгляд его уперся в огромный ватник, перепопоясанный солдатским ремнем с бляхой. Поднял голову. Перед ним стоял здоровенный детина, в плечах шире Петьки в два раза и выше на полметра. Кроме ватника и солдатского ремня на молодце была солдатская же шапка-ушанка, которая, казалось, треснет по швам, так трудно ей было обнимать большую голову незнакомца. Обувь у него была не по сезону – резиновые сапоги. Он поздоровался и смотрел на Петьку лазорево-синими глазами, которые никак не вязались с круглым небритым лицом из разряда тех, что «кирпича просят». Чертилов вспомнил, что вчера ему Зинка, баба его, говорила, дескать, к соседям привезли племянника из деревни, дефективного сироту. «Ничего себе, сиротинушка!» – подумал Петька. А вслух сказал:

– Здорово, коли не шутишь!

Получив ответ, детина сказал следующую заранее приготовленную фразу:

– Бог в помощь!

– Бог-то в помощь, да и сам не будь овощ! – Петька присел на чурбак и предложил сесть незнакомцу. Ему казалось, так будет удобнее разговаривать – уравниются в росте. Тот, однако, продолжал стоять.

– Как зовут? – спросил Петька.

– Климушка, – ответил тот.

– Клим значить, да... Вот, вишь ты, Клим, Бог-то высоко, а мы с тобой тут. Так взял колун-то бы да помог! – полушутя сказал Чертилов. Но Климушка, молча взял колун и, поправив ближайший чурбак, с маху развалил его надвое. Петька аж крикнул от такой сноровки. Клим поставил следующее полено, и оно разлетелось с первого удара. Чертилов решил, что Бог действительно сегодня решил ему помочь, раз послал такого кольщика. Он вскочил

и стал поднимать березовые чурбаки, устанавливая их вертикально, себе выбирая потоньше, Климу – потолще. Сам колоть не спешил – больше наблюдал за новым соседом. Заметил, что тот грамотно колет. Не просто так лупит, куда ни попадя, а повернет полено так, чтобы удар пришелся по трещине, что уже начала рвать подсохший торец, и чурбак разлетается с первого раза. «А ну-ка, – подумал хитрый Петька, – как ты это расколешь, Климушка?», – и подставил ему толстый свилеватый комель. Клим сперва отколол от него несколько поленьев с краев, затем также развалил его напополам. «Здорово колет, бродяга!» – отметил про себя Чертилов. И поскольку половина дров уже была расколота, скомандовал:

– Ну, все, Клим, перекур! Отдохнем маленько. Айда в избу, водички попьем. А может и не водички. У меня и водочка есть – можно дерябнуть по сто. Работа не волк, а, Клим!

Климушка распрямился и загородил Петьке дорогу:

– Нельзя, дединька! Водку пить – черта тешить, мама говорила.

– Ты че, Клим? Пошли, чаю хоть попьем. Нельзя же без роздыху работать – кони от этогодохнут!

Клим стоял на своем:

– Нельзя, дединька, уходить! Работа не кончена.

Петька рассердился:

– Какой я тебе дединька? Ну че ты ко мне привязался? Здесь, считай, кубов шесть будет! Где же за раз расколешь? Хошь коли, а мне домой зайти надо!

Климушка, однако, по-прежнему стоял на дороге, держа колун в обеих руках – не обойти, не объехать. «Повернешься, пойдешь, – подумал Петька, – а этот дефективный как жажнет колуном по башке и расколется как полено до самой земли. Послал же черт помощника!»

Сержант Ефрем Смирнов прошел с гаубичной батареей от Москвы до Польши и демобилизован был после тяжелой контузии, за три месяца до Дня Победы. А через год у него родился сын, которого он назвал Климом в честь первого красного офицера Клим Ворошилова. Климушка рос парнем здоровым и спокойным. Только слова выговаривал плохо вплоть до самых школьных лет. Имя свое он произносил так – «Юм». Оттого ребяташки его так и прозвали.

Когда Клим пошел в первый класс, отец его умер. Не выдержало здоровье, могучего когда-то батарейца, последствий военных ран и контузий. Поплакала жена, погоревал Климушка, похоронив батьку на деревенском кладбище. Стали жить вдвоем. В нужде большой, но в ладу семейном.

Клим был послушным сыном и матери во всем помогал по хозяйству. Только вот после похорон отца странный стал какой-то. Как уже потом врачи сказали – задержка в развитии. Если первый класс он закончил вместе со всеми, то во втором его оставили на второй год. В третьем – тоже самое. Причем дисциплину он не нарушал, учительницу слушал внимательно, а вот урок ответить не мог. Спросит она его, а он молчит и смотрит на нее своими большими синими глазами, как будто в мыслях своих детских вовсе и не в классе находится. За это и называла его учительница блаженным. Когда перевели Клим в четвертый класс, ему уже четырнадцать лет было. А по физическому развитию он мог любого двадцатилетнего в баранку согнуть. Только не задиристый был. Никогда не лез в драку, даже если сильно сверстники докучали. Посмотрит на них осуждающе, погрозит огромным указательным пальцем – не хорошо, мол, делаете, и на том все. Из четвертого класса маманя его и забрала. Решила, хватит парня мучить – все равно не идет учеба. Лучше пусть дома по хозяйству по-

могает, ведь в основном за счет домашнего хозяйства они с матушкой и жили – корову держали, кур, овец, огород соток в тридцать.

Клим в работе спорый был. Что мать скажет, то и сделает. И обязательно до конца доведет. Ну, а уж если задание не дали, то сам ничего делать не начнет. Сядет на лавочку и будет дожидаться пока матушка выйдет из хаты и распорядится, куда идти и что делать.

Мать умерла, Климу уже девятнадцать было. Председатель колхоза хотел было отправлять его в интернат для инвалидов, но приехал дядька Клим – брат матушки – и забрал его к себе жить, в районный центр. Далекое – аж за сто двадцать километров от родного села. Клима никогда так далеко не ездил, да и вообще никуда он не ездил. Похоронили они мать в начале ноября по первому снегу и уехали.

– Тьфу! Твою мать..., – махнул рукой Петька в бессильной злости, – Вот же навязался, иксплотатар!

Взял снова в руки колун и нехотя поднял чурбак. Не привык он работать в таком темпе. Все удовольствие от работы именно в перекурах. А этот, видно, и в самом деле дурачок. Ничего не понимает. Клима между тем продолжал методично, как автомат разбивать все поленья подряд. Через два часа работа была закончена.

– Вот и все, Климушка! – у Петьки настроение поднялось. Ему хотелось зайти домой – поесть свежих щец, что Зинка, наверное, уже наварила. А больше хотелось выпить с устатку. Замаял его новый сосед. – Спасибо, тебе! Слава Богу, закончили.

Клим раскрасневшийся, с капельками пота на носу поставил инструмент к забору и довольный показал рукой на гору колотых дров:

– Складывать, дединька!

Петька перепугался, замахал руками, затараторил:

– Ты что!? Какое складывать! Потом, завтра складывать! Сегодня нельзя, место надо подготовить. Домой иди, Клим, домой!

– Домой, – согласился Клим и вразвалочку пошел к своей калитке, шаркая огромными резиновыми сапогами.

Так началась новая жизнь Клима у дядьки – Федора Ивановича и тетки Дарьи. Работы для него здесь было меньше, чем дома, потому что родственники скотину не держали. Был только огород да несколько куриц. Зимой Клим очищал двор от снега, ходил на колодец по воду, дрова в дом заносил к печам. Растоплять печь Дарья ему не доверяла. Еще приспособила она его за хлебом ходить в ближайший магазин. Даст ему двадцать копеек, чтоб без сдачи было – Клим и принесет булку. Продавцы с ним обходились ласково. Жалели. Еще Клим письма относил в почтовый ящик. Тетка писала много писем и открыток, особенно к праздникам.

В своем околотке он быстро стал не то чтобы знаменитостью, но достопримечательностью, благодаря своим размерам и отличительному поведению. И удивительное дело, откуда ни возьмись, прилетела за ним из родной деревни кличка – Блаженный Юм. Бывает ведь так, дадут пацану сверстники кличку. Уедет он за тридевять земель в армию служить или в институт поступит учиться, а и там его кличка найдет. Опять прилепят ему ее, как будто на лбу была написана. Клим, конечно, на прозвище не обижался, тем более, взрослые его так в глаза не называли – обычно ребяташки. Те вообще проходу не давали. В родной деревне ребята подсмеивались над ним, но беззлобно. А здесь – как привяжутся, так не отстанут, пока из прохожих кто-нибудь не шуганёт. Особенно Клима доставал Васька Ключев – одиннадцатилетний хулиганистый парнишка. Ладно снежками с друзьями закидают, так иногда и камнем

швырнет или из рогатки выстрелит, чую свою безнаказанность.

Наступил март. Тетка Дарья написав поздравительные открытки, вручила их Климу. Вместе с ними подала и красивый конверт, на котором было написано «Авиа». Клим посмотрел на необычный конверт, ткнул в него пальцем и уставился на тетку:

– Красиво!

– Не для красоты это, Клим, – пояснила тетка, – а самолетом повезут это письмо. Все письма машиной возят, а вот где так написано – «Авиа», эти письма в самолет грузят. Понял?

Клим закивал головой. До этого он видел, как к почтовому ящику подъезжает легковая машина, из нее выскакивает шустрый паренек в темной драповой куртке и, забрав письма в мешок, уезжает. Самолета ему видеть не приходилось. Только на картинке. Поэтому, когда опустил письмо и открытки в ящик, сел на лавочку напротив и стал ждать – интересно было посмотреть.

Самолета все не было, но синий «Москвич» подкатил как обычно. Почтовый инкассатор, лихо задвинув спецмешок под ящик, принял почтовые отправления. Собрался было вернуться в автомобиль, вдруг ощутил, что на плечо ему легла тяжелая, как ковш экскаватора, рука, буквально придавив его к земле. Ему с трудом, чуть не вывернув голову, удалось оглянуться и рассмотреть «экскаватора»

– Ты что, Юм? – спросил удивленный сотрудник почты.

– Самолет прилетит, – объяснил Клим причину задержания должностного лица...

Пока почтовый служащий объяснял Климушке, что письма сортируются в другом месте, а самолеты летят только из областного центра, вокруг них собралась средних размеров толпа. Узнав в чем дело, некоторые прохожие стали сочувствовать почтарю и убеждать Клима, что его письмо улетит обязательно, другие шутники, наоборот, подначива-

ли: «Не отпускай его, Клим, пусть объяснительную напишет, на каком основании мешает письмам летать!» Клим не верил ни тем, ни другим – он верил своей тетке.

Неизвестно чем бы это кончилось, если бы мимо не проходил милиционер. Представителю власти удалось убедить отправителя письма отпустить сотрудника почты. Ему Клим поверил – погоня и португепя произвели на него впечатление. Особенно ему понравилась шапка с кокардой.

Когда Клим отправился домой, невесть откуда взялся его преследователь – Васька Клюев со своим приятелем и принялись опять его изводить:

– Юм! Юм, где твой ум? – затеяли они старую песню. – Блаженный Юм продал свой ум!

Климушка повернулся и стал грозить им пальцем. Пацаны чуть отбежали, Васька достал рогатку и, вложив в кожанку шарик от подшипника, выстрелил Климу в голову.

Домой Клим пришел с оплывшим окровавленным глазом. Тетка только руками всплеснула:

– Где тебя угораздило?!

– Ребята обидели, – только и вымолвил Клим.

Дарья промывала глаз марганцовкой и ругала ребятешек:

– Вот ведь паразиты! Чуть глаза не лишили! Я до них доберусь – завтра же пойду к этим Клюевым, пусть уймут своего хулигана, а не то – в милицию пойду...

Вечером Клим ужинать не стал, чего с ним никогда не бывало – сильно болел глаз, а сам он нервничал. Тетка, конечно же, никуда не пошла, поостыв немного – авось, со временем и так уладится.

Прошел месяц. Под апрельским солнцем стремительно исчезали остатки сугробов. Лед на реке посинел, освободившись от снега, местами на нем блестели лужи.

Клим, щурясь на солнышко и шаркая резиновыми сапогами, шел в магазин за хлебом с черной кирзовой сумкой и «двадцатчиком» в кармане. Дорога проходила мимо

Клюевского дома. Из двора выбежали двое его обидчиков, завидев его, покривлялись, подрались и рванули прямо на лед, решив, видимо, перебежать на другую сторону речки. Может быть, и не провалились бы, если бы шли потихоньку и не топались. Но, еще с утра крепкий, лед после обеда здорово подтаял и, начав трещать под ногами бегущих, не выдержал. Оба оказались в ледяной воде.

Клим смотрел, как они хватались за кромки льдины и, вытаращив глаза, испуганно кричали и звали на помощь. Кто знает, может быть, в эти минуты они ему напомнили котят, которых топили в луже ребята постарше, когда Климушке было всего пять лет. Он тоже тогда вот также стоял и смотрел. Котята высовывали головы из воды, чтобы хватить глоток воздуха и жалобно пищали. Ребятишки развлекались и палками прижимали котят к самому дну лужи, не давая им поднять голову. Маленький Юм тогда не мог понять, зачем это все происходит, но потом решил, что если так делают старшие ребята, то значит так надо.

Пацаны уже слабели и кричали все тише, но головы их по-прежнему были над водой, они упорно барахтались, цепляясь за жизнь. И Юм, легко как ледокол проламывая лед, двинулся в густую ледяную воду. Ему было по грудь, когда он добрался до пацанов и протянул огромные руки к их головам.

Васька Клюев был моим одноклассником. Парнишка из числа тех, что называли «отпетыми». Отец его работал в райпо грузчиком и пил по-черному. Мать шила на дому, одна поднимала большой огород и троих ребятешек. По всему было видно, что Васька останется на второй год в четвертом классе, потому что по весне связался с компанией постарше себя, начал курить и пропускать уроки. Учительница не знала, что делать. Вызывать родителей в шко-

лу было бесполезно. Отец был либо пьян, либо зол, оттого, что не пьян. Когда ему сообщали о Васькиных школьных «успехах», он в школу не шел, а отлупив старшего сына чем попало, шел в магазин, чтобы там «сообразить на троих» и успокоить нервы.

Мы с Васькой не то чтобы большими друзьями были, но время вместе проводили частенько. Когда он заходил к нам в гости, моя бабушка жалела его и, накормив нас чем-нибудь вкусным, считала своим долгом хоть немного его повоспитывать:

– Ты, Вася, ежли будешь хулиганничать да школу пропускать, плохо кончишь! В тюрьму попадешь, как Шурка Зуев или сгинешь под забором, как тёзка твой Васька Закомалдин. Давай, берись за ум, мать слушайся и учителей. Счувать-то тебя боле некому!

Приятель мой, из благодарности за угощение, бабушку молча выслушивал, глядя в пол или в сторону, а выйдя за порог, снова брался за свое, посмеиваясь над её наставлениями.

Блаженный ухватил пацанов за шкурки и легко, как котят, поднял над водой. Не спеша повернулся и пошел к берегу. Когда он выволок их на берег и поставил на землю, ребятишки сразу же рванули по домам, хлюпая носами, слезами и водой в сапогах. Только Васька на секунду остановился и, оглянувшись, сквозь слезы посмотрел на Юма виновато и удивленно.

Климушка вылил воду из сапог, постоял в задумчивости, потоптался на месте. Потом, вспомнив, что его ждут с хлебом, отправился в магазин. Студеная апрельская вода с мокрого ватника и штанов стекала ручьями.

Домой он пришел через час и подал тетке чуть подмокшую булку серого хлеба. Та выспросила, где он так вымок,

отругала его и, напоив чаем с малиновым вареньем, велела лежать. К утру у него поднялась температура.

Умер Климушка через две недели в районной больнице от воспаления легких. Похоронили его тихо и незаметно в углу огромного кладбища. Дядька – Федор Иванович – поставил сосновый крест, а больше ничего.

Василий Клюев закончил школу, отслужил в армии. Работал в областном центре на заводе «Стройжелезобетон», вырос до главного инженера. Когда началась перестройка, его выбрали директором завода. Каждый год он приезжает на свою малую родину и идет на кладбище. Прежде, чем идти на родительские могилки, он идет на могилу к Климушке и кладет два цветочка к мраморной плите – он поставил ему памятник и железную оградку.

Я живу далеко и много лет не приезжал в родной городок. Но последние годы необъяснимая сила тянет меня туда и заставляет регулярно навещать мою родину, где уже давно не живет никто из моих родственников и друзей юности. Моя жена никак не может понять, как можно променять отдых на теплом ласковом море на поездку в провинциальное захолустье, где, как она считает, и навещать – то уже некого. Я не пытаюсь ей ничего объяснять, а каждый год молча собираюсь и еду туда, куда не летают самолеты, а поезда стоят не более пяти минут.

Когда приезжаю, мы с Васькой вместе идем на кладбище и навещаем Блаженного Юма. Вспоминаем, как тащил он нас из ледяной купели, спасая наши жизни, а может быть и души. И каждый раз меня бросает в жар от стыда за свои детские провинности, которые тогда казались безобидными шалостями. И я покаянно понимаю, что это чувство не оставит меня – до конца дней моих будет жить в душе, тревожа ее и не давая свернуть с пути.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
БРОНЗОВЫЕ КЛЮЧИ. Повесть.....	6
МУЖЧИНЫ У ДАЧИ. Ироническая повесть.....	126
ДВЕРЬ В ОТЕЛЬ. Рассказ.....	175
В ТРИ ЧАСА У «КИПАРИСА». Рассказ.....	186
БЛАЖЕННЫЙ ЮМ. Рассказ.....	201

**Отпечатано в ООО «Типография Дамми».
г. Курган, пр. Машиностроителей, 13А.
Заказ ТД16-01278. Тираж 500 экз.**